Орсон Скотт Кард

Седьмой сын

Сказание о Мастере Зайне

Седьмой сын
Орсон Скотт Кард

Аннотация
Орсон Скотт Кард. Седьмой сын
Благодарности
1. Злюка Мэри
2. В пути
3. Дом у ручья
4. Река Хатрак
5. Сорочка
6. Балка
7. Алтарь
8. Посетитель
9. Сказитель
10. Видения
11. Жернов
12. Книга
13. Хирургия
14. Наказание
15. Обещания
Глоссарий имён собственных

Аннотация

Чтобы нарушить хрупкий ход истории, вовсе не обязательно быть волшебником. Одна роковая случайность и... И знаменитый полководец Наполеон плывет в Америку, чтобы усмирить восставшие Штаты, Бенджамин Франклин становится великим магом, Джордж Вашингтон слагает голову на плахе, а по дорогам Северной Америки странствует поэт-провидец Уильям Блейк. В эти смутные времена на свет появляется седьмой сын седьмого сына, мальчик, наделенный невероятными способностями. Долгий путь предстоит одолеть Элвину, прежде чемлюди назовут его Мастером.

Орсон Скотт Кард.
Седьмой сын

Посвящается Эмили Джен, вся необходимая магия уже ведома ей

Благодарности

Прежде всего, я обязан поблагодарить Кэрол Брэйкстоун за ее помощь в исследовании народной магии первых американских поселенцев. Материал, который она добыла, принес мне массу полезных идей и позволил с точностью до мельчайших деталей описать жизнь Америки периода покорения северо-западных территорий. Также в своей работе я использовал информацию, содержащуюся в «Путеводителе по американской истории» Дугласа Л.Браунстоуна (издательство «Фэктс он Файл, Инкорпорэйтед») и «Забытых дарах» Джона Сеймура (издательство «Кнопф»).

Скотт Рассел Сандерс весьма помог мне, подарив экземпляр своей замечательной книги «Заговоры в глуши: Истории о покорении Американского континента» (издательство «Квилл»). Его работа стала для меня наглядным примером, чего можно достигнуть, правдоподобно описывая жизнь первых поселенцев, и немало помогла в работе над циклом о приключениях Элвина Творца. И, конечно же, хоть он давным-давно умер, я в огромном долгу перед Уильямом Блейком

(1757-1827). Именно он написал стихи и придумал пословицы, которые так замечательно подошли характеру Сказителя.

Но превыше всего я благодарен Кристине Э. Кард за ее неоценимую помощь, за ее критику, воодушевление, редакцию и вычитку моей книги. И за то, что она практически в одиночку воспитала наших детей — они выросли мудрыми, добрыми, воспитанными людьми, всегда готовыми простить своего отца, хотя кто-кто, а он не лучший пример для подражания и не может похвастаться всеми вышеперечисленными достоинствами.

1. Злюка Мэри

Малышка Пэгги была очень осторожна и внимательна, когда собирала яйца. Вот и сейчас, запустив руку в солому, она потихоньку двигала ее вперед, пока пальцы не уткнулись во что-то твердое и тяжелое. На следы куриной деятельности она просто не обращала внимания. В их гостинице частенько останавливались семьи с маленькими детьми, и мама малышки Пэгги никогда не кривилась при виде самых замызганных пеленок, а Пэгги старалась походить на нее. Пусть даже куриный помет был липким и неприятным на ощупь, склеивал пальцы, малышка не замечала этого. Она раздвинула солому, нежно ухватила яйцо и достала из коробки, где сидела наседка. Все это приходилось проделывать, стоя на цыпочках на качающейся скамеечке, пока рука шарила в гнезде. Мама сначала говорила, что Пэгги еще слишком мала, чтобы собирать яйца, но малышка Пэгги быстро доказала обратное. Каждый день она заглядывала в куриные гнезда и приносила домой яйца — все до единого, не пропустив ни наседки.

«Все до единого, — твердила она про себя. — *Я должна собрать все яйца до единого».*

Еще раз повторив это, малышка Пэгги оглянулась, кинув настороженный взгляд в северо-восточный угол сарая, который был самым темным местом в курятнике. Там в своей коробке восседала Злюка Мэри собственной персоной. Эта курица выглядела как настоящее порождение ада в перьях, ненависть так и сочилась из ее противных маленьких глазок, которые как бы говорили: «Ну, иди, иди сюда, девчонка, дай-ка я клюну тебя побольнее. Клюну в тот пальчик, в другой, а если ты посмеешь подойти совсем близко, то и до глаз твоих доберусь».

Большинство животных лишены внутреннего пламени, но Злюка Мэри так и полыхала, так и коптила ядовитым дымом. Этого не видел никто, но малышка Пэгги умела различать внутренний огонь, пламя сердца. Злюка Мэри мечтала о том, чтобы все люди на земле умерли, и особенно она жаждала смерти некой маленькой девочки пяти лет от роду — пальцы Пэгги были изукрашены маленькими шрамиками от клюва курицы. Ну, может, не изукрашены, но одна отметина точно виднелась. Пусть даже папа сказал, что девочка все придумала и ничего у нее на пальце нет,

малышка Пэгги прекрасно помнила, как курица клюнула ее, поэтому никто не смеет винить малышку в том, что порой она забывала заглянуть в гнездышко Злюки Мэри, которая сидела, будто разбойник в кустах, намеревающийся убить первого встречного. Да и что такого, если иногда малышка Пэгги забудет вытащить яйцо из-под Злюки Мэри?

«Я просто забыла. Заглянула во все коробки, в каждой посмотрела, а туда — забыла, забыла, забыла».

Все и так знали, что Злюка Мэри слишком коварна и злобна и те яйца, которые она несет, тут же тухнут.

«Я забыла».

Мама только-только успела развести огонь в очаге, как малышка Пэгги уже внесла корзинку с яйцами в дом. Под одобрительным взглядом матери Пэгги осторожно опустила яйца в холодную воду, после чего мама повесила котелок на крюк прямо над занявшимися дровами. Варящиеся яйца не терпят слабого пламени, так они только прокоптятся, и все.

— Пэг, — окликнул папа.

Маму тоже звали Пэг, но ее папа звал другим голосом — сейчас он словно хотел сказать: «Пэг-

ги, дрянная девчонка». Малышка Пэгги сразу поняла, что ее преступление раскрылось. Резко развернувшись, она громко выкрикнула то, что давно хотела сказать:

— Папа, я забыла!

Мама удивленно оглянулась на малышку Пэгги. Хотя папа был вовсе не удивлен. Он лишь вопросительно поднял бровь. Руку он держал за спиной. Малышка Пэгги знала, что в руке у него было зажато яйцо. Яйцо этой противной Злюки Мэри.

— И о чем же ты, Пэгги, забыла? — тихим, почти сочувствующим голосом спросил отец.

Тут-то Пэгги и осознала свою ошибку — такой глупой девчонки земля еще не родила на свет. Она с самого начала принялась отрицать все и вся, хотя никто ее ни в чем не обвинял.

Но сдаваться она все равно не собиралась, во всяком случае так просто. Она не выносила, когда родители злились на нее, в такие минуты она хотела убежать из дому, уехать в Англию и остаться там навсегда. Поэтому она напустила на себя невинный вид и сказала:

— Не знаю, папа.

Как она рассудила, в Англии жить лучше всего, потому что там есть лорд-протектор. Судя по

мрачному взгляду папы, заступничество лорда-протектора совсем не помешало бы малышке Пэгги.

— Так о чем же ты забыла? — еще раз задал свой вопрос папа.

— Ладно, Гораций, не тяни, — вмешалась мама. — Если она в чем-то провинилась, с этим ничего не поделаешь.

— Пап, я забыла-то всего один-единственный раз, — сказала малышка Пэгги. — Эта старая злобная курица ненавидит меня.

— Один-единственный раз, — медленно и тихо протянул папа.

После чего вытащил руку из-за спины. Только в ней было зажато не яйцо, а целая корзина. И корзина та была битком набита грязной соломой из гнезда Злюки Мэри, откуда же еще. Сухие стебли травы были крепко-накрепко склеены вытекшим и засохшим желтком, в котором виднелись осколки скорлупы, а посреди этого месива лежало три или четыре исклеванных, мертвых цыпленка.

— Обязательно тащить эту пакость в дом прямо перед завтраком? — осведомилась мама.

— Даже не знаю, что меня больше злит, — сказал Гораций. — Ее проступок или ее вранье. Быстро она научилась врать.

— Ничему я не училась, и ничего я не вру! — выкрикнула малышка Пэгги. Или собиралась выкрикнуть, но вовремя прикусила язык. Поэтому тот звук, что она издала, подозрительно смахивал на всхлип, хотя малышка Пэгги только вчера поклялась, что в жизни больше не будет плакать.

— Вот видишь? — произнесла мама. — Она раскаивается.

— Она раскаивается потому, что ее поймали, — поправил Гораций. — Ты слишком мягка с ней, Пэг. В ней начала проявляться лживая натура. Я не хочу, чтобы моя дочь выросла испорченной девчонкой. Уж лучше бы она умерла еще крошкой, как и ее сестры, — мне не пришлось бы стыдиться ее.

Малышка Пэгги увидела, как сердце мамы полыхнуло при воспоминании о мертвых дочерях. Внутренним взором Пэгги увидела маленькую девочку, ухоженную и лежащую в колыбельке, а потом еще одну, совсем крошку, но уже не такую ухоженную, — вторая дочка, ее звали Мисси, умерла от оспы, и никто, кроме ее собственной матери, которая сама едва оправилась от страшной болезни и еле-еле ходила, не осмеливался прикоснуться к ней. Малышка Пэгги увидела эту

страшную картину и поняла, что папа совершил большую ошибку, упомянув об умерших девочках. Несмотря на то что сердце палило жарким огнем, лицо матери превратилось в сам лед.

— Такой гадости еще никто не говорил мне в лицо, — произнесла мама. Подняв с обеденного стола набитую тухлой соломой корзину, она понесла ее во двор.

— Злюка Мэри больно клюется, — попыталась оправдаться малышка Пэгги.

— Бывает и хуже, а чтобы доказать это, я преподам тебе один урок, — перебил ее отец. — За то, что ты оставляла яйца в гнезде, я не стану тебя строго наказывать. Эта чокнутая курица и взрослого напугает, не то что такого лягушонка, как ты. Поэтому за эту провинность ты получишь всего один удар прутом. Но за ложь ты получишь десять ударов.

Услышав это, малышка Пэгги от души разревелась. Папа никогда не изменял своему слову и отсчитывал все сполна — особенно когда дело касалось порки.

Протянув руку, папа достал с высокой полки зачищенную ветвь орешника. С тех пор как Пэгги нашла старый прут и благополучно сожгла его в очаге, орудие наказания хранилось подальше

от девочки.

— Я бы лучше выслушал от тебя, дочка, тысячу горьких, но правдивых слов, чем одно, но лживое, — сказал он, наклонился и прошелся прутом по ее попе.

«Вжик-вжик-вжик», — отсчитывала она про себя. Каждый удар жалил ее, боль впивалась в самое сердце — с таким гневом двигалась рука отца. Но самое страшное — она понимала, что наказание ею не заслужено. Ярость вызвал вовсе не проступок малышки Пэгги, была другая причина, но доставалось всегда Пэгги. Отец стал страстно ненавидеть ложь после одного давнего случая, о котором он никогда и никому не рассказывал. Малышка Пэгги не могла объяснить, что за проступок совершил папа, поскольку воспоминание было путаным и неясным — он сам не помнил все подробности. Пэгги поняла лишь одно: причина крылась в женщине, и это была не мама. Стоило случиться чему-то плохому, как папа сразу вспоминал о той леди. Когда ни с того ни с сего умерла крошка Мисси, когда следующая девочка, которую тоже назвали Мисси, умерла от оспы, когда сгорел амбар, когда пала корова — каждый раз, когда случалась какая-нибудь неприятность, папа вспоминал о той леди и тут

же принимался твердить, как он ненавидит испорченность и ложь. Тогда ореховый прут жалил особенно больно.

«Я бы лучше выслушал от тебя тысячу горьких, но правдивых слов», — сказал он, но малышка Пэгги знала, что существует на свете одна правда, о которой он не хотел бы слышать, поэтому девочка верно хранила его секрет. Даже в приступе гнева она не кинет ему в лицо эти слова, хотя от ярости он наверняка сломает прут. Откуда-то малышка Пэгги знала, что, расскажи она папе о той леди, он умрет на месте, а она не желала ему смерти. Кроме того, леди, которая поселилась в огне его сердца, почему-то была совсем без одежды, а маленькой Пэгги из личного опыта было известно: стоит ей хоть словом заикнуться о том, что происходит, когда люди остаются голыми, как ее мгновенно выпорют.

Рыдая и шмыгая носом, она снесла положенные одиннадцать ударов. После этого папа сразу ушел из комнаты, а мама вернулась и принялась готовить завтрак для кузнеца, постояльцев и работников, но даже она не утешила малышку Пэгги, как будто девочки и не было в доме. Пэгги, повысив голос, порыдала минутку-другую, но это тоже не помогло. В конце концов она выта-

щила из швейной корзиночки куклу Бути и на негнущихся ногах зашагала в хижину к деде, где беспардонно разбудила его.

Как всегда, он внимательно выслушал ее рассказ от начала и до конца.

— Знаю я эту Злюку Мэри, — сказал он, когда Пэгги закончила. — Сотню раз, не меньше, говорил твоему папе: сверни ты этой курице шею, и дело с концом. Она психанутая. Раз в неделю, а то и чаще, она сходит с ума и колотит свои яйца — в том числе и те, что вот-вот проклюнутся. Она собственных цыплят убивает. Только ненормальный способен убить собственного ребенка.

— Мой папа тоже хочет меня убить, — пожаловалась малышка Пэгги.

— Ну, я вижу, ты еще ходишь, значит, дела обстоят не так круто.

— Хожу, но *еле-еле.*

— Да, теперь я и сам вижу. Похоже, ты чуть навек не охромела, — посочувствовал деда. — Но вот что я тебе скажу. По-моему, твои папа и мама разозлились друг на друга. Так почему бы тебе не исчезнуть на пару-другую часиков?

— Если б я была птичкой, то улетела бы отсюда.

— А еще лучше, — посоветовал деда, — поды-

щи-ка себе какое-нибудь потайное местечко, где тебя никто не найдет. Есть у тебя такое? Нет, нет, не говори мне — если ты кому-нибудь о нем расскажешь, это уже будет не тайна. Просто уйди туда на часок. Только знай, твое потайное местечко не должно быть в лесу, потому что там иногда бродят краснокожие, вдруг кто позарится на твои прекрасные волосы. Не ползай по деревьям — ты можешь упасть — и не забирайся во всякие щели, в которых легко застрять.

— Нет, деда, там очень просторно, оно не на дереве и не в лесу, — сказала малышка Пэгги.

— Ну так беги туда, Мегги.

Деда любил подшучивать над ней, и Пэгги, как всегда, скорчила недовольную рожицу. Подняв Бути, скрипучим, кукольным голоском она произнесла:

— Ее зовут Пэгги.

— Как скажешь. Так вот, мисс Пигги…

Малышка Пэгги размахнулась и ударила деду куклой по колену.

— В один прекрасный день Бути стукнется вот так, поломает себе что-нибудь и умрет, — предупредил деда.

Но Буги прыгнул вверх и затанцевал прямо у него перед носом:

— Ее зовут не Пигги, а *Пэгги!*

— Что ж с тобой поделаешь, Пугги так Пугги. Кстати, сейчас ты побежишь в свое потайное местечко, а если кто-нибудь забеспокоится и скажет: «Девочка пропала, надо ее отыскать», я отвечу: «Не надо ее искать, я знаю, где она. Она скоро сама вернется и будет прежней хорошей девочкой».

Малышка Пэгги выбежала было за дверь, но остановилась и вновь заглянула в хижину:

— Знаешь, деда, ты самый хороший взрослый во всем мире.

— Твой папа придерживается иной точки зрения, и все из-за того орехового прута, за который я чересчур часто хватался много лет назад. Ладно, беги.

Но прежде чем закрыть дверь, она во весь голос крикнула, в душе надеясь, что ее услышат и в доме:

— Ты *единственный хороший* взрослый на земле!

Крикнула и помчалась через садик, мимо коровьего пастбища, вверх по холму, по лесной тропинке — к домику у ручья.

2. В пути

Повозка у них была действительно доброй, а тянули ее две сильные лошади. Встречный человек мог бы счесть эту семью зажиточной. Шутка ли, шестеро сыновей — один почти мужчина, а самым младшим, близнецам, стукнуло по двенадцать, хоть они и выглядели гораздо старше своего возраста. И это не считая взрослой дочери и пяти младших сестер. Большое, крепкое семейство. И наверняка богатое — вот только вряд ли встречный догадается, что еще год назад у них была мельница и жили они в большом доме на берегу реки, что протекала через западный Нью-Гемпшир. Далековато забрались они от дома, и осталась у них от богатства одна повозка. Но они не падали духом, продвигаясь дальше на запад, пыля дорогами, перевалив через Гайо, направляясь в незаселенные земли, которые были открыты всем поселенцам. Для семьи, в которой столько сильных спин и умелых рук, всякая земля хороша, пока погода благоприятствует и не беспокоят набегами краснокожие. А законники и банкиры пускай остаются в Новой Англии.

Отец был крупный мужчина, склонный к полноте, что неудивительно, поскольку мельникам целыми днями приходится простаивать на одном месте. Маленькие жировые складки на животе и года не продержатся, когда придется возделывать лесные земли. Впрочем, это его не беспокоило — он никогда не чурался тяжелого труда. Сейчас его больше волновала жена, Вера. Вот-вот она должна была родить, он и сам это чувствовал, хотя она словом не обмолвилась о том, что время пришло. Женщины обычно не говорят о таком с мужчинами. Однако он видел ее большой живот и знал, что месяцев минуло много. Кроме того, днем, на привале, она шепнула ему: «Элвин Миллер, если попадется на пути гостиница, пусть хижина-развалюха, знай, я бы передохнула чуть». Не обязательно быть философом, чтобы истолковать ее слова правильно. Воспитав шестерых сыновей и дочерей, Элвин Миллер был бы туп как пробка, если б не уловил намека.

Поэтому-то он и послал своего старшого, Вигора, разведать, что ждет впереди.

Глядя на юношу, который ускакал, даже не подумав прихватить ружье, сразу можно было сказать, что семья эта прибыла прямиком из Новой Англии. Попадись на пути разбойник, не

увидели бы больше родители своего сына, а поскольку он вернулся с волосами на голове, стало быть, и краснокожие его не заметили — французы в Детройте платили за скальпы англичан огненной водой, поэтому любой краснокожий, завидев в лесах белого человека без ружья, не раздумывая снимал с того скальп. Встречный мог бы усмехнуться и подумать: «Наконец-то семье начала сопутствовать удача». Но эти янки не подозревали, сколько опасностей подкарауливает их на дороге, поэтому Элвин Миллер ни разу не поблагодарил судьбу.

Вигор принес весть о гостинице, что стояла тремя милями дальше. То были хорошие новости, и только одно обстоятельство все портило: между путниками и гостиницей пролегала река. Даже не река — почти пересохшая речушка, которую легко перейти вброд, но Элвин Миллер научился не доверять воде. Как бы мирно вода ни выглядела, она обязательно попытается заполучить тебя в свои объятия. Он собрался было сказать Вере, что ночь придется провести на этом берегу реки, но тут жена тихонько застонала, и он сразу понял: об этом даже речи быть не может. Вера родила ему двенадцать детей, и все двенадцать выжили, но с последних родов прошло целых четыре года,

а возраст дает о себе знать: поздний ребенок — не шутка. Многие женщины умирают во время таких родов. В гостинице наверняка найдутся опытные повитухи, которые помогут, поэтому через реку придется переправляться сегодня.

Кроме того, Вигор сказал, что и не река это вовсе, а так, речушка.

3. Дом у ручья

Воздух в домике у ручья был пропитан влагой, он тяжело и влажно обволакивал тело. Бывало, что малышка Пэгги засыпала здесь, и каждый раз она просыпалась, задыхаясь, будто очутилась под водой. Даже дома порой ей снилась вода — поэтому некоторые люди поговаривали, что и не светлячок она вовсе, а водянка. Только снаружи Пэгги всегда отличала сон от яви. Здесь же явью была вода.

Она оседала напоминающими пот каплями на балках, забитых в ручей. Пропитывала холодную, мокрую глину, покрывающую пол. Булькала и журчала в стремительном течении, бегущем прямо через домик.

Холодный родник спускался с вышины холма, чтобы пропитать прохладой жаркое лето; по пути над ним склонялись деревья, настолько древние, что лунный свет пробивался сквозь их ветви лишь ради того, чтобы услышать ту или иную добрую старую сказку. Вот за этим-то и приходила сюда малышка Пэгги — даже когда отец не злился на нее. Нет, не ради вездесущей влаги, царящей

здесь, — без нее девочка прекрасно обходилась. Просто в домике у ручья горящий внутри нее огонь как бы затухал, и она могла забыть о том, что она светлячок. Здесь можно было не заглядывать в темные уголки человеческих душ, где люди прятались от самих себя.

Прятались они и от Пэгги, только ничего у них не получалось. Свои самые отвратительные пороки и черты люди старались засунуть куда-нибудь подальше, но они не догадывались, что глазки малышки Пэгги способны проникнуть в каждый темный уголок их сердец. Еще совсем малышкой, выплевывая кукурузную кашу в надежде получить добавку материнского молока, она уже знала все сокровенные тайны окружающих ее людей. Она видела их прошлое, которое они схоронили в себе, и видела будущее, которого они так страшились.

Поэтому она и стала приходить в этот домик у ручья. Здесь она могла забыть о своем даре. Даже о той леди из папиного воспоминания. Здесь был лишь тяжелый, влажный, прохладный воздух, который гасил огонь, затенял пылающий внутри нее свет, так что хотя бы несколько минут в день Пэгги могла побыть обыкновенной пятилетней девочкой с соломенной куклой по имени Буги —

здесь она могла *не* думать о взрослых секретах.

«Я вовсе не плохая и не такая уж испорченная девчонка», — уже в который раз повторила она про себя. Только это не помогло, потому что она явственно осознавала свою вину.

«Ладно, хорошо, — сказала тогда она. — Я действительно испорченная. Но больше такой никогда не буду. Буду говорить только правду, как учил меня папа, или вообще ничего не буду говорить».

Но хоть ей и было всего пять лет, малышка Пэгги понимала: проще повесить огромный замок на рот, чем сдержать эту клятву.

Поэтому она промолчала, даже себе ничего не сказала, просто улеглась на поросший влажным мхом столик и крепко прижала к груди стиснутую в кулаке Буги.

Дзынь-дзынь-дзынь.

Малышка Пэгги проснулась и сначала разозлилась.

Дзынь-дзынь-дзынь.

Разозлилась потому, что никто не спросил ее: «Пэгги, ты не возражаешь, если этот молодой кузнец построит неподалеку отсюда свою кузницу?»

«Да нет, конечно, папа», — ответила бы она, если б ее спросили. Она знала, что такое кузница.

Это означало, что деревня будет процветать и расти вширь, из других краев потянутся сюда люди. Приезжать они будут с товарами, значит, начнется торговля, а когда начнется торговля, большой дом ее отца превратится в настоящую гостиницу. С появлением гостиницы все дороги чуть сворачивают в сторону, чтобы пройти мимо нее, — если она, конечно, не слишком удалена от основных путей. Все это малышка Пэгги понимала и чувствовала так же, как дети фермеров чувствуют ритм фермы. Гостиница, стоящая у кузни, всегда будет процветать. Поэтому Пэгги сказала бы: «Конечно, пускай кузнец остается, дайте ему землю, сложите дымоход, кормите его, поите, пусть он спит в моей постели. Ничего, что мне придется спать вдвоем с двоюродным братом Питером, который так и норовит заглянуть мне под ночную рубашку, — я потерплю. Но не подпускайте кузнеца к домику у ручья, ведь только там я могу отдохнуть наедине с водой, а тут начнется — дзынь-бряк-шшшш-ррр, шум-гам, небо черным-черно от дыма и по всей округе запах угля. Так человека можно с ума свести, и в один прекрасный день он возьмет да и уйдет в горы, вверх по течению, в поисках мира и покоя».

Ручей, разумеется, самое подходящее место

для кузни. Если б не постоянная потребность в воде, кузницу можно было бы поставить в любом другом месте. Железо прибывало прямиком из Нью-Нидерландов, а уголь… среди фермеров всегда найдутся желающие обменять мешок угля на добрую подкову. Но вода — это главное, ее никто за так возить не будет, поэтому кузнец и расположился сразу у подножия холма, неподалеку от домика у ручья, так что теперь назойливое «дзынь-дзынь-дзынь» будет постоянно будить ее и вдыхать новый огонь туда, где раньше он почти затухал, превращаясь в холодное, мокрое пепелище.

Неподалеку раздался звучный раскат грома. Пэгги стремительно соскочила со столика и кинулась к двери. Надо проверить, будет еще молния или нет. Она успела заметить лишь последний отблеск вспышки, но и этого было достаточно, чтобы понять: вскоре разразится настоящая гроза. Времени, должно быть, чуть больше полудня, или она проспала целый день? Бросив взгляд на небо, девочка увидела, что оно затянуто брюхатыми черными тучами — так что, может быть, уже поздний вечер, по солнцу не определишь. Воздух аж кололся, столько невидимых молний сгустилось в нем. Пэгги не в первый раз попадала под

грозу: вот-вот должна сверкнуть новая вспышка.

Она опустила глаза, чтобы проверить, стоят ли еще в кузне лошади. Лошади были на месте. Значит, их не подковали, а поскольку дорога вскоре превратится в непролазную грязь, фермеру из Вест-Форка и двум его сыновьям придется остаться здесь. Вряд ли они рискнут возвращаться в такую грязищу, кроме того, молния может лес запалить, может дерево завалить прямо на дорогу. А может ударить прямо в путников и разложить мертвых по кругу, как это случилось с теми пятью квакерами [1], о которых до сих пор языки чешут, хоть и произошло это еще в девяностом году, когда первые белые поселенцы только появились в этих местах. До сих пор люди сплетничали о том Круге Пятерых и всем таком прочем. Некоторые считали, что это сам Господь снизошел с небес и расплющил квакеров в лепешку, потому что только так можно заткнуть им глотку — ничто другое не помогает. Но большинство было уверено, что Господь унес их к себе в рай, так же как

1 notes: Note1

квакеры — от англ. «quake» — «трястись», «дрожать»; протестантская секта, основанная Дж.Фоксом (1624-1691), возникла в Англии в XVII веке и действует по сей день; квакеры считают, что истина скрывается не в том или ином церковном учении, а в некоем акте озарения святым духом, внутренним светом; квакеры отрицают необходимость духовенства, религиозные атрибуты.

забрал когда-то Оливера Кромвеля [2], который, дожив до девяноста семи лет, в один прекрасный день попал под удар молнии и сгинул, как его не бывало.

Нет, тот фермер с двумя здоровыми, взрослыми сыновьями наверняка еще на одну ночь останется. Как-никак малышка Пэгги была дочерью владельца гостиницы. Индейцы обучают своих детей искусству охоты, негритята учатся таскать грузы на спине, дети фермеров умеют распознавать погоду, а дочь тавернщика должна сразу определять, кто останется на ночь, а кто — нет, даже если гости сами еще ничего не решили.

Лошади в конюшне переступали с ноги на ногу и шумно фыркали, предупреждая друг друга о грядущей грозе. Даже в самом маленьком табуне найдется одна, особенно тупая и непонятливая лошадь, которая никак не может взять в толк, в чем дело и что творится. «Гроза, — всхрапывали лошади, — сильная гроза. Промокнем до костей точно, если молнией прежде не убьет». А глупая

---

2 notes: Note2

Кромвель, Оливер (1599-1658) — крупнейший деятель английской буржуазной революции XVII века; в 1650 году Кромвель был провозглашен лордом-протектором и установил единоличную диктатуру — протекторат; именно с этого момента у Орсона Скотта Карда и начинается альтернативная мировая история; в нашем мире Кромвель умер в 1658 году, тогда как в мире Элвина Творца лорд-протектор правил примерно на 38 лет дольше, изменив тем самым облик планеты

лошадь все продолжала ржать да переспрашивать: «Что за шум? Что за шум, а?»

И тут небесные хляби разверзлись, и на землю бурным потоком хлынула вода. Под хлесткими, сильными ударами капель с деревьев посыпались листья. Дождь полил сплошной стеной, скрыв кузницу за влажным туманом — малышке Пэгги даже почудилось, будто ее вообще смыло в ручей. Деда рассказывал, что ручей вливается в реку Хатрак, Хатрак впадает в Гайо, а Гайо, пробившись сквозь непроходимые леса, соединяет свои воды с Миззипи, и уже та впадает в огромное море. Еще деда сказал, море пьет столько воды, что зачастую страдает несварением желудка, отчего и появляются большие белые клубы, которые на поверку оказываются вовсе не отрыжкой, а облаками. Вот теперь и кузница поплывет к морю, которое проглотит ее и изрыгнет в виде облака, и в один прекрасный день, когда Пэгги будет идти по своим делам, одно из небесных облаков вдруг раскроется, из него выпадет кузница и встанет на прежнее место, где была, а старый Миротворец Смит по-прежнему будет дзынь-дзынь — дзынькать.

Однако в эту минуту ливень чуть рассеялся, и глазам Пэгги открылась кузня, которая и не

думала никуда уплывать. Впрочем, Пэгги ее не замечала. Ее взгляд привлекли маленькие огненные искорки, мелькающие в лесу, у самого Хатрака, там, где была переправа. Только в такую грозу и думать нечего переходить реку вброд. Искорки, целая куча огоньков, и каждый из них был живым человеком. Малышка уже не думала, как плохо быть светлячком: заметив огонь сердца, она с головой погружалась в него. Может, будущее, может, прошлое — всякие картинки уживались в этом огоньке.

Сейчас перед ее взором предстало то, что переживали люди в своих сердцах. Повозка застряла прямо посреди Хатрака, вода поднималась, и все, чем путники владели, находилось в той самой повозке.

Малышка Пэгги никогда не слыла говоруньей, а местные жители знали о способностях девочки, поэтому прислушивались к каждому ее слову, особенно когда речь шла о какой-то беде. И особенно когда в беду попадали люди. Поселенцы в этих краях появились довольно давно, однако они еще не успели забыть, что повозка, угодившая в лапы разлившейся реке, — потеря не одного человека, но сразу всех.

Пэгги стрелой слетела по травянистому склону,

перепрыгивая через сусличьи норки и поскальзываясь в неглубоких лужах, — и двадцати секунд не прошло с тех пор, как она увидела огоньки попавших в беду людей, а малышка уже ворвалась в жаркую кузницу. Фермер из Вест-Форка было осадил ее, намереваясь дорассказать о тех бурях, что довелось ему повидать на веку, однако Миротворец прекрасно знал о даре малышки Пэгги. Внимательно выслушав ее, он приказал немедленно седлать лошадей, подкованы они или не подкованы, поскольку на Хатракском броде попали в беду живые люди и здесь уж не до глупых баек. Малышка Пэгги даже не успела проводить их: Миротворец отослал ее в гостиницу, чтобы позвать на помощь отца, постояльцев и работников. Каждому случалось доверять свое имущество одной-единственной повозке, что долго тащилась на запад по горным дорогам-перевалам, пока не останавливалась в этом лесу. Каждому доводилось ощущать жадные щупальца реки, которая так и вцеплялась в повозку, так и пыталась умыкнуть ее. Каждый переживал подобное. Такое время было. Каждый принимал беду ближнего как свою собственную.

4. Река Хатрак

Пока Элеанора пыталась сладить с лошадьми, Вигор и остальные мальчишки выталкивали завязшую посреди брода повозку. Элвин Миллер тем временем одну за другой переносил на дальний берег своих младших дочерей. Речка бурлила и кипела вокруг него, дьявольски пришептывая: «Теперь вы попались, теперь твои дети принадлежат мне», — но Элвин лишь мотал головой, из последних сил прорываясь к твердой земле. Руки и ноги не слушались, ныл каждый мускул в теле, но он твердил упорное «нет» до тех пор, пока все девочки не очутились на суше, чумазые и промокшие до нитки; по их лицам бежали капли дождя, словно весь мир плакал вместе с ними.

Элвин перенес бы и Веру, а вместе с ней и нерожденного малыша, только ее было не сдвинуть с места. Она забилась в дальний угол раскачивающейся, переваливающейся с боку на бок повозки и, ничего не понимая, изо всех сил цеплялась за сундуки. Сверкнула молния, и одна из ветвей прибрежных деревьев с громким хрустом рухнула прямо на повозку, разрывая покрывающую

ее холстину. Вода бурным потоком устремилась внутрь, но Вера не замечала ничего — глаза выпучены, а побелевшие скрюченные пальцы мертвой хваткой впились в борта. Элвину хватило одного взгляда, чтобы понять: ничто на белом свете не заставит Веру покинуть это прибежище. Вырвать ее и неродившегося младенца из лап реки можно было, только вытащив на берег всю повозку.

— Пап, лошади не могут нащупать почву, — крикнул Вигор. — Они спотыкаются и вот-вот все переломают себе ноги.

— Но без них нам не выбраться!

— Плевать на лошадей, пап. Лишимся мы повозки и лошадей, ну и что?

— Мать не хочет выходить — боится.

Он увидел понимание в глазах Вигора. Жалкие пожитки, сваленные внутри, не стоят того, чтобы ради них рисковать жизнью. Но мама…

— На берегу упряжка хоть на что-то способна, — сказал Вигор. — Здесь, в воде, лошади только мешают.

— Распрягайте их. Но сначала привяжите нас к какому-нибудь дереву, чтобы не унесло ненароком!

Не прошло и двух минут, как близнецы Нет и

Нед очутились на берегу. Спустя еще секунду они обмотали веревкой огромное дерево, растущее у самой реки. Дэвид и Мера тем временем привязывали другой конец к упряжи, а Кальм начал рубить постромки. Элвин вырастил достойных сыновей — работа в их руках спорилась. Вигор выкрикивал указания, а самому Элвину ничего не оставалось делать, кроме как наблюдать за слаженными усилиями юношей. Он сидел рядом с Верой, в глубине повозки, и терзался собственным бессилием, глядя на жену, которая, закусив губы, пыталась задержать начинающиеся роды, тогда как река Хатрак, ярясь и бушуя, тащила всю семью прямиком в ад.

«Не река — так, речушка», — сказал тогда Вигор, но вдруг сгустились облака, полил дождь, и Хатрак превратилась в кипящую стремнину. И все равно можно было перебраться через реку — так по крайней мере выглядело со стороны. Лошади бодро ступили в воду, и только Элвин сказал Кальму, в руках которого были поводья: «Минута-другая, и мы на том берегу», — как река словно взбесилась. Они глазом моргнуть не успели — бурлящая вода с удвоенной силой рванулась вперед и ударила в борт. Лошади запаниковали и, потеряв направление, сбились в кучу. Мальчиш-

ки попрыгали в реку и попытались направить повозку к берегу, но дно внезапно исчезло, и колеса намертво застряли в грязи и иле. Как будто река заранее предугадала появление повозки и приберегла свою ярость до тех пор, пока лошади не ступят в воду, из которой возвращения не было.

— Берегитесь! Осторожней! — раздался крик Меры с другого берега.

Элвин обернулся, чтобы посмотреть, какую еще дьявольскую шутку вознамерилась выкинуть река, и увидел: вниз по течению, словно таран, неслось громадное дерево, нацеливаясь торчащими корнями прямо в центр повозки, прямо туда, где сидела Вера, ожидая рождения ребенка. Элвина сковало по рукам и ногам, мысли мгновенно улетучились, с губ сорвался отчаянный вопль, в котором угадывалось имя его жены. Быть может, в глубине своего сердца он надеялся, что окрик остановит надвигающуюся беду, сохранит Вере жизнь, но надеялся тщетно — никакой надежды на благополучный исход уже не оставалось.

Только Вигор не знал, что дело настолько безнадежно. Избрав момент, когда дерево вот-вот должно было ударить в борт, прыгнув, он упал прямо на торчащие, острые культи корней. Ствол

чуть покачнулся, потом начал разворачиваться и, закрутившись, миновал повозку. Утащив за собой Вигора, утопив юношу в бурлящем потоке воды — но цель была достигнута, корневище миновало повозку, лишь крона мимоходом мазнула.

Река понесла дерево вниз по течению, развернула еще раз и влепила прямо в огромный валун, притулившийся у берега. Элвин находился довольно далеко от места столкновения, но картина настолько ярко запечатлелась у него в памяти, словно он стоял совсем рядом. Ствол с громким треском ткнулся в валун, вбивая Вигора в камень. Секунда длилась целую вечность; глаза Вигора широко распахнулись от удивления, изо рта его кровавым фонтанчиком вырвалась струя крови, окропляя кору дерева-убийцы. После чего река Хатрак понесла свою игрушку дальше. Вигор в очередной раз скрылся под водой, на поверхности виднелась одна его рука, запутавшаяся в мешанине корней в последнем «прости», — так сосед машет на прощание, покидая гостеприимный дом.

Элвин не сводил глаз с умирающего сына и не замечал, что творится вокруг. Крона, толкнувшая в борт, помогла колесам освободиться из цепких

объятий густого ила, и теперь повозку подхватило течение, потащив ее вниз по реке. Резкий рывок чуть не выбросил Элвина в реку, однако он успел уцепиться за задний борт; спереди доносился крик Элеаноры; с берега что-то кричали сыновья. Доносилось лишь: «Держитесь! Держитесь! Держитесь!»

И веревка, привязанная одним концом к стволу огромного прибрежного дерева, а другим — к повозке, выдержала. Река не смогла унести телегу. Вместо этого она откинула ее к берегу, играя, как маленький мальчик играет камнем на веревке. Повозка с треском ударилась обо что-то и застыла — прямо у самой суши, обратившись передним концом навстречу течению.

— Выдержала! — в один голос заорали мальчишки.

— Слава Богу! — вырвалось у Элеаноры.

— Ребенок вот-вот родится, — прошептала Вера.

Но Элвин, Элвин не слышал ничего — в ушах еще звучал последний слабый крик, сорвавшийся с губ умирающего первенца. И видел он только своего сына, приникшего к дереву, которое перекатывалось и подпрыгивало в мутном потоке. Все, что он мог сейчас сказать, заключалось в

одном слове, в слове-приказании.

— Живи, — проговорил он. — Живи.

Не было такого, чтобы Вигор не послушался отца. Трудился он всегда не покладая рук, на его плечо всегда можно было опереться — Элвину он был скорее другом или братом, нежели сыном. Но на этот раз Элвин не сомневался, что сын ослушается наказа отца. И все-таки он шептал:

— Живи…

— Мы спаслись? — дрожащим голосом окликнула Вера.

Элвин повернулся к ней, пытаясь скрыть печаль и горе, проступившие на лице. Зачем ей знать цену, которую заплатил Вигор за спасение ее и младенца? Узнать она успеет — после того, как родится малыш, времени будет вдоволь.

— Ты сможешь выбраться из повозки?

— Что случилось? — в ответ спросила Вера, всматриваясь в его лицо.

— Напугался я. Дерево чуть не погубило нас. Ты сможешь выбраться? Берег совсем рядом, рукой подать.

В повозку заглянула Элеанора:

— Дэвид и Кальм снаружи, они помогут. Веревка пока держит. Пока. И я не знаю, сколько еще она выдержит.

— Давай, мать, поднимайся, всего-то пара шагов, — сказал Элвин. — Мы справимся с повозкой, когда ты будешь в безопасности, на берегу.

— Я рожаю, — простонала Вера.

— Рожать лучше на берегу, чем здесь, — не выдержав, рявкнул Элвин. — Поднимайся, тебе говорят.

Вера встала, неловко, шатаясь побрела к борту. Элвин шел следом, поддерживая ее, чтобы не упала. Даже он заметил, как опал ее живот. Дите, наверное, уже задыхается.

На берегу их ждали не только Дэвид и Кальм. Рядом с мальчиками стояли какие-то незнакомые люди, держа на поводу нескольких лошадей. Мало того, они пригнали небольшую телегу, чего Элвин никак не ожидал. Он понятия не имел, кто эти люди и откуда они узнали, что семье переселенцев требуется срочная помощь, но времени на представления не было.

— Эй, люди добрые! В гостинице найдется повитуха?

— Тетушка Гестер сможет принять роды, — сказал один мужчина, здоровяк, с руками, на которых бугрились мускулы настоящего быка. Кузнец, не иначе.

— Вы не могли бы помочь уложить в повозку

мою жену? Дорога каждая минута.

Стыд и позор в открытую говорить при посторонних о родах, да к тому же в присутствии самой роженицы. Но Вера была не глупа — она понимала, что сейчас не до церемоний. Кровать и повитуха — вот что сейчас важно, а всякие ужимки можно оставить на потом.

Дэвид и Кальм осторожно, под руки, довели мать до стоящей неподалеку повозки. Вера аж извивалась от боли. Женщине, которая вот-вот должна родить, не следует бегать, как молодке, вверх-вниз по речному берегу. Элеанора взяла бразды правления в свои руки и решительно раздавала приказы, словно не была младше всех братьев, не считая близнецов:

— Так, Мера, ну-ка собери всех девчонок вместе! Они поедут с нами в повозке. И вы двое, Нет и Нед! Знаю, вы могли бы помочь, но вы потребуетесь мне, чтобы приглядеть за сестрами, пока я буду с матерью.

С Элеанорой шутки плохи, да и положение, в котором они очутились, никак не располагало к смеху, поэтому мальчишки повиновались сестре, даже не обозвав ее как обычно Элеанорой

Аквитанской [3]. Младшие сестры тоже решили не препираться и гуськом потянулись вверх по склону.

Элеанора, на секунду задержавшись на берегу, оглянулась на замершего рядом с полупотопленной повозкой отца. Она перевела глаза на несущуюся реку, потом снова на отца. Элвин понял ее незаданный вопрос и покачал головой: «нет». Вера не должна была знать о том, что Вигор спас ее ценой собственной жизни. Непрошенные слезы навернулись на глаза Элвина, но Элеанора сдержалась. Ей было всего четырнадцать, но она уже умела подавлять подступающие к горлу рыдания.

Нет хлестнул лошадь, и маленькая повозка рванулась вперед. Вера морщилась, чувствуя под боком руки дочерей и капли дождя, падающие на лицо. Глаза подернулись дымкой, тупо, равнодушно, по-коровьи она смотрела на мужа, оставшегося на берегу реки. Иногда, например во время родов, женщина превращается в животное, подумал Элвин, разум покидает ее, и в право вла-

---

3 notes: Note3

Элеанора (Алиенора) Аквитанская — наследница Аквитании, жена Людовика VII, впоследствии вышедшая замуж за Генриха II, английского короля; спор за владычество Аквитанией послужил началом продолжительных войн между Англией и Францией

дения вступает тело. Как иначе она перенесла бы такую боль? На какое-то время в женщине поселяется дух земли, живущий обычно в животных. Она становится частичкой живого мира, забывает семью, мужа, порывает со всем человеческим. Дух земли уносит ее в долину плодородия, вечной жатвы и кровавой, голодной смерти.

— Ей ничего не грозит, — сказал кузнец. — Давайте теперь займемся повозкой. Наши лошади легко вытянут ее.

— Буря затихает, — заметил Мера. — Дождь поутих, да и течение уже не такое сильное.

— Как только твоя жена ступила на берег, река словно назад подала, — подтвердил мужчина с руками фермера. — Дождь вот-вот закончится, точно говорю.

— Худо вам пришлось, — кивнул кузнец. — Но вы спаслись. Так что, друг, бери себя в руки, нам предстоит немало сделать.

Придя в себя, Элвин вдруг обнаружил, что по щекам текут слезы. Да, предстоит немало сделать, это кузнец верно подметил, так что держись, Элвин Мельник. Ты не слабак какой-нибудь — нюни распускать. Другие теряют по дюжине детей за раз — и ничего, живут себе. У тебя было двенадцать детей, и Вигор успел стать настоя-

щим мужчиной, пусть так и не женился, пусть не завел собственных детей. Может, Элвин потому плакал, что Вигор погиб благородной смертью, а может, он плакал потому, что смерть пришла так внезапно.

Дэвид дотронулся до руки кузнеца.

— Подождите немножко, — тихо сказал он. — Десять минут назад погиб наш старший брат. Его утащило дерево, свалившееся в реку.

— Никто его не утаскивал, — сердито огрызнулся Элвин. — Он сам прыгнул и спас нашу повозку и твою мать, которая находилась внутри! Река отплатила ему, вот что я скажу, она наказала его.

— Его ударило прямо вон об тот валун, — спокойно объяснил Кальм собравшимся мужчинам.

Все посмотрели туда, куда указывала рука юноши. На камне даже следа крови не осталось, он невинно торчал себе у воды, словно и не было ничего вовсе.

— Хатрак — река коварная, злая, — сказал кузнец, — но я никогда не видел, чтобы она так злобствовала. Парнишка погиб, жаль его. Вниз по течению есть небольшой пляж, где течение замедляет ход, наверняка его туда прибило. Всю добычу река туда уносит. Когда гроза поутихнет, спустимся и привезем те… привезем твоего

сына.

Элвин утер глаза рукавом, но поскольку одежда его промокла насквозь, пользы это не принесло.

— Дайте мне минутку-другую, я приду в себя, — сказал Элвин.

К берегу подогнали еще двух лошадей, и упряжка из четырех могучих животных без труда вытащила повозку из заметно спавшего потока. К тому времени как повозка очутилась на дороге, сквозь серые тучи начали пробиваться солнечные лучики.

— Странно как-то, — размышлял вслух кузнец. — Обычно, если нам не нравится погода, мы накладываем заклинание, и она вскоре меняется. Что ж вы так не поступили?

— Не помогло, — ответил Элвин. — Буря специально караулила нас.

Кузнец положил могучую руку на плечи Элвина и мягко проговорил:

— Без обид, мистер, но бред это какой-то.

Элвин одним движением стряхнул руку:

— Буря и река нарочно хотели погубить нас.

— Пап, — вмешался в спор Дэвид, — ты устал. Подожди лучше с разговорами, скоро мы приедем в гостиницу, посмотрим, как там мама.

— У меня родится сын, — проговорил он. — Вот

увидите, это будет мальчик. Он должен стать седьмым сыном седьмого сына.

Вот тут они прислушались к нему, этот кузнец и все остальные. Не было такого человека, который бы не знал о том, что седьмой сын наделен большими способностями. Но седьмой сын седьмого сына… от самого рождения он обладает великой силой.

— Это дело другое, — пробормотал кузнец. — Должно быть, он может стать отличным лозоходцем, то-то вода накинулась на вас.

Остальные угрюмо закивали в знак согласия.

— Вода взяла свое, — сказал Элвин. — Она свое взяла, что теперь-то говорить? Она бы, конечно, убила Веру и ребенка, если б смогла. А поскольку ей пришлось это не по силам, что ж, она забрала моего сына Вигора. И теперь, когда малыш родится, он будет шестым сыном, поскольку в живых у меня осталось пятеро.

— Кое-кто поговаривает, что вовсе не обязательно, чтобы первые шестеро все выжили, — заметил фермер.

Элвин ничего не ответил, поскольку знал, что это непременное условие. Он думал, его седьмой сын будет обладать чудесными дарами, но река позаботилась о том, чтобы такого ребенка не

появилось на свет. Вода — коварная стихия, не остановит так, остановит иначе. Не надо было надеяться на чудо-мальчика. Цена оказалась слишком высока. Всю дорогу до гостиницы перед его глазами стояла одна картина: Вигор, запутавшийся в цепких объятиях корней. Неугомонное течение швыряет и терзает тело юноши — так «песчаный дьявол» смерч забавляется сухим листком. А изо рта Вигора ручейком сбегает кровь, утоляя жажду смертоносного Хатрака…

5. Сорочка

Малышка Пэгги стояла у окна, всматриваясь в бушующую грозу. Она видела огоньки сердец, пробивающиеся сквозь дождь, особенно ярко светил один из них, похожий на солнце, аж глаза резал. Но все эти огоньки окутывала непроглядная тьма-чернота. Не просто тьма, нет — скорее абсолютная пустота, Ничто, напоминающее часть Вселенной, так и не созданной Господом. Пустота омывала огоньки, как будто пытаясь отделить их друг от друга, разнести и поглотить. Малышке Пэгги эта пустота была знакома. Кроме жаркой желтизны человеческих огоньков, выделялось еще три цвета. Густой темно-оранжевый, принадлежащий земле. Дымчато-серый, означающий воздух. И глубокая черная пустота воды. Именно вода нападала на огоньки. Река нападала — правда, девочка никогда не видела ее настолько черной, настолько сильной и ужасной. В сумерках огоньки выглядели такими одинокими.

— Что ты видишь, крошка? — поинтересовался деда.

— Река хочет унести их, — ответила малышка Пэгги.

— Надеюсь, у нее ничего не выйдет.

Пэгги неожиданно разрыдалась.

— Да, малышка, — задумчиво проговорил дед. — Далеко ты умеешь глядеть, это великий дар, но не всегда он приходится по душе.

Она кивнула.

— Может, все обойдется?

Как раз в эту секунду один из огоньков отделился и сгинул во тьме.

— Ой! — невольно вырвалось у нее, и девочка рванулась вперед, надеясь подхватить его и водворить на место.

Конечно, ничего у нее не получилось. Видела она далеко, но дотянуться не могла.

— Огоньки пропали? — спросил деда.

— Не все, только один, — прошептала Пэгги.

— Неужели Миротворец и остальные еще не добрались дотуда?

— Только-только прибыли, — сказала она. — Веревка выдержала. Они спаслись.

Деда не спросил, откуда ей это известно и что она видит. Просто похлопал по плечу.

— Это потому, что ты им сказала. Помни об этом, Маргарет. Один огонек пропал, но если б ты

не увидела этих людей и не послала им навстречу помощь, они могли бы погибнуть все до одного.

Она покачала головой:

— Если б я не заснула, деда, я бы увидела их раньше.

— И ты теперь винишь себя? — уточнил деда.

— Уж лучше бы Злюка Мэри клюнула меня, тогда бы папа не разозлился, и я бы не пошла в домик у ручья, не заснула бы, и по мощь пришла бы вовремя…

— Все мы умеем плести эти «если бы да кабы». Так всякого очернить можно, Мэгги. Только это ничего не значит.

Но она не слушала деду. Нельзя винить слепца, который не предупредил о змее, на которую ты наступил, — зато тот, кто видит и ни слова не говорит, повинен во всем. Давным-давно она поняла: другим людям недоступно то, что видит она, — с тех самых пор на ее плечи легла тяжелая ответственность. Бог дал ей особое зрение, поэтому она должна смотреть во все глаза и предупреждать, иначе душа ее достанется дьяволу. Дьяволу или глубокому морю черноты.

— Ничего не значит… — проткнул деда. И вдруг, будто сзади его ткнули шомполом, подпрыгнул на месте. — Домик у ручья! Ну конечно же! —

Он подтянул ее поближе. — Послушай-ка меня, малышка Пэгги. Ты ни в чем не виновата, и это правда. Вода, которая течет в Хатраке, течет и в том ручейке у домика, это одна и та же вода, одинаковая везде, по всему миру. Вода желала тем людям смерти, она знала, что ты можешь предупредить и выслать помощь. Поэтому своим пением она усыпила тебя.

Тут и Пэгги начала что-то понимать — во всяком случае это было похоже на правду.

— Но как так может быть, дед?

— Здесь все дело в природе. Четыре силы составляют нашу Вселенную, и каждая хочет взять верх над остальными. — Пэгги вспомнила четыре цвета, которые окружали огоньки людей. И сразу догадалась, что за силы имеет в виду деда — он мог бы их и не называть. — Огонь наполняет жаром, заставляет гореть ярко, отдавать силы. Воздух коварен, он остужает пыл и любит лазать по щелям. Земля дает твердость и основательность — все, к чему она прикасается, служит долго и верно. А вода — она разрушает, падает с неба и уносит все, что может, уносит прочь, уволакивая в море. Если вода победит, весь мир превратится в однообразный огромный океан, в котором властвовать будет вода, и ничто не смо-

жет ускользнуть от нее. Все будет мертво и тихо. Вот почему ты заснула. Вода хотела уничтожить этих поселенцев, кто бы они ни были, хотела напасть и убить. Чудо, что ты вообще проснулась.

— Меня разбудил стук кузнечного молота, — сказала малышка Пэгги.

— Вот видишь! Кузнец работал с железом, самой твердой землей, что встречается в этом мире, а помогали ему воздух, вырывающийся из мехов, и огонь, настолько жаркий, что даже стекло в кузне плавится. Вода не могла дотянуться до него, чтобы усмирить.

Малышка Пэгги не верила своим ушам, но деда все верно говорил, иначе и быть не могло. Кузнец помог ей пробудиться от водяной дремы. Кузнец *помог ей*. Вот смешно-то, кузнец теперь, оказывается, лучший друг ей.

Снизу, с крыльца, донеслись крики, послышалось хлопанье дверей.

— Приехал кто-то, — прислушался деда.

Малышка Пэгги увидела скопище огоньков, собравшихся на первом этаже, и один из этих огоньков был наполнен ужасным страхом и болью.

— Это их мама, — объяснила Пэгги. — У нее скоро должен родиться ребенок.

— Это ли не удача. Одного потеряли, а вот уже и другой на подходе, заменяя смерть жизнью. — Деда заковылял вниз по лестнице, чтобы помочь.

Малышка Пэгги, впрочем, задержалась: она стояла и вглядывалась в черноту. Где-то вдалеке мерцал маленький огонек — значит, он вовсе не потерялся. Она все-таки видела его, как бы далеко он ни находился, как бы река ни пыталась скрыть его от чужих взглядов. Огонек не погас, его просто унесло, и, наверное, ему еще можно помочь. Пэгги сорвалась с места, вихрем пронеслась мимо старого деда и кубарем скатилась по лестнице.

В большой комнате ее поймала за руку мама.

— Скоро начнутся роды, — сказала мама, — и нам понадобится твоя помощь.

— Но, мам, тот человек, которого унесла река, он еще жив!

— Пэгги, у нас нет времени на…

Тут в разговор вмешались двое мальчиков, походящих друг на друга как две капли воды.

— Тот, которого унесла река? — переспросил один.

— Жив! — воскликнул другой.

— Откуда ты знаешь?

— Не может быть!

Они так старались перекричать друг друга,

что маме пришлось немножко утихомирить их, чтобы разобраться в происшедшем.

— Это Вигор, наш старший брат, его унесло течением…

— В общем, он жив, — сказала малышка Пэгги, — но находится в лапах у реки.

Близнецы разом повернулись и вопросительно посмотрели на маму.

— Тетушка Гестер, она точно знает, что говорит?

Мама кивнула, и мальчишки рванулись к двери, выкрикивая:

— Жив! Жив! Он жив!

— Ты уверена? — с подозрением спросила мать. — Обмануть надеждой — это страшно и жестоко.

Малышка Пэгги перепугалась до смерти, настолько яростно вспыхнули мамины глаза. Она хотела ответить, но не находила слов.

Тут, на ее счастье, сверху наконец спустился деда.

— А ты мозгами пошевели, Пэг, — предложил он, — откуда ей знать, что кого-то унесла рекой, если она не видела этого своими глазами?

— Я все прекрасно понимаю, — кивнула мама. — Но эта женщина слишком долго сдер-

живала роды, я боюсь, как бы ребенку она не повредила, так что пошли, Пэгги, будешь говорить, что ты видишь.

Она повела малышку Пэгги в спальню, что за кухней, туда, где обычно спали папа с мамой, когда в доме останавливались посетители. Женщина лежала на кровати, крепко сжимая руку высокой девушки с глубокими, серьезными глазами. Малышка Пэгги никогда не встречалась с этими людьми, но она сразу узнала огоньки их сердец — особенно в глаза бросался тот, где поселились боль и страх.

— Кто-то кричал, — прошептала женщина.

— Тс-с, — приказала мама.

— Он еще жив?

Высокая серьезная девушка недоверчиво приподняла брови, глядя на маму:

— Это правда, тетушка Гестер?

— Моя дочь — светлячок. Поэтому-то я и привела ее в эту комнату. Чтобы увидеть ребенка.

— Значит, она действительно видела моего мальчика? Он жив?

— Мне казалось, ты ничего не говорила ей, Элеанора, — упрекнула мама.

Девушка покачала головой.

— Я сама видела, из повозки. Он жив?

— Расскажи ей, Маргарет, — кивнула мама.

Малышка Пэгги повернулась и стала искать тот огонек. Когда она начинала «смотреть», стены не могли служить ей преградой. Огонь сердца юноши все еще пылал, хоть и находился очень, очень далеко. Однако на этот раз Пэгги попробовала приблизиться к нему, взглянуть поближе.

— Он лежит в воде, запутавшись в корнях какого-то дерева.

— Вигор! — выкрикнула лежащая на постели женщина.

— Река желает его смерти. Твердит: «Умри, умри».

Мама коснулась руки роженицы:

— Близнецы побежали к остальным, они все расскажут. На его поиски немедленно выедут.

— Что они найдут в этой темноте? — горько проговорила женщина.

— По-моему, он молится, — снова вступила в разговор малышка Пэгги. — Он говорит о… седьмом сыне.

— О седьмом сыне, — шепотом повторила Элеанора.

— Что это значит? — спросила мама.

— Если родится мальчик, — объяснила Элеанора, — и родится, пока Вигор еще жив, он будет

седьмым сыном седьмого сына.

Мама аж задохнулась от изумления.

— Неудивительно, что река… — пробормотала она. Мысль можно было не продолжать. Она молча взяла малышку Пэгги за руки и подвела к постели, где лежала женщина. — Посмотри на ребенка и увидь то, что увидишь.

Малышке Пэгги не впервой было присутствовать при родах. Основное назначение людей, обладающих способностями светлячков, — проверять незадолго до родов неродившегося ребенка. Отчасти для того, чтобы определить, удобно ли младенец расположился в утробе. А отчасти для того, чтобы узнать, кто он такой и кем суждено ему стать — светлячок умел прозревать будущее младенцев. Пэгги не пришлось касаться живота женщины руками — она и так видела огонек, горящий внутри. Именно этот огонек пылал так жарко и ярко — солнце по сравнению с луной, которой казалось сердце его матери.

— Мальчик, — возвестила она.

— Позволь мне тогда родить его, — сказала женщина. — Пусть он сделает вдох, пока Вигор еще дышит этим воздухом!

— Как ребенок лежит? — спросила мама.

— Он готов, — ответила малышка Пэгги.

— Головой вперед и лицом вниз?

Пэгги кивнула.

— Почему ж он тогда не выходит? — удивилась мама.

— Она ему не разрешает, — показала малышка Пэгги на роженицу.

— Там, в повозке… — проговорила женщина. — Он уже выходил, но я попросила его подождать.

— Сразу надо было предупреждать, — резко отозвалась мама. — Тоже мне, помочь просит, а сама не сказала, что заговор наложила. Эй, девочка!

У стены, собравшись в кучку, жались несколько девчонок. Широко открытыми глазами они смотрели на маму, не понимая, кого именно она позвала.

— Да любая! Дайте мне вон тот железный ключ на кольце, что висит в углу.

Самая старшая неловко, с громким звяканьем сдернула ключ с крюка и подала маме.

Мама подняла ключ с кольцом над животом роженицы и тихонько запела:

Вот круг широк, готовый отомкнуться,

Вот ключ, чтоб выйти из глубинных вод.

Земля, железом стань, Огонь, дай нам тебя коснуться,

На воздух появись, начни свой первый год.

Тело роженицы скрутила внезапная, яростная судорога, и женщина громко закричала. Мама отшвырнула ключ, откинула простыню, подняла колени роженицы и приказала малышке Пэгги *смотреть*.

Пэгги прикоснулась к животу женщины. Разум малыша был абсолютно пуст, он чувствовал только давление со всех сторон и надвигающийся спереди холод, который ждал на выходе. Но эта пустота позволила Пэгги прозреть такое, чего она никогда больше не смогла бы увидеть. Миллиарды миллиардов тропинок открылось перед ней, жизнь мальчика лежала у нее на ладони, ожидая первых поступков, первых решений, первых изменений в окружающем мире, дабы одним махом и в одну секунду уничтожить миллионы возможных вариантов будущего. Едва видная, мерцающая тень будущего живет в каждом человеке, но очень редко ее можно заметить — мысли о настоящем мешают разглядеть, что будет завтра. Однако сейчас, на несколько драгоценных

мгновений, Пэгги открылось то, что может произойти в жизни малыша.

И каждая тропинка вела к неизбежной смерти. Утонул, утонул — на каждой дорожке будущей жизни подстерегала смерть от воды.

— Ну почему ты его ненавидишь?! — не сдержалась и все-таки выкрикнула малышка Пэгги.

— Что? — не поняла Элеанора.

— Тихо, — оборвала мать. — Пусть девочка видит то, что видит.

Внутри утробы угрюмо плескался темный пузырь воды, окружая огонек младенца. Эта темень выглядела настолько страшно, что малышка Пэгги напугалась: а вдруг мальчик захлебнется?

— Тащите, ему нужно дышать! — закричала она.

Резким движением мама сунула внутрь руку. Это выглядело ужасно, кроваво, но мама, не обращая внимания, подцепила шейку младенца сильными пальцами и потянула.

В этот же самый миг, стоило темной воде отступить от младенца, малышка Пэгги увидела, как десять миллионов смертей, которыми вода грозила мальчику, бесследно исчезли. И наконец-то открылись новые тропки, некоторые из них вели к ослепительно яркому будущему. Но те тропки,

на которых отсутствовала смерть в младенчестве, походили друг на друга одним событием. Там малышка Пэгги увидела себя и поняла, что должна совершить сейчас очень важный поступок.

И она совершила его. Оторвав пальцы от опавшего живота, она поднырнула под руку матери. Головка мальчика только-только показалась и была вся облеплена окровавленной сорочкой — полупрозрачным мешочком из тонкой кожи, в котором младенец плавал, будучи в материнской утробе. Рот малыша был широко открыт, судорожно втягивал сорочку, но она никак не рвалась, поэтому мальчик не мог вдохнуть.

Малышка Пэгги поступила так, как поступила в увиденном несколько мгновений назад будущем младенца. Она протянула руку, высвободила сорочку, забившуюся под подбородок, и сдернула ее с лица. Она отлипла вся сразу, одним влажным куском, и спустя какой-то миг оторвалась совсем. Рот малыша прочистился, он глубоко вздохнул и издал тот самый мяукающий крик, в котором только что родившей матери всегда слышится песнь жизни.

Малышка Пэгги сложила сорочку, а в голове у нее бродили видения, которые населяли тропки жизни малыша. Она еще не знала, что они

означают, но картинки были настолько пронзительны — их невозможно было забыть. Видения вселяли страх, потому что многое в этом мире зависело от нее одной и от того, как она использует сорочку, которая грела своим внутренним теплом ее руки.

— Мальчик, — сказала мама.

— Мальчик? — прошептала женщина. — Седьмой сын?

Мама завязывала пуповину, поэтому не смогла оглянуться на малышку Пэгги.

— Смотри, — шепнула она.

Малышка Пэгги вновь обратилась к тому одинокому огоньку, что сиял посреди далекой реки.

— Да, — подтвердила она, ибо огонек еще горел.

Но прямо у нее на глазах он вдруг замерцал, погас, умер.

— Все, — сказала Пэгги, — его больше нет.

Лежащая на постели женщина горько расплакалась, ее тело, измученное недавними родами, затряслось.

— Слезы, сопровождающие рождение ребенка… — задумчиво произнесла мама. — Плохой знак.

— Тихо, тс-с, — повернулась к своей матери Элеанора. — Надо радоваться, иначе печаль омрачит

будущую жизнь малыша!

— Вигор… — пробормотала женщина.

— Уж лучше равнодушие, чем слезы, — сказала мама.

Она протянула заходящегося в крике младенца, и Элеанора ловкими руками приняла малыша — сразу было видно, не одного новорожденного пришлось понянчить ей. Мама подошла к столу в углу и взяла с него шаль, сотканную из черной шерсти, означающей цвет ночи. Она медленно накрыла лицо плачущей женщины, приговаривая:

— Усни, мать, спи.

Когда шаль сползла с лица, рыдания замолкли: женщина заснула, дыхание ее выровнялось.

— Уберите малыша из комнаты, — велела мама.

— Разве ему не нужно дать грудь? — удивилась Элеанора.

— Ей не следует кормить этого ребенка, — объяснила мама. — Если не хотите, чтобы он с молоком матери впитал ненависть.

— Не может быть, чтобы она ненавидела его, — возразила Элеанора. — Он-то в чем виноват?

— Молоку этого не объяснишь, — усмехнулась мама. — Верно говорю, малышка Пэгги? Чью

грудь следует давать этому младенцу?

— Грудь матери, — отозвалась Пэгги.

Мама, нахмурившись, взглянула на дочь:

— Ты уверена?

Девочка кивнула.

— Что ж, тогда принесем малыша, когда она проснется. Все равно первую ночь ему не нужно ничего есть.

Так что Элеанора вынесла ребенка в большую комнату, где у жарко пылающего камина грелись и сушились мужчины. Разговоры о дождях и наводнениях, которые могли бы посоревноваться с нынешней бурей, мигом прекратились — все сочли должным поглядеть на мальчика, повосхищаться, после чего вновь вернулись к беседе.

Мама тем временем подошла к малышке Пэгги и, взяв ее за подбородок, заставила поглядеть себе в глаза.

— Надеюсь, ты не соврала мне, Маргарет, — произнесла она. — Как правило, ничего хорошего не выходит, если ребенок с молоком матери впитывает ненависть.

— Она не будет ненавидеть его, — сказала малышка Пэгги.

— Что ты увидела?

Пэгги с удовольствием ответила бы ей, если б

смогла найти слова, чтобы описать увиденное. А поскольку слова никак не шли, она просто уткнулась взглядом в дощатый пол. Судя по участившемуся дыханию мамы, Пэгги заработала тем самым хорошую трепку. Мама подождала немного, и вдруг ее рука мягко пробежалась по волосам дочки, коснувшись ласково щеки:

— Ах, дитя, дитя, ну и денек у тебя сегодня выдался. Если б ты мне не сказала тащить, мальчик наверняка бы задохнулся. Ты даже сама открыла ему ротик, да?

Пэгги согласно кивнула.

— Насыщенный денек для такой малышки, как ты. — Мама повернулась к другим девочкам, которые, несмотря на промокшие насквозь платья, продолжали жаться в уголке. — И на вашу долю сегодня выпало немало переживаний. Ну-ка, вылезайте оттуда, дайте матери поспать. Идите в большую комнату и обсушитесь у очага. Я пока приготовлю ужин.

Но на кухне уже вовсю хозяйничал деда, деловито переставлял банки и даже слышать не хотел о том, чтобы мама подменила его. Так что она вернулась в залу, шикнула на мужчин, выгоняя их, и принялась укачивать мальчика, сунув ему в рот палец, который малыш тут же принялся сосать.

Малышка Пэгги обозрела обстановку, поняла, что ее присутствие здесь не понадобится, а потому тихонько шмыгнула вверх по лестнице, на второй этаж, откуда перебралась на темный, затхлый чердак. Пауков она не боялась, а мышей разогнали кошки, поэтому она бесстрашно пролезла в люк. Забравшись в свое потайное местечко, она достала резную шкатулку, ту самую, что подарил ей деда: по его словам, эту шкатулку прадедушка привез из Ульстера после поездки по колониям. Сейчас в ней хранились всякие важные штуковины — камешки, обрывки лески, пуговицы. Но то были детские забавы, теперь же Пэгги ждала очень важная, ответственная работа, которую она будет выполнять до конца своей жизни. Выкинув из шкатулки всякий хлам, малышка изо всех сил дунула, выгоняя скопившуюся пыль. После этого осторожно положила внутрь свернутую сорочку и аккуратно закрыла крышку.

В будущем ей не раз и не два придется заглянуть внутрь шкатулки. Следуя неслышному зову, Пэгги будет бросать друзей и подруг, приходить сюда, просыпаться посреди ночи, жертвуя сладкими сновидениями. А все потому, что у малыша, которого укачивает сейчас мама, вообще нет бу-

дущего — везде и всюду его подстерегает темная вода. Только Пэгги может помочь ему, как уже помогла один раз, когда он был еще в утробе. Для этого-то она и забрала сорочку ребенка.

На какой-то миг она вдруг рассердилась: с чего это ей менять всю жизнь ради какого-то младенца? Это намного хуже, чем приезд кузнеца, чем папин прут, который столь немилосердно хлестал ее, чем мамины глаза, когда она злится. С этого момента все будет иначе — несправедливо! Ребенок какой-то, которого она не звала, не приглашала сюда — почему она должна заботиться о нем?

Пэгги протянула руку и открыла шкатулку, собираясь было вытащить сорочку и зашвырнуть ее в самый дальний и темный угол чердака. Но даже в темноте она разглядела место, которое никогда не сравнится с ночной тьмой, — оно было куда чернее и располагалось неподалеку от огонька ее сердца, там, куда проникла пустота глубокой черной реки, вознамерившейся сделать из маленькой девочки убийцу.

«Только не я, — обратилась Пэгги к воде. — Я тебе не принадлежу».

«Принадлежишь, — прошуршала вода. — Я бегу по твоим жилам, без меня ты высохнешь и

умрешь».

«Я все равно не позволю тебе хозяйничать надо мной», — возразила Пэгги.

Хлопнув крышкой шкатулки, она съехала вниз по лестнице. Папа неоднократно предупреждал, что когда-нибудь малышка Пэгги насажает себе полную попу заноз. И на этот раз он оказался прав. Что-то очень острое впилось в ногу Пэгги, да так глубоко, что девочка еле доковыляла до кухни, где пребывал деда. Конечно, он сразу бросил жарку-парку, чтобы вытащить болючие занозы.

— Мое зрение уже не столь востро, Мэгги, — спустя некоторое время пожаловался он.

— У тебя глаз орла. Папа так говорит.

— Это он сейчас так говорит, — хмыкнул деда.

— А что будет на ужин?

— О, ты будешь в восторге, Мэгги.

Малышка Пэгги сморщила носик:

— Вроде, курица готовится.

— Именно.

— Терпеть не могу куриный бульон.

— Сегодня будет не просто бульон. Будет еще жареная курочка, вся целиком, не считая шейки и крылышек.

— Ненавижу жареную курицу.

— Вот скажи, твой деда хоть раз соврал тебе?

— Нет.

— Тогда поверь мне. Раз я говорю, что этому куриному обеду ты обрадуешься, значит, так оно и будет. Неужели ты даже представить себе не можешь, какую курицу ты с удовольствием бы слопала?

Малышка Пэгги принялась размышлять. Она размышляла, размышляла — и вдруг улыбнулась:

— Злюка Мэри?

Деда подмигнул:

— Я всегда твердил, что эта курица Богом предназначена для подливки.

Малышка Пэгги так крепко обняла его, что он поперхнулся. А потом они оба расхохотались во все горло.

Позднее вечером, уже после того как Пэгги легла спать, тело Вигора наконец привезли в дом, и папа с Миротворцем принялись мастерить гроб для погибшего юноши. На Элвине Миллере лица не было — когда Элеанора показала ему малыша, он в его сторону и не посмотрел. Вернуться к жизни его заставили ее слова:

— Та девочка, светлячок, говорит, что этот ребенок — седьмой сын седьмого сына.

Элвин изумленно огляделся по сторонам, как

бы ища человека, который подтвердил бы это.

— Ты можешь верить ей, — кивнула мама.

Слезы навернулись на глаза Элвина.

— Парень выдержал, — проговорил он. — Там, в воде, он держался, держался изо всех сил.

— Он знал, как ты ждешь рождения этого мальчика, — подтвердила Элеанора.

Только после этого Элвин протянул руки к малышу, обнял, прижал и заглянул в его глаза.

— Ему еще не дали имени?

— Конечно, нет, — ответила Элеанора. — Мама всегда сама давала имена сыновьям, но ты твердил, что седьмой сын будет зваться…

— Так же, как я. Элвином. Седьмой сын седьмого сына, носящий имя отца. Элвин-младший. — Он посмотрел вокруг, затем повернулся лицом по направлению к реке, скрывающейся где-то в темном лесу. — Слышишь это, ты, Хатрак? Его зовут Элвин, и тебе не удалось извести его со свету.

Вскоре в комнату внесли гроб, куда уложили тело Вигора. По краям, чествуя огонь жизни, покинувший юношу, расставили зажженные свечи. Элвин поднял над гробом младшего сына.

— Посмотри на своего брата, — прошептал он новорожденному.

— Пап, он же только что родился, не видит еще

ничего, — удивился Дэвид.

— Ты не прав, Дэвид, — покачал головой Элвин. — Он *не* понимает увиденного, но глаза его видят. Когда он станет постарше и услышит историю своего рождения, я расскажу ему, что он видел Вигора, брата, который пожертвовал жизнью ради его спасения.

Прошло недели две, прежде чем Вера оправилась, чтобы вновь тронуться в путь-дорогу. Элвин и сыновья полностью отработали свое проживание в доме семьи Гестеров. Они расчистили добрый кусок земли, нарубили дров на зиму, запасли угля для кузнеца Миротворца и расширили дорогу. Кроме того, они свалили четыре огромных дерева и сделали крепкий, надежный мост через Хатрак, возведя над ним крышу: теперь в самую лютую грозу люди могли перейти через реку и ни одна капля не упала бы на них.

Могила Вигора стала третьей на местном кладбище, где уже покоились две умершие сестренки малышки Пэгги. В утро отъезда вся семья собралась там, чтобы в последний раз попрощаться и помолиться над братом и сыном. После этого они забрались в повозку и направились на запад.

— Но с вами навсегда останется частичка наших душ, — сказала Вера, и Элвин кивнул в знак

согласия.

Малышка Пэгги быстренько проводила их и метнулась на чердак, открыла шкатулку, взяла в руки сорочку маленького Элвина. Никакая опасность ему не грозила — по крайней мере сейчас. Пока что он в безопасности. Она убрала сорочку и закрыла крышку. «Надеюсь, из тебя вырастет хороший человек, крошка Элвин, иначе все наши хлопоты будут впустую».

6. Балка

В воздухе разносился мелодичный звон топоров, сильные голоса сливались в дружной песне, и над лугами у Поселения Вигора все выше поднималась новая церковь, где преподобный Филадельфия Троуэр вскоре начнет первую проповедь. Работа спорилась, преподобный Троуэр даже не надеялся, что церковь будет построена так быстро. Еще день-два назад была возведена всего одна стена молельни — как раз тогда-то и объявился этот пьяница, одноглазый краснокожий, пожелавший принять истинную веру. Если уж один вид будущей церкви вселял в языческие души желание присоединиться к цивилизации и христианству, что же будет, когда здание наконец вознесется над этими дикими лесами? И если такой презренный туземец, как Лолла-Воссики, присоединился к вере Христовой, то каких еще чудес обращения следует ждать в будущем?

Однако радоваться было рано, ибо преподобного Троуэра окружали враги цивилизации куда более опасные, нежели варвары-краснокожие, и общее положение дел выглядело вовсе не так

благостно, как в ту минуту, когда Лолла-Воссики впервые надел одежду белого человека. Светлый, чудесный день омрачало отсутствие среди работающих Элвина Миллера. И жена его уже не могла найти оправданий. Сначала он ездил по округе, подыскивая подходящий камень для мельничного круга, затем отдыхал один день — это его право, — но сегодня он обязан был прийти.

— Надеюсь, он не заболел? — участливо осведомился Троуэр.

Губы Веры поджались:

— Когда я говорю, что он не придет, преподобный Троуэр, это вовсе не означает, что он не может прийти.

Ее слова только подтвердили зародившиеся в душе священника подозрения.

— Может, я чем-то обидел его ненароком?

Вера вздохнула и кинула взгляд в сторону столбов и балок, которые вскоре превратятся в новую молельню:

— Да нет, сэр, вы его не обидели, против вас он, как говорится, ничего не имеет… — Глаза ее настороженно сверкнули. — Это еще что такое?

У здания собралась небольшая кучка мужчин, привязывающих веревки к северной оконечно-

сти огромной кровельной балки, которая должна была послужить коньком церковной крыши. Поднять такую громаду — дело не из легких, к тому же работникам мешали мальчишки, путающиеся под ногами и возящиеся друг с другом в дорожной пыли. Именно эта возня и привлекла внимание Веры.

— Эл! — выкрикнула она. — Элвин-младший, а ну-ка немедленно отпусти его!

Она сделала пару угрожающих шагов к огромному облаку пыли, поднятому двумя шестилетними сорванцами.

Однако преподобный Троуэр не позволил разговору так легко закончиться.

— Госпожа Вера, — резко произнес он. — Элвин Мельник был первым поселенцем в этих местах, люди ценят и уважают его. Если по какой-то причине он настроился против меня, это может сильно навредить моим проповедям. По крайней мере хоть намекните мне, что я должен сделать, чтобы оправдаться перед ним.

Вера заглянула ему в глаза, как будто прикидывая, выдержит ли он, если она скажет правду.

— Все дело в вашей глупой проповеди, сэр, — сказала она.

— Глупой?!

— Ну, вы же не могли знать, вы приехали из Англии и…

— Из Шотландии, госпожа Вера.

— Получили образование в школах, в которых понятия не имеют…

— Я учился в Эдинбургском университете! Конечно, все постичь невозможно, но…

— О заговорах, заклинаниях, чарах, приворотах и прочем.

— Зато я знаю, что объявлять во всеуслышание об использовании этих темных, невидимых сил — значит оскорблять земли, повинующиеся лорду-протектору, госпожа Вера, хотя в своем милосердии он просто не заметит тех людей, которые…

— Вот-вот, о чем я и говорила, — торжествующе махнула рукой она. — Этому вас в университете точно не учили, я права? Но мы здесь так живем, и обзывать это предрассудками…

— Я использовал слово «истерия»…

— Бесполезно, поскольку заговоры все равно существуют.

— Это вы верите в их существование, — терпеливо объяснил Троуэр. — Но все в нашем мире есть либо наука, либо чудо. В древности чудеса творил Господь, но те времена давно прошли. Се-

годня, если мы желаем изменить мир, на помощь приходит наука, а не чудо.

По выражению ее лица Троуэр понял, что отповедь не возымела ровно никакого эффекта.

— Наука… — фыркнула Вера. — Шишки на голове щупать — это, что ль, наука?

Ему показалось, что женщина даже не особо старалась скрыть свое презрение.

— Френология — наука новая, только-только вышедшая из колыбели, — холодно отчеканил он, — в ней много прорех, однако я ищу и наверняка открою…

Она рассмеялась — девчоночьим смехом, никто бы не сказал, что эта женщина выносила и родила четырнадцать детей.

— Вы меня извините, преподобный Троуэр, но я вспомнила… Мера тогда обозвал эту науку «мозгоходством» и добавил, что в наших краях вам ничего не светит.

«Вот уж воистину», — подумал про себя преподобный Троуэр, однако ему хватило ума не высказывать свою мысль вслух.

— Госпожа Вера, я прочитал ту проповедь, чтобы объяснить людям, что в сегодняшнем мире главенствует ученая, высшая мысль, так что мы можем наконец расстаться с древними заблуж-

дениями, которые сковывали нас по рукам и ногам…

Бесполезно. Ее терпение истощилось.

— Прошу прощения, преподобный отец, но если я сейчас не вмешаюсь и не заберу Элвина оттуда, его точно прихлопнет каким-нибудь бревном.

И она ушла, дабы пасть на головы шестилетнего Элвина и трехлетнего Кэлвина, аки возмездие Господне. В искусстве устраивать головомойку Вере не было равных. Ее брань разносилась по всему лугу.

«Какое невежество! — воскликнул про себя Троуэр. — Я нужен, нужен здесь — и не только как волеизъявитель Господа Бога среди язычников, но и как человек ученый, очутившийся посреди склонных к предрассудкам глупцов. Кто-то шепчет проклятие, затем, шесть месяцев спустя, с человеком, которого сглазили, обязательно происходит что-то скверное — и это естественно: как минимум два раза в год в каждый дом приходит какое-нибудь несчастье. А эти люди делают вывод, что сглаз действует. Post hoc, ergo propter hoc» [4].

В Британии студенты еще в самом начале уни-

---

4 notes: Note4
после этого, следовательно, вследствие этого (лат.)

верситетского образования учились разоблачать столь примитивные логические ошибки. Здесь же это был способ жизни. Лорд-Протектор был абсолютно прав, когда запретил практиковать в Британии всяческие магические искусства, хотя Троуэр предпочел бы, чтобы свой приказ Протектор обосновал тем, что волшебство есть просто глупость, а не ересь. Стоило объявить, что магия — это опасная ересь, как уважение к колдунам повысилось, и это означало, что магов не презирают, а боятся.

Три года назад, сразу после получения диплома богословского факультета и присвоения степени доктора, Троуэра вдруг осенило: он понял, сколько вреда принес лорд-протектор, заклеймив волшебников обыкновенными еретиками. Тот день стал поворотным пунктом в жизни преподобного Троуэра — ведь именно тогда к нему впервые явился Посетитель. Это случилось в маленькой комнатке, где ютился Троуэр, в домике священника у церкви Святого Иакова, что в Белфасте, — получив первое свое назначение после принятия духовного сана, он служил младшим помощником пастора. Троуэр в ту минуту рассматривал мировую карту, и взгляд его как раз упал на Америку, на выделенную территорию

Пенсильвании, простершейся от голландских и шведских колоний далеко на запад, туда, где четкие линии, обозначающие границы, исчезали, превращаясь в нетронутые земли за рекой Миссипи. И вдруг карта словно ожила, его глазам предстал огромный поток людей, прибывающих в Новый Свет. Добропорядочные пуритане, преданные своей церкви, и всевозможные дельцы ехали в Новую Англию; паписты [5], роялисты [6] и разного рода мошенники отправлялись в восставшие рабовладельческие колонии, прозванные Королевскими и состоящие из Вирджинии, Каролины и Якобии. Все эти люди, обретя новый дом, навсегда оседали в тех краях.

Однако были и другие, те, кто ехал в Пенсильванию. Немцы, голландцы, шведы и гугеноты бежали из своих стран, превращая колонию, зовущуюся Пенсильванией, в котел, наполненный мутным варевом с накипью из худших человеческих отбросов всего континента. Что еще хуже, эти засиживаться на одном месте не собирались. Необразованные крестьяне сходили на берег

---

5 notes: Note5

презрительная кличка католиков, подчиняющихся Ватикану и признающих Папу Римского

6 notes: Note6

партия, поддерживающая королевскую власть

в Филадельфии, понимали, что в населенной — Троуэр просто не имел права называть ее «цивилизованной» — части Пенсильвании мест уже практически не осталось, и немедля отправлялись на запад, в глубь страны краснокожих, дабы строить среди деревьев свои фермы. И плевать, что лорд-протектор специальным указом запретил всякие поселения в том краю, — что этой темноте до закона? Их интересовала земля и только земля, как будто одно владение куском грязи превратит крестьянина в уважаемого сквайра.

Вдруг серая масса Америки, раньше вызывавшая у Троуэра холодное равнодушие, исполнилась чернотой. Он увидел, что в новом столетии в Америку пожалует война. Он предвидел, что французский король пошлет этого несносного корсиканского полководца Бонапарта в Канаду и его солдаты науськают краснокожих, живущих во французском поселении в Детройте, на англичан. Краснокожие нападут на поселенцев и перережут мирных жителей до единого человека — пусть они того заслуживают, пусть они бесполезные отбросы, но они англичане по крови, и от видения жестокости туземцев по коже Троуэра побежали мурашки.

Даже если Англия выиграет, результат все

равно не изменится. Америка, простершаяся к западу от Аппалачей, никогда не узнает истинного христианства. Либо она достанется проклятым французским папистам, либо испанцы захватят ее, либо она останется в лапах чертовых язычников-краснокожих, а может, в этих краях поселятся самые поганые, самые презренные из англичан, которые станут жить там, процветать и поплевывать как на Иисуса, так и на лорда-протектора. Еще один огромный континент будет потерян для веры в Господа Иисуса. Видение было настолько ужасным, что Троуэр от отчаяния вскричал во весь голос, думая, что никто не услышит его за толстыми стенами комнатушки.

Но кто-то все-таки услышал его вопль.

— Вот она, работа целой жизни для человека, который представляет на нашей земле Бога, — раздался чей-то голос позади.

Троуэр в изумлении оглянулся, но голос был так мягок и нежен, лицо, испещренное морщинами, было исполнено такой доброты, что страх бесследно испарился, — хотя дверь и окно были плотно закрыты и ни один живой человек из плоти и крови не мог бы проникнуть в каморку.

Посчитав, что стоящий перед ним человек представляет собой часть видения, которое только

что прошло перед его глазами, Троуэр обратился к нему с искренним почтением:

— Сэр, кто б вы ни были, секунду назад мне предстало будущее Северной Америки. И мне показалось, что победа досталась дьяволу.

— Дьявол одерживает победу тогда, — ответил незнакомец, — когда верующие в Бога утрачивают смелость и бегут, оставляя поле боя в когтях нечистого.

Сказав это, человек испарился, как не бывало.

В ту минуту Троуэр увидел цель своей жизни. Он должен был отправиться в дебри Америки, построить в какой-нибудь деревушке церковь и бороться с дьяволом в его же собственном логове. Три года он собирал деньги и выспрашивал разрешение на поездку у главенствующих сановников шотландской церкви [7], и вот наконец он здесь, а в небо поднимаются подпорки и балки его церкви, противостоя белизной обнаженной древесины темным лесам варварства, из которых был доставлен материал для дома Господа.

---

7 notes: Note7

шотландская церковь — то же самое, что и пресвитерианская церковь; первые подобные церкви появились в XVI веке в Шотландии и Англии; пресвитериане настаивают на возвращении к первоначальному строю христианской церкви, отвергают епископат; культ в пресвитерианской церкви очень прост; богослужение сведено к проповеди, совместной молитве и пению псалмов

Столь замечательное творение никак не могло пройти мимо адских очей дьявола. Это так же несомненно, как и то, что главным апостолом дьявола в Поселении Вигора является Элвин Мельник. Пусть даже все его сыновья собрались, чтобы помочь построить здание церкви, — Троуэр знал, что это дело рук Веры. Женщина была допущена сюда, поскольку в самом сердце она несла дух шотландской церкви, хоть и родилась в Массачусетсе. Кроме того, ее участие означало, что Троуэр мог надеяться на постоянную паству — если, конечно, Элвин Миллер не зарубит все дело на корню.

Что он всячески пытался сделать. Другое дело, если б Элвина чем-то обидел случайный поступок или нечаянное слово Троуэра. Но с самого начала затеять спор о вере в волшебство — нет, из этого конфликта пути не было. Диспозиция войск уже намечена. Троуэр стоял на стороне науки и христианства, а против него выступали все силы тьмы и предрассудков; звериная, плотская натура человека противостояла ему, воплощенная в Элвине Миллере. «Я только начал праведный бой за Господа, — подумал Троуэр. — И если я не смогу одолеть своего первого противника, какая речь может идти об окончательной победе?!»

— Пастор Троуэр! — окликнул его старший сын Элвина Дэвид. — Мы готовы поднимать кровельную балку!

Троуэр было сорвался с места и затрусил по направлению к рабочим, но вдруг вспомнил о своем сане и духовном достоинстве и оставшуюся часть пути преодолел степенной, неторопливой походкой. В писаниях ничего не говорилось о том, чтобы Господь когда-нибудь бегал — нет, он всегда ходил, как и полагалось ему по положению. Конечно, у апостола Павла встречаются заметки по поводу поспешаний и убеганий, но то всего лишь аллегория. Священник обязан быть отражением Иисуса Христа, должен ходить, как Он, и представлять имя Его людям. Именно так простой человек может приблизиться и воспринять величие Бога — никак иначе. Обязанностью преподобного Троуэра было отринуть бьющую через край юность и ходить величественным шагом пожилого человека, хоть и исполнилось ему всего двадцать четыре года.

— Вы хотите благословить эту балку, да? — поинтересовался один из фермеров.

Фермера звали Оле, он родился в Швеции, а сюда прибыл с берегов Делавара, поэтому до сих пор в душе оставался лютеранином, однако, вспом-

нив, что ближайшая церковь — это папистский собор в Детройте, он проявил искреннее желание помочь построить здесь, в Воббской долине, пресвитерианскую церковь.

— Разумеется, — ответил Троуэр и возложил руку на тяжелую, недавно обтесанную балку.

— Преподобный Троуэр, — раздался из-за его спины детский голосок, настойчивый и громкий, как у каждого ребенка. — А разве это не чары, вы же благословляете кусок дерева?!

Троуэр повернулся как раз тогда, когда Вера Миллер сердито цыкнула на мальчика и закрыла его рот рукой. Всего шесть лет ему, а уже можно сказать: Элвин-младший вырастет таким же рассадником бед и напастей, как и его отец. Может, все будет намного хуже — по крайней мере у Элвина-старшего хватало благоразумия держаться от строящейся церкви подальше.

— Продолжайте, — сказала Вера, — не обращайте на него внимания. Я не успела научить его, когда следует говорить, а когда — молчать.

И хотя рука матери крепко зажимала ему рот, мальчик упорно не сводил со священника вопрошающих глаз. Повернувшись обратно к балке, Троуэр увидел, что все взрослые мужчины смотрят на него с таким же ожиданием. Вопрос

малыша был вызовом, на который он обязан ответить, чтобы не превратиться в глазах будущих прихожан в лицемера и глупца.

— Да, если вы считаете, что мое благословение и в самом деле изменит что-нибудь в природе балки, то это, может, вправду сродни волшебству, — начал он. — Только дело все в том, что балка — всего лишь *повод.* В действительности же я благословляю всех христиан, что соберутся под этой крышей. И ничего волшебного в этом нет. Мы просим у Господа Бога любви и силы, а не заговоров от бородавок или отвода сглаза.

— Жаль, однако, — пробормотал кто-то. — Заговор от бородавок пришелся бы кстати.

Все рассмеялись, и беда благополучно миновала. Когда балка поднялась в воздух, ее держали руки истинных христиан, а не язычников.

Он благословил балку, специально подобрав молитву, которая бы не оскорбила никого из собравшихся здесь людей. Затем мужчины потянули за веревки, и Троуэр во всю мощь своего прекрасного баритона запел «Воскликните Господу, вся земля» [8], чтобы воодушевить работников и помочь им тянуть слаженно.

---

8 notes: Note8
Библия, Псалтирь, псалом 99

Однако все это время он ощущал за спиной присутствие мальчишки, Элвина-младшего. Прозвучавший минуту назад вопрос-вызов был здесь ни при чем. Малыш, как и все прочие дети, не имел в виду ничего дурного — это вряд ли. Троуэра озадачивало кое-что другое. И не в самом мальчика, а в людях, окружающих его. Такое впечатление, они старались не упускать его из виду. Не то чтобы они глаз с него не сводили — это было бы весьма непросто, поскольку мальчишка носился взад-вперед как заведенный. Они просто чувствовали его присутствие, как университетский повар всегда чувствовал в кухне присутствие пса — он никогда ничего не говорил, просто переступал через собаку, обходил и продолжал заниматься своим делом.

Причем к мальчику подобным образом относились не только члены семьи, но и все остальные — немцы, скандинавы, англичане, пришлые и старожилы. Как будто все сообщество задалось целью взрастить этого ребенка — словно церковь построить или мост через реку перекинуть.

— Тихо, тихо! Потихоньку! — закричал Нет, устроившийся, как на насесте, рядом с восточным отверстием для балки. Действительно, тяжеленную кровельную балку надо было ставить очень

осторожно, чтобы стропила легли ровно и крыша получилась надежной.

— В твою сторону слишком много дали! — прокричал Мера.

Он стоял на лесах, возведенных над балкой-крестовиной, на которой было укреплено короткое бревно — именно оно должно было поддержать концы двух бревен, предназначенных снести вес всей крыши. Наступал самый ответственный момент — и самый сложный, поскольку концы двух громадных кровельных балок должны были уместиться на верхушке подпорки, ширина которой не превышала двух ладоней. Потому-то Мера и стоял на лесах: острый глаз и невероятная точность полностью оправдывали имя юноши.

— Правей! — крикнул Мера. — Еще!

— Снова на меня! — заорал Нет.

— Так держать! — приказал Мера.

— Встала! — отозвался Нет.

Затем то же самое выкрикнул Мера, и рабочие на земле потихоньку отпустили веревки. Тросы упали на землю, и у рабочих вырвался дружный восторженный вопль, ибо огромная балка, на которой будет покоиться крыша, достигла ровно середины церкви. Конечно, это был не собор, но все же церковь выглядела внушительно для

здешних диких мест — на сотни миль в округе не было здания подобной вышины. Сам факт его постройки объявлял всему миру, что поселенцы останутся здесь навсегда и ни французы, ни испанцы, ни роялисты, ни янки, ни даже кровожадные краснокожие с их огненными стрелами — никто не заставит местных жителей покинуть это место.

Конечно, преподобный Троуэр не выдержал и устремился внутрь, вслед за остальными, чтобы взглянуть на небо, которое пересекала кровельная балка длиной не меньше сорока футов, — и это только половина дела, ведь следом ляжет еще одна. «Моя церковь, — подумал Троуэр. — Даже тот собор, что я видел в Филадельфии, не сравнится с ней».

Наверху, балансируя на шатких лесах, Мера вгонял деревянный шпон в отверстие на конце кровельной балки, закрепляя ее на подпорке. На другой стороне крыши тем же самым занимался Нет. Шпоны удержат бревно на месте, пока не положат стропила. Когда это будет сделано, кровельная балка без труда выдержит вес крыши. Крестовину, что проходила ниже, можно было бы вообще убрать, если б не люстра с канделябрами, которая будет освещать церковь по ночам.

А витражи будут отбрасывать цветные блики, удерживая тьму вне здания. Именно такой грандиозный проект вынашивал в уме преподобный Троуэр все это время. Всякие простаки будут замирать в восхищении при виде его церкви, в которой воплотится величие Господа.

Он полностью погрузился в сладкие мечты, когда Мера вдруг закричал, и все в ужасе увидели, что от удара молота по деревянному шпону бревно-подпорка расщепилось и, спружинив, подбросило огромную кровельную балку футов на шесть в воздух. Дерево вырвалось из рук Нета, придерживающего его на другом конце, и размело леса в щепки. На какой-то момент кровельная балка будто бы зависла в воздухе, выровнялась, после чего с огромной скоростью устремилась вниз, словно сам Господь Бог собственной ногой ступил на нее.

Можно было даже не оглядываться, преподобный Троуэр знал, что кое-кто из присутствующих всенепременно окажется прямо под балкой, прямо там, куда она ударит всем весом. Он знал, потому что *ощущал* этого мальчишку, чувствовал, что он бежит не в ту сторону. Священник не сомневался, что его окрик «Элвин!» заставит мальчика остановиться именно там, где стоять

как раз не следовало.

Когда он все же взглянул в ту сторону, все обстояло так, как ему привиделось: малыш Эл стоял как вкопанный, глядя изумленными глазами на приближающееся сверху гладко обтесанное дерево, которое превратит его в лепешку и вобьет в пол будущей церкви. Больше ничего непоправимого не случится, балка хорошо уравновешена, поэтому удар придется по всей длине пола. Тельце ребенка даже на миг не остановит громадину. Его сломает, разотрет, и кровь брызнет на белую древесину церкви. «Ее ж не отмыть будет!» — в панике подумал Троуэр. Чистое безумство думать об этом в такую минуту, но разум, столкнувшись со смертью, выходит из подчинения.

Удар превратился в ослепительную вспышку света. Троуэр услышал скрежет дерева о дерево. Раздались крики. Затем зрение его прояснилось, и он увидел кровельную балку, лежащую на досках, куда ей и положено было упасть. Только ровно посредине она была расщеплена на две половинки, между которыми стоял побелевший от ужаса маленький Элвин.

Целый и невредимый. Мальчик был цел и невредим.

Троуэр не понимал ни немецкого, ни шведско-

го, но догадывался, о чем бормочут окружающие его мужчины. «Пусть себе святотатствуют, а я должен понять, что же такое здесь случилось», — подумал Троуэр. Подскочив к мальчику, он принялся ощупывать его, ища следы удара. С головы Элвина не упало ни волоска, правда, от нее исходило тепло, скорее, даже жар, как будто секунду назад малыш стоял рядом с огнем. Затем Троуэр встал на колени и изучил одну из половинок кровельной балки. Бревно было словно ножом разрезано, разошлось ровно на ширину детского тельца.

Спустя мгновение рядом оказалась мать Эла, стала трясти его, всхлипывая и облегченно причитая. Маленький Элвин тоже разрыдался. Но Троуэр весь ушел в решение загадки. Как-никак он был ученым человеком, а то, что он видел, считалось невероятным. Он заставил рабочих шагами измерить длину кровельной балки, затем лично перепроверил получившийся результат. Длина балки осталась прежней, во всяком случае она лежала так, как и должна была лежать. Вот только из середины куда-то подевался целый кусок. Исчез в мгновенной вспышке света, которая вырвалась из головы Элвина, испарив дерево и не оставив никаких следов.

И тут принялся орать Мера, который, падая, сумел зацепиться за крестовину, когда леса были снесены ударом падающей балки. Нед и Кальм взобрались наверх и помогли ему спуститься. Преподобный Троуэр не обращал внимания на царящую вокруг суету. Он думал только об одном — о шестилетнем мальчике, который может спокойно стоять под падающей балкой, и дерево само разойдется, чтобы не причинить ему вреда. Как Красное море расступилось перед Моисеем, образовав проход [9].

— Седьмой сын, — хмыкнул Нет. Юноша сидел на сломанной балке, неподалеку от священника.

— Что-что? — переспросил преподобный Троуэр.

— Так, ничего, — пожал плечами юноша.

— Ты упомянул седьмого сына, — настаивал Троуэр. — Но ведь седьмым в вашей семье был Кэлвин.

Нет покачал головой.

— У нас был еще один брат. Он умер спустя пару минут, как родился Эл. — Нет снова тряхнул волосами. — Седьмой сын седьмого сына.

---

9 notes: Note9

исход израильтян из Египта: Красное море по повелению Господа расступилось перед ними, после чего сразу за их спинами сомкнулось, потопив войско царя Египетского (Библия, Исход, глава 14)

— Но ведь это означает, что он отродье самого дьявола, — в отвращении отшатнулся Троуэр.

Нет презрительно посмотрел на священника.

— Может быть, это вы так в Англии считаете, но нам-то известно, что такие люди становятся хорошими врачевателями или умеют заговоры творить. По крайней мере от седьмого сына зла никто не видел. — Затем Уэйстнот вспомнил что-то и широко усмехнулся. — Отродье дьявола, — повторил он, передразнивая священника. — Не знаю, истерия какая-то.

В ярости Троуэр пулей вылетел из церкви.

Он нашел госпожу Веру сидящей на табуретке. На руках у нее комочком свернулся хныкающий Элвин-младший. Она нежно его укачивала и ласково попрекала:

— Говорила же тебе, не лезь, не поглядев по сторонам, всегда ты под ногами крутишься, на месте тебе не сидится, одуреешь за тобой приглядывать…

Заметив стоящего рядом Троуэра, она сразу замолкла.

— Не волнуйтесь, — сказала она. — Я больше не пущу его туда.

— Исключительно ради его собственной безопасности, — кивнул Троуэр. — Если б я знал,

что моя церковь будет построена ценой жизни младенца, то предпочел бы до конца жизни проповедовать под открытым небом.

Она пристально посмотрела на него и поняла, что слова эти были произнесены от чистого сердца.

— Не ваша это вина, — сказала она. — Он вечно какой-то неуклюжий. Другой ребенок давным-давно погиб бы.

— Мне бы хотелось… мне бы хотелось понять, что здесь случилось.

— Подпорка треснула, — пожала она плечами. — Такое бывает.

— Нет, я имел в виду… как получилось, что балка не задела мальчика. Она разделилась на две части, не успев коснуться его. Если вы не возражаете, я хотел бы осмотреть его голову…

— На нем ни царапинки.

— Да нет, я знаю. Я просто хочу проверить…

Она закатила глаза и пробормотала:

— Ну да, мозгоходство это ваше…

Но руки отвела, чтобы он мог пощупать голову мальчика. Теперь его пальцы двигались медленно и осторожно, прощупывая карту черепа малыша, считывая выступы и шишки, впадинки и углубления. С книгами можно было не сверять-

ся. Все равно в них пишется всякая чушь. Это он выяснил довольно быстро, наткнувшись на пару-другую идиотских утверждений типа: «У краснокожих сразу над ухом имеется шишка, указывающая на дикость и каннибализм». Между тем головы краснокожих так же отличались друг от друга, как и головы белых людей. Нет, в такие книжки Троуэр не верил, зато сам он открыл некоторые закономерности в общем расположении шишек. Он развил в себе дар понимания карты, на которую наносились особенности человеческого черепа. И стоило ему пробежаться пальцами по волосам Элвина, как он сразу все понял.

Понял, что ничего особенного здесь не найдет. Никаких шишек, никаких углублений. Самая обыкновенная голова. Обыкновенное не бывает. Настолько обыкновенная, что может служить наглядным пособием для какого-нибудь учебника, если вообще на свете есть учебник, который стоит читать.

Он оторвался от изучения, и мальчик, который, почувствовав прикосновение его пальцев, сразу перестал плакать, повернулся, чтобы взглянуть на него.

— Преподобный Троуэр, — произнес он, — у вас

такие ледяные руки, я чуть не замерз.

Сказав это, он одним движением вывернулся из объятий матери и вприпрыжку побежал к одному из мальчишек, к тому самому, с которым недавно яростно боролся в пыли.

Вера угрюмо усмехнулась:

— Вот видите, как быстро они умеют забывать?

— И вы не отличаетесь от них, — заметил Троуэр.

Она покачала головой.

— Увы, — печально улыбнулась она. — Я как раз ничего не забываю.

— На ваших губах улыбка…

— Жизнь течет своим чередом, преподобный Троуэр. Я просто продолжаю жить. Это не значит, что я забыла.

Он кивнул.

— Так… расскажите мне, что вы обнаружили, — попросила она.

— В каком смысле?

— Ну, когда ощупывали его шишки, вы ведь мозгоходством занимались. Есть у него в голове что-нибудь или надеяться нам не на что?

— Все нормально. Абсолютно нормальная голова. Ни одной необычной черты.

— Ничего необычного? — ехидно переспросила она.

— Именно так.

— Ну, не знаю, мне так кажется, что необычности в этом хватает, главное, мозгов бы хватило, чтоб понять все.

Она подняла табуретку и пошла в сторону дома, зовя Эла и Кэлли.

Только спустя мгновение преподобный Троуэр осознал, насколько права была женщина. Средних людей в природе не существует. Каждый человек имеет ту или иную черту, которая преобладает над остальными. У Эла все слишком складно — такого быть не может. Человеческий череп отражает склонность к ремеслам — у Эла способности к любому труду присутствовали в абсолютно равных пропорциях. Нет, средним человеком здесь и не пахнет, ребенок оказался исключительным, хотя Троуэр понятия не имел, как эти особенности отразятся на дальнейшей его жизни. Вырастет ли он полным неумехой? Или, наоборот, ему будет подвластно все?

Суеверия суевериями, а Троуэр крепко призадумался над этой загадкой. Седьмой сын седьмого сына, поразительная форма головы, и чудо — иначе не назовешь — с балкой. Обычный мальчик

погиб бы. Того требовали законы природы. Но этого ребенка кто-то или что-то защищает, и закон природы был переписан заново.

Когда разговоры исчерпались, мужчины вернулись обратно к работе над крышей. Первая балка уже никуда не годилась, поэтому две ее половинки вынесли наружу. После того, что случилось, люди прикасались к ней крайне неохотно. Поплевав на руки, к полудню они выстрогали другую кровельную балку, заново возвели леса, и к закату кровля была готова. Никто больше не упоминал о случившемся, по крайней мере в присутствии Троуэра. А когда священник вышел поискать расщепившуюся подпорку, из-за которой и случилось несчастье, то нигде ее не нашел.

7. Алтарь

Элвин ни капельки не испугался, когда увидел, что сверху падает балка. Не испугался он и тогда, когда она с грохотом ударилась об пол по обе стороны от него. Страх нахлынул, когда взрослые начали суетиться вокруг, как в День Вознесения, обнимать его и перешептываться, — да, вот это было страшно. Хотя взрослые часто совершают поступки без причины, просто так.

Как, например, папа, который вечером долго сидел у очага, изучая остатки расщепившегося полена, того самого, которое спружинило под весом кровельной балки и скинуло ее наземь. Попробовал бы кто-нибудь затащить в дом кучу грязных, ненужных щепок, когда мама была в своем обычном настроении. Но сегодня на нее тоже что-то нашло, она стала такой же ненормальной, как и папа, поэтому, когда отец ступил на порог, держа в руках охапку старых щепок, она, ни слова не говоря, нагнулась, скатала с пола ковер и убрала с его дороги.

И правильно. Обычно, когда у папы на лице появлялось такое выражение, лучше его не трогать

— это понятно всем и каждому, кто хоть немного разбирается в законах жизни и намеревается прожить на земле подольше. Самыми везучими в семействе были Дэвид и Кальм — они могли укрыться в своих собственных домах на собственных участках земли, уже очищенных от леса, где их собственные жены приготовят им ужин. Они могут сами решать: жить как нормальные люди или сходить с ума. Остальным братьям и сестрам повезло меньше. Когда мама и папа начинали психовать, им приходилось вести себя соответственно. Девчонки прекращали вечные ссоры-драки, дружно накрывали на стол, после ужина без малейших пререканий мыли посуду. Нет и Нед, поев, сразу уходили на двор, где рубили дрова и доили корову. Они даже не перепихивались, как обычно, а о состязаниях кто кого поборет и речи быть не могло, что очень расстраивало Элвина-младшего, поскольку он мечтал, что когда-нибудь сразится с победителем, а не с побежденным. Вот где будет борьба, братьям-то уже по восемнадцать, это вам не малышня, с которой вынужден возюкаться Элвин. Мера в такие вечера просто сидел у очага, вытачивая новую большую ложку для маминого котелка. Сидел не поднимая взгляда — ждал, как и все остальные,

когда папа наконец придет в себя и наорет на кого-нибудь.

Самим собой умудрялся оставаться только Кэлвин, трехлетний карапуз. Однако вся беда заключалась в том, что «быть самим собой» для него означало таскаться повсюду за Элвином-младшим как хвостик. Он никогда не подходил, чтобы поиграть с Элвином, не смел даже коснуться его или заговорить о чем-нибудь. Он просто был, держался в пределах видимости, но стоило Элвину поднять голову, как Кэлвин тут же отводил глаза или мышкой шмыгал за дверь, так что Элвин успевал заметить лишь белое пятно, мелькнувшее и пропавшее. Иногда, темными ночами, Элвин слышал тихое дыхание, по которому можно было понять, что Кэлвин не лежит в своей колыбельке, а стоит рядом с постелью Элвина и *следит за* ним. Но никто этого не замечал. Еще год назад Элвин бросался жаловаться на младшего брата. Как только он говорил: «Ма, Кэлли опять следит за мной», — мама тут же отвечала: «Эл-младший, он же не отвлекает тебя, не трогает, а если тебе не нравится, что он тихонько стоит рядом, тем хуже для тебя, потому что меня это полностью устраивает. О, если бы остальные мои дети — не будем перечислять поименно — вели

себя так же тихо!» В общем, сегодня Кэлвин вел себя как обычно — единственный из всех. Остальные же опять стали как сумасшедшие.

Папа не отрывая глаз смотрел и смотрел на расщепленное бревно. То и дело он пытался сложить щепки так, как они были. Один раз он даже заговорил — очень тихо:

— Мера, ты уверен, что собрал все до щепки?

— Я принес все, что нашел, пап, — ответил Мера. — Метлой больше не собрать. Правда, можно было бы вылизать пол языком…

Мама, конечно, тоже слушала. Папа как-то заметил, что, пусть вокруг бушует гроза, девчонки моют тарелки, а все юноши разом рубят дрова, если мама как следует прислушается, то услышит, как белка пукает на дереве, что в полумиле от дома. Элвин-младший не раз гадал, что папа хотел этим сказать: может, мама знает больше колдовских штучек, чем показывает. Один раз он целый час просидел в лесу, затаившись меньше чем в трех ярдах от белки, но даже, как живот у нее бурчит, не услышал.

В общем, вечером мама была дома, поэтому вопрос папы, конечно, услышала. Услышала и ответ Меры, а поскольку в тот момент мама была такой же ненормальной, как и папа, то она сразу

напустилась на сына, будто он упомянул имя Господне всуе.

— Ты следи за языком, молодой человек, потому что сам Господь поучал Моисея на горе: «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе». Ибо, говоря отцу необдуманные слова, ты сокращаешь жизнь свою на дни, на недели, даже на *годы*, а твоя душа, Мера, вовсе не настолько чиста — что ты будешь делать, если Спаситель прямо сейчас призовет тебя на Судный день?

Перспектива предстать перед Спасителем выглядела ничтожной по сравнению с маминым гневом. Мера даже спорить не стал, что, мол, вовсе он не корчил из себя умника и не хотел нагрубить, — только круглый дурак посмеет возразить маме, когда она уже вскипела. Он напустил на себя смиренный вид и принялся просить у нее прощения — конечно, не забыл он извиниться перед папой и испросить пощады у Господа. К тому времени, когда мама наконец отстала от него, бедный Мера успел извиниться перед всеми по меньшей мере полдюжины раз. В конце концов мама удовлетворенно фыркнула и вернулась к шитью.

Тут Мера посмотрел на Элвина-младшего и

подмигнул ему.

— Я все вижу, — тут же отреагировала мама, — и если ты, Мера, не отправишься прямиком в ад, я подам прошение святому Петру, чтобы тебя туда спровадили.

— Да я б и сам подписался под этим прошением, — смиренно согласился Мера, кротко моргая ресницами, словно нашкодивший щенок, которому угрожает ботинок здорового мужчины.

— И правильно, — продолжала мама. — Причем подписываться тебе пришлось бы кровью, поскольку к тому времени, когда я с тобой здесь закончу, у тебя появится столько рубцов на одном месте, что десять клерков будут обеспечены на год запасом красных чернил.

Элвин-младший ничего не мог поделать с собой. Эта угроза рассмешила его до слез. И хоть он знал, что сейчас его жизнь находится в его же руках, он открыл рот, чтобы громко рассмеяться. Он знал, что, если он засмеется, мамин наперсток очень больно стукнет ему по голове, а может, она съездит ему по уху со всего размаху или ее маленькая пятка со всей мочи опустится на его голую ногу — однажды она проучила так Дэвида, когда он посмел заявить, что ей стоило бы научиться говорить «нет», прежде чем в доме будут

сшиваться тринадцать голодных ртов, которых надо кормить.

Вопрос жизни и смерти. Намного страшнее, чем кровельная балка, которая, по сути дела, даже волоска на нем не тронула. Поэтому он сумел проглотить смешинку, прежде чем она вырвалась на волю, а поскольку рот все еще был открыт, он сказал первое, что пришло в голову:

— Мам, — сказал он, — Мера не сможет подписать прошение кровью, потому что будет мертв, а кровь у мертвых не течет.

Мама внимательно посмотрела на него и медленно, почти по слогам произнесла:

— Я скажу — потечет.

Вот тут-то все и началось. Элвин-младший громко расхохотался. И добрая половина девчонок присоединилась к нему. Это рассмешило Меру. Наконец и мама рассмеялась. Они заходились от смеха, пока слезы не потекли, после чего мама отправила всех, включая Элвина-младшего, наверх готовиться ко сну.

После такого веселья Элвин-младший еще больше расхрабрился, а по малости лет он не знал, что озорство до добра не доводит и иногда лучше сдерживаться. Случилось так, что Матильда, которой недавно исполнилось шестнадцать

и которая корчила из себя настоящую леди, поднималась по лестнице прямо перед ним. Ходить за Матильдой было сущей пыткой: она ступала столь величаво, столь неспешно — ни дать ни взять дама из высшего общества. Мера не раз говорил, что лучше уж ходить следом за луной, она и то двигается быстрее. Таким образом, задняя часть Матильды маячила прямо перед лицом Эла-младшего: взад-вперед, влево-вправо. Он вспомнил, что говорил Мера о луне, потом сравнил зад Матильды с ночным светилом и пришел к выводу, что они одинаково круглые. Тогда-то он и начал гадать, а каково это — дотронуться до луны, будет ли она такой же твердой, как спинка жука, или мягкой и податливой, как слизняк. Но если шестилетнему пацану, у которого вдруг шило закололо в одном месте, приходит в голову подобная мысль, то не пройдет и половинки секунды, как его палец погрузится на два дюйма в нежную плоть.

Орать Матильда всегда была горазда.

Эл мог бы тут же схлопотать по лбу, если бы Нет и Нед не шли прямо за ним и не видели его проделку. Близнецы так расхохотались, что бедная Матильда разрыдалась во весь голос и бросилась вверх по лестнице, прыгая через две

ступеньки, — ну совсем не похожая на леди. Нет и Нед подняли Элвина под локти, так высоко, что у него аж голова закружилась, и под триумфальный гимн вознесли на второй этаж. Во всю глотку они распевали старую известную песню о святом Георгии, убивающем змия, только главным героем стал святой Элвин, а в том месте, где песня обычно рассказывала о том, как рыцарь ударил старого дракона тысячу раз и меч его не растаял в огне, слово «меч» было заменено на слово «палец». Даже Мера рассмеялся.

— Мерзкая, мерзкая песня! — закричала десятилетняя Мэри, которая стояла на страже у комнаты взрослых девочек.

— Да, вы лучше кончайте, — кивнул Мера, — а то мама услышит.

Элвин-младший так и не понял, почему маме не понравится эта славная песня, однако мальчишки и в самом деле никогда не пели ее, когда мать была поблизости. Близнецы быстро заткнулись и полезли по лестнице на чердак. В эту секунду дверь, ведущая в комнату взрослых девочек, с громким треском распахнулась, и оттуда высунулась Матильда с покрасневшими от рыданий глазами.

— Вы еще пожалеете! — проорала она.

— Ой, не надо, не надо, боюсь! — скрипуче запричитал Уонтнот.

Однако Элвин не засмеялся. Он вдруг вспомнил, что девчонки обычно сводили счеты не с кем-нибудь, а именно с ним. Кэлвин слишком мал, поэтому ему ничего не грозило, а близнецы уже превратились в здоровых парней, так что силенок у них хватало, тем более что они всегда ходили вместе. Поэтому когда сестры злились, свою смертельную злобу они предпочитали срывать на Элвине. Матильде было шестнадцать, Беатрисе — пятнадцать, Элизабет — четырнадцать, Энн — двенадцать, а Мэри — десять. Избрав Элвина жертвой, они измывались над ним всеми разрешенными Библией способами. Однажды, когда Элвин, доведенный до белого каления, набросился на девчонок с вилами, только сильные руки Меры удержали его от убийства. После этого случая Мера, вздохнув, заявил, что, наверное, мужчин в аде пытают, поселяя в одном доме с женщинами, которые вдвое больше и сильнее их. С тех пор Элвин все гадал, что же за грех он умудрился совершить еще до рождения, если Господь наложил на младенца настолько страшное проклятие.

Элвин зашел в маленькую комнату, которую

делил с Кэлвином, сел на табуретку и стал ждать Матильду, которая непременно должна была прийти и убить его. А она все не приходила и не приходила, и тогда он понял, что она, вероятно, ждет, когда погасят свечи, чтобы никто не узнал, которая из сестер пробралась в комнату мальчиков и задушила Элвина. О Господи, да за последние два месяца он дал девчонкам столько поводов и причин, чтобы убить его на месте!.. Он начал гадать, задушат его набитой гусиным пухом подушкой Матильды — перед смертью он хоть пощупает, что это такое, а то раньше до этой святыни ему было строго-настрого запрещено дотрагиваться — или его жизнь оборвут ненаглядные ножницы Беатрисы, вонзившиеся прямо в сердце. Но вдруг случилось страшное: он осознал, что если через двадцать пять секунд не окажется в туалете, то сходит прямо в штаны.

Естественно, туалет успели занять до него. Элвин целых три минуты стоял снаружи, подпрыгивая и периодически взвывая, но оттуда упорно не хотели выходить. Тогда он решил, что там скорее всего сидит какая-нибудь из девчонок, — вот он, самый дьявольский план, который только можно измыслить: они просто не пустят его в туалет, прекрасно зная, что после темноты

он до смерти боится ходить в лес один. О, какая ужасная месть! Нет ничего страшнее описаться прилюдно — да он после этого в глаза не посмеет никому взглянуть, придется ему брать другое имя и бежать из дому, а все из-за чего — из-за какого-то тычка в попу?! Он задышал, как страдающий от запора бык, до того это было несправедливо и нечестно.

В конце концов он так разозлился, что уже не владел собой.

— Если ты сейчас не выйдешь, — выкрикнул он самую страшную из известных угрозу, — я наделаю прямо перед дверью, тогда-то ты попляшешь, вляпавшись прямо в мои дела!

Он подождал, но кто б там ни сидел, слов «Попробуй только, вылижешь мне ноги языком» не последовало. А поскольку это был обычный ответ на такое предупреждение, до Элвина наконец-то дошло: вовсе не обязательно, что туалет оккупировала одна из сестер. И уж конечно там не Мера и не кто-нибудь из близнецов. Следовательно, остаются два кандидата, причем один хуже другого. Эл так разозлился на себя, что со всей мочи стукнул кулаком по лбу, что, впрочем, не помогло. Папа наверняка начистит ему одно место, но если там сидит мама… Она будет отчитывать его

не меньше часа — не особо приятная перспектива, — однако если у нее сейчас действительно дурное настроение, она напустит на себя этакую холодность и мягким, очень скорбным голосом проговорит: «Элвин-младший, я-то надеялась, что по крайней мере один из моих сыновей вырастет настоящим джентльменом, но теперь вижу, жизнь моя потрачена зря». После этих слов он чувствовал себя таким низким, таким презренным, что мог бы точно описать, как это — умереть не умерев.

Поэтому он чуть не вздохнул с облегчением, когда дверь открылась и на пороге появился папа, застегивающий брюки с мрачным выражением лица.

— Ну что, идти можно? Ни во что не вляпаюсь? — холодно осведомился он.

— Ага, — выдавил Элвин-младший.

— Что?

— Да, сэр.

— Уверен? А то здесь бродит какой-то дикий зверь, который считает, что нет ничего смешнее на свете, чем справить нужду под дверьми туалета. И вот что я тебе скажу: если я увижу такого зверя, то расставлю ловушку, которая в одну из ночей прищемит ему одно место. Придя утром,

я его высвобожу, после чего заткну ему некую дырку и отпущу обратно, в леса, чтобы он там взорвался.

— Извини, пап.

Папа покачал головой и направился к дому, бросив напоследок:

— По-моему, у тебя что-то с мочевым пузырем, парень. То тебе никуда не нужно, то в следующую секунду ты готов жизнь отдать, чтобы в туалет попасть.

— Построил бы еще один туалет, все бы было нормально, — пробормотал Эл-младший.

Папа, однако, не услышал его слов, потому что на самом деле этот упрек вырвался у Элвина, только когда дверь туалета закрылась, а папа зашел в дом. Но и тогда Эл не посмел произнести подобное святотатство во весь голос.

Долго-долго Элвин полоскал руки под струей воды из насоса, потому что боялся кары сестер, ожидающей его в доме. Но потом он напугался еще сильнее, поскольку стоял он во дворе один, а вокруг была тьма-тьмущая. Люди поговаривали, что белый человек никогда не услышит пробирающегося по лесу краснокожего, а старшие братья Элвина любили посмеяться над ним, утверждая, что не стоит выходить во двор одному, особенно

по ночам, поскольку в лесах сидят кровожадные краснокожие, сидят, наблюдают и поигрывают востреными томагавками, поджидая какого-нибудь белого, надеясь разжиться скальпом. Днем Элвин не верил в такие россказни, но этой ночью, стоя в темном дворе, с мокрыми, холодными руками, совершенно один, он почувствовал, как по спине пробежал неприятный холодок. Он мог поклясться, что видел краснокожего. Тот стоял прямо за его плечом, у свиного загона, и двигался так тихо, что свиньи не хрюкнули, а собаки не залаяли. Когда обнаружат окровавленное тело Элвина, с чьей головы будет снят скальп, окажется уже поздно. Какими бы плохими сестры ни были — а они были очень, очень плохими, — Элвин все же предпочитал их общество знакомству с томагавком краснокожего. От насоса до дома он летел не чуя под собою ног, ни разу не оглянувшись, чтобы проверить, есть там краснокожий или нет.

Но стоило двери захлопнуться, как страхи о бесшумных, невидимых краснокожих мгновенно испарились. Тишина затопила дом, что было весьма и весьма подозрительно. Девчонки не успокаивались до тех пор, пока папа не рявкнет на них по меньшей мере раза три. Поэтому наверх

Элвин поднимался медленно и осторожно: поднявшись на очередную ступеньку, осматривался по сторонам, а за плечо оглянулся столько раз, что шея заныла. Путь в комнату был долог, к тому времени Элвин стольких страхов натерпелся, что теперь ему было все равно. Придумали там девчонки что-нибудь — пусть делают что хотят.

Однако они все не появлялись и не появлялись. Он обошел комнату со свечой в руке, заглянул под кровать, проверил углы — пусто. Кэлвин мирно сопел, сунув палец в рот. Это означало, что если они и побывали в комнате, то это произошло довольно давно. Он стал подумывать, может, на этот раз сестры решили оставить его в покое и подстроить что-нибудь близнецам. Когда девчонки станут хорошими и добрыми, перед ним откроется новая, сияющая всеми цветами радуги жизнь. Словно ангел спустится с неба и заберет его из этого ада.

Он как можно быстрее скинул с себя одежду, аккуратно сложил ее и положил на табуретку у кровати. Именно на табуретку, иначе утром его рубашка и штаны будут кишмя кишеть тараканами. Они могли забираться на что угодно и во что угодно, если это лежит на полу, но на кровати Элвина и Кэлвина и на табуретку ход им

был запрещен. В ответ Элвин никогда не топтал их и не убивал. В результате комната Элвина стала объектом тараканьего паломничества, здесь жили все тараканы дома, но поскольку договор насекомые соблюдали, он и Кэлвин были единственными, кто не просыпался с криком, обнаружив посреди ночи, что по телу ползает какая-нибудь таракашка.

Элвин снял с деревянного колышка ночную рубашку и натянул на голову.

Что-то ужалило его под руку. Он вскрикнул от острой боли, пронзившей его. Что-то еще ужалило в плечо. Жалящие твари расселились по всей рубашке и, пока он сдирал ее с тела, искусали его с ног до головы. Наконец он сбросил сорочку и, оставшись голышом, принялся шлепать и тереть кожу, пытаясь прогнать напавших на него зловредных жучков.

Немного спустя он опомнился, наклонился и, ухватив ткань двумя пальцами, поднял рубашку. Никаких черных точек, которые бы торопливо убегали, он не заметил. Тогда он тряхнул ее несколько раз, надеясь, что жучки дождем посыплются на пол. Жучки не посыпались, но что-то упало. Блеснуло на секунду в свете свечи и с тихим звоном стукнуло по половицам.

Только тогда Элвин-младший услышал приглушенное хихиканье, доносящееся из соседней комнаты. Поймали они его, ох как поймали. Он сел на край кровати и принялся вытаскивать из ночной рубашки булавки, втыкая их в уголок подушки. Надо же, сестры так разозлились на него, что пошли на риск потерять одну из маминых стальных булавок, которыми она очень дорожила. Все сделали, лишь бы поквитаться. Ведь должен был, должен был догадаться. Девчонки понятия не имеют, что такое честный бой, не то что мальчишки. Когда во время шутливой драки сбиваешь кого-нибудь с ног, поверженный либо встает, либо ждет, пока ты навалишься на него, — все честь по чести: либо оба на ногах, либо оба на земле. Но из своего весьма болезненного опыта Элвин знал, что девчонки могут пнуть даже лежачего или навалиться на него всей стаей, лишь бы случай удобный представился. Во время драки их помыслы лишь об одном — как бы побыстрее эту драку закончить. Никакого интереса.

Вот как сегодня. Опять они поступили нечестно: он всего-навсего ткнул ее пальцем, а они в отместку искололи его с ног до головы булавками. Некоторые царапины даже кровоточили — так глубоко впились булавки в тело. А ведь у

Матильды и синяка не проступит, хотя Элвину этого очень хотелось.

Нет, Элвин-младший никогда не отличался зловредностью. Он сидел на краешке постели и, скрипя зубами, вытаскивал из ночной рубашки булавки. Совершенно случайно его взгляд упал на тараканов, которые спешили по своим делам, пробираясь в щелях меж половицами. Ничего дурного он не хотел, просто подумал, а что будет, если все эти тараканы вдруг пожалуют в некую комнату по соседству, откуда до сих пор доносилось девичье хихиканье?

Он опустился на пол, поставил перед собой свечу и начал тихо нашептывать тараканам, прям как в тот день, когда он заключил с ними перемирие. Он рассказал им о мягких, гладких простынях и нежной, податливой коже, по которой они могут вдоволь побродить. Он подробно поведал им о сатиновой наволочке, в которой хранилась пуховая подушка Матильды. Но тараканам, такое впечатление, было наплевать на его искусительные слова. «Они ж голодны, — сообразил Элвин. — Их занимает только еда. И еще страх». Поэтому он принялся говорить им о еде, о самой вкусной, самой изысканной еде на свете, которую они когда-либо пробовали. Тараканы

тут же навострили усы и подползли поближе, чтобы послушать повнимательнее, хотя ни один из них не посмел и лапой дотронуться до него, придерживаясь заключенного ранее договора. Еда, которой они так жаждали, находилась на мягкой розовой коже. Залежи еды, необъятные запасы. И никому ничего не угрожает, опасности ровным счетом никакой, надо просто сползать в соседнюю комнату и взять пищу с мягкой, розовой, гладкой, нежной кожи.

Несколько тараканов не выдержали и, не дослушав до конца, помчались к двери комнаты Элвина, исчезнув в щели под нею. За ними бросилась еще стайка, и еще одна. В конце концов собралось целое войско и дружными рядами замаршировало под дверь. Тараканы проникали в стенные щели, брели под половицами, их панцири блестели и переливались в свете свечи, а вперед их вел вечный, неутолимый голод. Они бесстрашно отправлялись в путь, поскольку Элвин сказал, что бояться нечего.

И десяти секунд не прошло, как он услышал из-за стенки первый вой. А через минуту в доме стоял такой рев, что, казалось, пожар начался. Девчонки визжали, парни орали, а тяжелые старые папины башмаки грохали об пол — папа

прибежал на крики и теперь давил тараканов. Элвин был счастлив, как свинья в грязи.

Наконец шум в соседней комнате стал затихать. Через минуту-другую пожалуют сюда, чтобы проверить его и Кэлвина, поэтому Элвин задул свечу, прыгнул под простыни и шепотом крикнул тараканам прятаться. В коридоре за дверью послышались мамины шаги. В самый последний момент Элвин-младший вспомнил, что так и не надел ночную рубашку. Его рука змеей метнулась из-под простыни, ухватила рубашку за рукав и затащила в постель за какой-то миг до того, как открылась дверь. Он сосредоточился и постарался дышать легко, выдерживая равные промежутки между вдохами-выходами.

Вошли мама с папой, держа над головами по свече. Он услышал, как они откинули простыни Кэлвина, высматривая тараканов. Сейчас они откинут простыни с него… Как стыдно и позорно спать вот так, нагишом, без лоскутка, словно животное. Но девчонки, которые знали, что он не мог заснуть, весь истыканный булавками, испугались, что Элвин нажалуется на них маме и папе. Поэтому они быстренько выпроводили родителей из комнаты — те только и успели посветить свечой в лицо Элвину, чтобы проверить,

спит мальчик или нет. Элвин сохранял спокойное выражение лица, веки его не дернулись. Свечу убрали, дверь тихонько затворилась.

Но он продолжал лежать без движения, и вскоре дверь снова приоткрылась. Он услышал топоток босых ножек по полу. Затем почувствовал дыхание Энн на лице и услышал ее шепот:

— Мы понятия не имеем, как тебе это удалось, Элвин-младший, но знаем, это ты наслал на нас тараканов.

Элвин притворился, будто ничего не слышит. Даже всхрапнул разок.

— Ты меня не надуришь, Элвин-младший. Сегодня ночью лучше забудь про сон, потому что если ты заснешь, то никогда не проснешься. Слышишь меня?

Из коридора донесся голос папы:

— А Энн куда подевалась?

«Она здесь, пап, и угрожает меня убить», — подумал Элвин. Но вслух, конечно, ничего не сказал. Она просто пыталась напугать его, не более.

— Мы притворимся, что это несчастный случай, — продолжала Энн. — С тобой постоянно что-нибудь случается, никто и не догадается, что на самом деле это мы тебя убили.

Элвином завладели сомнения. Похоже, она

говорит правду. Он почти поверил ей.

— Мы вынесем твое тело и засунем его в дыру в туалете. Все подумают, что ты пошел облегчиться и случайно упал.

«А ведь это пройдет», — подумал Элвин. Энн умела выдумывать всякие дьявольские уловки, на это она была горазда. Лучше нее никто не мог тайком ущипнуть и оказаться за десять футов до того, как жертва завопит во весь голос. Вот почему ее ногти всегда были длинными и острыми — она специально ухаживала за ними. Сейчас Элвин чувствовал, как один из острых коготков тихонько царапает ему щеку.

Дверь широко открылась.

— Энн, — прошептала мама, — а ну выходи отсюда немедленно.

Ноготь убрался со щеки.

— Я хотела убедиться, что малыш Элвин в порядке.

Ее голые ноги зашлепали прочь из комнаты.

Вскоре все двери плотно закрылись, и Элвин услышал, как папины и мамины башмаки застучали вниз по лестнице.

По правде говоря, угрозы Энн должны были перепугать его до смерти, но страха он не ощущал. Он выиграл бой. Он представил себе тараканов,

ползающих по девчонкам, и захихикал. Стоп, нука, стоп. Он должен побороть приближающуюся смеховую истерику, должен дышать спокойно, как во сне. Его тело ходуном ходило от сдерживаемого смеха.

В комнате кто-то был.

Ни малейшего шороха, ни скрипа половиц… Открыв глаза, Элвин никого не увидел. Но он был твердо уверен, что в комнате кто-то есть. Через дверь не войти, проникнуть можно только через открытое окно. «Глупость какая, — сказал сам себе Элвин, — да здесь ни души нет». Тем не менее он затаился, смех мигом пропал, потому что он *чувствовал,* что кто-то стоит неподалеку. «Нет, кошмарный сон, вот и все. Меня так напугали воображаемые краснокожие, которые следили за мной, что до сих пор я не могу забыть об этом. Кроме того, Энн мне много приятного наговорила. Если я буду лежать с закрытыми глазами, все пройдет».

Сквозь веки Эл увидел розовый свет. В комнате что-то сияло. Ночь превратилась в день. Но во всем мире не было свечи, не то что свечи — лампы, которая могла бы светить так ярко. Эл открыл глаза, и его опасения обратились в настоящий ужас. Он увидел, что не зря боялся.

В ногах стоял человек, человек, сияющий так, словно был сотворен из солнечного света. Сияние, наполнившее комнату, исходило от его кожи, от его груди, где рубашка была порвана, от его лица и рук. В одной из рук человек сжимал нож, острый стальной нож. «Я сейчас умру», — подумал Эл. Все случилось так, как обещала Энн, только вряд ли его сестры могли вызвать это ужасное явление. Сияющий Человек пришел сам, это было ясно, и теперь намеревался убить нагрешившего Элвина-младшего. Элвин сам виноват, никто не натравливал этого человека.

Затем свет, исходящий от человека, будто бы пробился сквозь кожу Элвина и наполнил его изнутри, изгнав страх. Пусть у Сияющего Человека был в руках нож, пусть он проник в комнату не через дверь, но он вовсе не хотел причинить Элвину зло. Поэтому Элвин немного расслабился и поудобней устроился на кровати. Приподнявшись на руках, он оперся спиной о стену и принялся наблюдать за Сияющим Человеком, ожидая, что тот будет делать дальше.

Сияющий Человек поднес острое лезвие стального ножа к своей ладони — и резко провел им по коже. Элвин увидел, как из руки человека брызнула мерцающая пурпурная кровь, потекла по

запястью, закапала с локтя на половицы. Однако и четырех капель не успело упасть, как явилось видение. Элвин увидел комнату сестер, он не раз бывал в ней, но теперь она показалась ему какой-то другой, необычной. Кровати уходили в небеса, а сестры превратились в великанш, поэтому, как он ни задирал голову, видны были лишь ступни и колени. Тут он понял, что смотрит на комнату глазами какого-то маленького существа. Глазами таракана. И он спешил, торопился, терзаемый голодом и не боящийся абсолютно ничего. Ведь когда он залезет на эти ноги, перед ним откроются бескрайние просторы еды, он получит любые кушанья, какие только пожелает. Поэтому он так спешил, карабкался, бежал, искал. Но еды не было, он ни крошки не нашел, зато появились огромные руки, которые смахнули его, как пушинку. Затем над ним нависла чудовищная гигантская ладонь, и он испытал невыносимую, кошмарную, сокрушительную агонию смерти.

Он испытал ее не один и не два раза — все начиналось сызнова, снова надежда на еду, уверенность, что ничего страшного не случится; после чего наступало разочарование — ни крошки, нет ни крошки, вообще ничего нет, — а разочарование в свою очередь сменялось ужасом,

болью и смертью. Сотни маленьких доверчивых существ были преданы, раздавлены, размазаны, растерты в порошок.

Неожиданно для себя он проник в сознание таракана, который умудрился выжить, который удрал от жутких топчущих башмаков, пробрался под кроватями и скрылся в щели в стенке. Он сбежал из комнаты смерти, но обратно, на старое место, возвращаться не собирался, потому что там было больше небезопасно. Прежнюю безопасную комнату теперь переполняла ложь. Там жил предатель, лжец, убийца, который послал их на верную гибель. Только выражались эти чувства не словами. Слов и не могло быть, поскольку тараканий мозг слишком мал, слишком затуманен, чтобы создавать ясные мысли. Зато Эл знал нужные слова и умел думать, поэтому понял куда больше, чем спасшийся таракан. Он осознал, чему научились тараканы. Им пообещали нечто великое, они *поверили,* а потом все обернулось ложью. Да, смерть — ужасная штука, из комнаты пришлось спасаться бегством, но в другой комнате поселилось нечто более страшное, чем смерть, — там мир сошел с ума, там теперь могло произойти все на свете, там ничему нельзя верить, ибо все стало обманом. Ужаснейшее место.

Самое страшное место во всем мире.

Видение оборвалось. Элвин сидел на кровати, руки прижаты к глазам, пальцы размазывали текущие по щекам слезы. «Им было больно, — молча плакал он, — им было больно, и эту боль причинил им я, я предал их. Вот почему пришел Сияющий Человек, он явился, чтобы показать мне это. Я заставил тараканов поверить, а потом обманул и послал на смерть. Я совершил убийство».

Нет, какое убийство! Раздавить таракана — разве это можно назвать убийством? Да никто на белом свете так не считает.

Но кому какое дело, как это называется? Сияющий Человек пришел, чтобы объяснить Элвину, что убийство всегда остается убийством, как его ни назови.

Вдруг Сияющий Человек пропал. Свет потух, а когда Эл открыл глаза, в комнате никого не осталось, кроме крепко спящего Кэлли. Слишком поздно, чтобы просить прощения. В отчаянии Эл-младший закрыл глаза и снова разрыдался.

Сколько прошло времени? Несколько секунд? Или Элвин задремал и не заметил, как пролетели часы? Хотя неважно — свет опять вернулся. Снова он проник в его тело, пронзив до самого сердца,

шепча ему, успокаивая. Элвин вновь открыл глаза и взглянул в лицо Сияющего Человека, ожидая, что тот заговорит. Когда тот ничего не сказал, Элвин подумал, что говорить нужно ему, поэтому начал давить из себя слова, слова, которые не могли выразить чувств, которые бушевали в его душе.

— Извините, я больше никогда не буду, я…

Он мямлил, что-то лепетал, но не слышал себя — настолько был расстроен. Однако свет на секунду стал ярче, и он почувствовал, как в его голове возник вопрос. Не было произнесено ни слова, но он понял: Сияющий Человек спрашивает, в чем именно раскаивается Элвин.

Задумавшись, Элвин сообразил, что сам не знает, в чем виноват. Здесь дело было не в убийстве — можно умереть от голода, если не убивать свиней, да и когда хорек убивает себе на ужин мышку, разве можно назвать это убийством?

Тут свет снова подтолкнул его, и ему явилось еще одно видение. Только на этот раз в тельце таракана он не переселялся. Он увидел краснокожего человека, вставшего на колени перед оленем, призывая того прийти и умереть. И олень, весь дрожа, пришел, его большие глаза дрожали от страха. Он знал, что идет на верную

смерть. Краснокожий выпустил стрелу, и, воткнувшись в бок животного, она затрепетала. Ноги оленя подогнулись. Он упал. И Элвин понял, что в этом убийстве греха не было, потому что смерть и убийство — всего лишь часть жизни. Краснокожий поступил правильно, так же правильно поступил олень — человек и животное следовали законам природы.

Но если причина крылась не в смерти тараканов, то где ж тогда? В силе, которой он обладал? Он имел дар управлять животными, которые шли туда, куда он пожелает, он мог управляться с деревом, разделяя его там, где оно ломалось легче всего. Он понимал, как устроено все на земле, и следовал этим законам. Этот дар оказался очень полезным по хозяйству. К примеру, Элвин мог сложить две половинки сломанной рукояти мотыги и без клея соединить их так крепко, что инструмент служил вечно. То же самое он мог проделать с двумя кусочками порванной кожи — ему вовсе не обязательно было сшивать их; а когда он завязывал узел на нитке или веревке, никакая сила на свете не могла развязать его. Свой дар он использовал и в общении с тараканами. Он дал им понять, как должно быть, и они поступили согласно его желаниям. Значит, грех

заключен в его даре?

Сияющий Человек услышал вопрос до того, как Элвин успел сформулировать его. Последовала вспышка света, за которой явилось еще одно видение. Он увидел себя самого, прижавшего руки к камню, который таял, как масло, под его ладонями. Камень изначально возник таким, каким пожелал его увидеть Элвин, — отделился от горного склона, гладкий и ровный, и скатился вниз, совершенный шар, идеально ровная сфера, которая вдруг принялась расти, пока не приняла вид огромного мира, созданного руками маленького мальчика. На нем появились деревья, пробилась трава, по нему, внутри его, над ним побежали, запрыгали, залетали, заплавали, заползали всевозможные животные. То был каменный шарик, сотворенный Элвином. И эта сила, правильно использованная, не ужасала, а приводила в восхищенный трепет.

Но если убийство и мой дар тут ни при чем, что же я сделал не так?

В этот раз Сияющий Человек ничего ему не показал. В этот раз Элвин не увидел вспышки света и видение ему не явилось. Ответ возник сам собой, но пришел не от Сияющего Человека — поднялся из глубин самого Элвина. Не видеть

собственного проступка — что может быть глупее? Так думал он, когда глаза его прояснились и все встало на свои места.

Дело было не в погибших тараканах и не в том, что он отправил насекомых на бойню. Его вина заключалась в том, что он сделал это ради собственного удовольствия. Он сказал, что в соседней комнате их ждет нечто очень хорошее, а на самом деле все было не так, и выиграл от этого только Элвин. Он навредил сестрам, навредил — если это можно так назвать — тараканам, после чего принялся кататься со смеху по кровати, радуясь, что поквитался…

Сияющий Человек услышал мысли, пришедшие из сердца Элвина, и Эл-младший увидел, как из переливающегося глаза пришельца вырвался огонь и ударил его прямо в грудь. Он угадал. Он был прав.

И не сходя с места Элвин принес самую важную клятву в своей жизни. Он обладал даром и умел использовать его, но существовали правила — правила, которым он будет непреклонно следовать, даже если это убьет его.

— Я никогда не воспользуюсь своим даром ради собственной выгоды, — поклялся Элвин-младший.

И когда слова слетели с его губ, он почувствовал, как сердце охватил огонь, пылающий и жгущий изнутри.

Сияющий Человек снова исчез.

Элвин лег и забрался под одеяло, смертельно уставший от слез, но испытывающий поразительное облегчение. Он много бед натворил сегодня. Однако пока он будет следовать принесенной клятве, пока будет использовать свой дар на благо других людей, не обращая его себе в выгоду, ему нечего стыдиться. Голова закружилась, словно лихорадка внезапно отпустила, — а ведь все именно так и было, только что он исцелился от зла, которое зрело внутри него. Он вспомнил, как смеялся, послав на смерть живых существ ради собственного удовольствия, и опять устыдился, хотя теперь стыд лишь приглушенно отдавался в сердце, смягченный знанием, что такого больше никогда не случится.

Лежа на кровати, Элвин внезапно ощутил, как комната опять наполняется светом. Правда, теперь он исходил не от Сияющего Человека. Открыв глаза, Элвин осознал, что свет исходит от него. Руки сияли, и лицо, должно быть, испускало такой же свет, как тот, что мгновения назад исходил от Сияющего Человека. Он отбросил

простыни и увидел, что тело мерцает настолько ослепительно, что даже глаза режет и хочется отвести взгляд, — впрочем, на самом деле ему хотелось смотреть и смотреть. «Это действительно я?» — подумал он.

«Нет, не я. Я так ярко сияю, потому что должен что-то сделать. Помочь кому-то, как помог мне Сияющий Человек. Я теперь тоже должен что-то сделать. Но кому может потребоваться моя помощь?»

Возле кровати вновь возник Сияющий Человек, но на этот раз тело его не светилось. Неожиданно Элвин-младший понял, что уже видел когда-то этого мужчину. То был Лолла-Воссики, одноглазый пьяница-краснокожий, который принял христианство несколько дней назад, — он и сейчас носил одежду белого человека, которую ему подарили, когда он покрестился. Внутри Элвина поселился свет, и сейчас он видел намного лучше, чем прежде. Он увидел, что вовсе не алкоголь убивает беднягу-краснокожего и не потеря глаза так калечит его. Какое-то очень темное, черное пятно зрело внутри его головы, напоминая зловредную опухоль.

Краснокожий ступил три шага и опустился на колени перед кроватью, так что его лицо ока-

залось прямо перед глазами Элвина. «Что тебе нужно от меня? Что я должен сделать?»

В первый раз человек открыл глаза и заговорил:

— Расставь все по своим местам. Верни целостность.

Прошла целая секунда, прежде чем до Эламладшего дошло, что тот говорит на родном языке, — насколько он помнил, краснокожий происходил из племени июни, именно так говорили взрослые во время его крещения. Но все же Эл понимал его ничуть не хуже, как если бы тот говорил на языке лорда-протектора, на английском. Верни целостность…

Ведь у Элвина был дар. Он умел творить, мог управлять, следуя законам, заключенным внутри предметов. Вся беда в том, что он не до конца понимал, каким образом это у него получается, и уж точно не знал, как исправить нечто живое.

Впрочем, может быть, ему и не нужно ничего понимать. Может, достаточно лишь *действовать*. Поэтому он поднял руку, осторожно протянул ее и дотронулся до щеки Лоллы-Воссики, прямо под выбитым глазом. Нет, неверно. Он положил палец на мертвое веко, под которым когда-то находился глаз краснокожего. «Да, — подумал

он. — Стань цельным».

Воздух затрещал. Посыпались искры. От неожиданности Эл вскрикнул и отдернул руку.

Комната погрузилась в ночную тьму. Только лунный свет продолжал пробиваться в окно. Не осталось ни лучика былого сияющего великолепия. Как будто Элвин неожиданно очнулся от сна, самого странного и правдоподобного сна, который он когда-либо видел.

Потребовалось не меньше минуты, чтобы привыкнуть к вернувшейся тьме и снова начать что-то различать. Нет, это был не сон. Потому что рядом по-прежнему находился краснокожий, когда-то представший перед Элвином в обличий Сияющего Человека. Вряд ли можно назвать сном краснокожего человека, склонившегося над твоей постелью; из одного, здорового глаза его катятся слезы, а другой глаз, до которого ты дотронулся…

Веко было мертво, закрывая пустую глазницу. Глаз не исцелился.

— Не получилось, — прошептал Элвин. — Прости меня.

С новой силой вспыхнул стыд: Сияющий Человек спас его от зла, гнездящегося внутри, а он даже отблагодарить его не может. Но красноко-

жий не произнес ни слова упрека. Вместо этого он потянулся к Элвину, взял его голые плечи большими сильными руками и крепко прижал к себе, поцеловав в лоб, нежно и сильно, как отец — сына, как брат — брата, как друг — друга за день до смерти. Этот поцелуй и все, что в него было вложено, — надежда, всепрощение, любовь… «Дай мне Бог не забыть все это», — молча взмолился Элвин.

Лолла-Воссики пружинисто подпрыгнул и выпрямился. Он стал гибким, как юноша, былая пьяная развалистость бесследно пропала. Изменился, он таки изменился, и внутри Элвина вновь зародилась надежда: может, он все-таки исцелил его, вернул на свое место нечто, скрывающееся глубоко внутри? Может, исцелил его от пристрастия к виски…

Но если и так, то это не Элвин сделал, а тот свет, что на время поселился в нем. Тот огонь, который согревал без пламени.

Краснокожий кинулся к окну, перепрыгнул через подоконник, мгновение повисел на руках и скрылся из виду. Элвин не слышал, как его ноги коснулись земли, — так бесшумно он упал на землю. Как кошка.

Сколько же прошло времени? Наверное, много

часов. Наверное, скоро рассвет… Или пролетело всего несколько секунд с тех пор, как Энн нашептывала угрозы ему на ушко?

Какая разница. Элвину было не до сна: он никак не мог опомниться от того, что произошло мгновения назад. Почему этот краснокожий пришел к нему? Что означает тот свет, который наполнил Лоллу-Воссики и который позднее передался ему? Он не мог улежать в постели, столько чудесного случилось с ним. Поэтому он поднялся, побыстрее натянул ночную рубашку и выскользнул из комнаты.

Очутившись в коридоре, он услышал разговор, доносящийся снизу. Мама и папа еще не легли. Сначала он хотел было кинуться вниз и рассказать родителям, что ему пришлось пережить. Но потом прислушался к голосам. В них звучали гнев, страх, неуверенность. М-да, со своим рассказом лучше не лезть. Даже если б Элвин наверняка знал, что это не сон, что все произошло на самом деле, и тогда бы они отнеслись к случившемуся, как к сказке. Немного поразмыслив, он понял, что ничего внятного рассказать не сможет. Ну что он может сказать — что натравил тараканов на сестер? Опишет, как ткнул Матильду в попу, как девчонки насажали ему в рубашку булавок,

как Энн потом шептала угрозы? Об этом тоже придется рассказать, хотя, казалось, с тех пор прошла вечность — месяцы, *годы.* И все это не имело значения — по сравнению с клятвой, которую он принес, и будущим, которое ждало его впереди. Однако мама с папой заинтересуются прежде всего первой частью.

Поэтому он на цыпочках пробежал по коридору и спустился по лестнице. Подобравшись поближе и спрятавшись за углом, он затаился и прислушался к спору родителей.

Спустя несколько минут он начисто позабыл об осторожности. И подполз еще ближе, чтобы разглядеть большую комнату. Отец сидел на полу, окруженный со всех сторон щепками. Элвин немало удивился тому, что папа все еще возится с этим мусором, — а ведь он успел подняться наверх, помог расправиться с нашествием тараканов, да и после этого сколько времени прошло! Сейчас он закрывал лицо руками. Мама, опустившись на колени, сидела прямо напротив него, а между ними были рядком выложены самые большие щепки.

— Он жив, Элвин, — сказала мама, — а остальное неважно.

Папа поднял голову и посмотрел на нее.

— В дерево просочилась вода. Она там замерзла и дала начало гниению, задолго до того как мы срубили ствол. И надо же как получилось: мы разрубили дерево именно так, что гнили не было видно. На самом же деле она затаилась, разделив бревно на три части, и ждала лишь веса кровельной балки. Это все вода.

— Вода, — повторила мать, но теперь в голосе ее прозвучала насмешка.

— В четырнадцатый раз вода пытается убить его.

— Дети постоянно попадают в какие-нибудь неприятности.

— Вспомни, как ты поскользнулась на мокром полу, когда держала его. Помнишь, как Дэвид случайно опрокинул котел с кипящей водой? Три раза мальчишка терялся в лесу, и находили его на берегу реки. А прошлой зимой, когда на Типпи-каноэ вдруг лед начал трескаться…

— Неужели ты думаешь, он один падает в воду?

— От той отравленной воды он потом кровью харкал. На лугу на него накинулся облепленный грязью бык…

— Грязью облепленный, тоже мне невидаль. Все знают, что быки обожают грязь и поэтому

возятся в ней, как свиньи. Вода-то тут при чем?

Папа громко хлопнул рукой по полу. Словно в доме выстрелил кто, аж стены затряслись. Мама вздрогнула и первым делом оглянулась на лестницу, ведущую на второй этаж, где спали дети. Элвин-младший быстро ретировался и замер, ожидая гневного оклика, приказывающего ему немедленно возвращаться в постель. Но, должно быть, она не заметила ничего подозрительного, потому что оклика так и не последовало. Шагов, направляющихся в сторону Элвина, тоже не было слышно.

Когда он на цыпочках вернулся на прежнее место, они продолжали спорить, но уже на полтона ниже.

Папа понизил голос до шепота, но в глазах его сверкали гневные искорки:

— Случайность на случайности, и ты по-прежнему считаешь, что вода здесь ни при чем?! Интересно, кто из нас двоих свихнулся?

Мама, наоборот, хранила ледяное выражение лица. Элвин-младший прекрасно знал, что это означает: мама взбешена как никогда. Когда она пребывает в таком настроении, с ней лучше не связываться. Здесь речь идет не об оплеухах и не об отповедях длиной в час. Очень рассердив-

шись, мама становится холодной и презрительно молчаливой, и любой ребенок, увидев ее такой, вскоре сам начинает желать смерти и адовых пыток, поскольку в аду и то теплее, чем под ледяным взглядом Веры Миллер.

Однако сейчас она не стала молчать, как обычно, но голос ее пробирал до костей:

— Сам Спаситель счел безопасным испить воды из самарянского колодезя [10].

— Да, но Иисус туда не падал, — возразил папа.

Элвин-младший вспомнил колодец и ведро, бесконечное падение в темноту. Спасла его веревка, зацепившаяся за ворот, — ведро резко дернулось и закачалось в каком-то дюйме от воды, в которой он бы непременно утонул. Говорили, что ему двух годиков не исполнилось, когда это случилось, но до сих пор ему снились по ночам камни, которыми были выложены внутренние стенки колодца, и быстро сгущающаяся тьма. В сновидениях колодец был глубиной миль в десять, не меньше, поэтому падал он туда целую вечность, прежде чем очнуться от кошмара.

— Прекрасно, Элвин Миллер, хочешь похва-

---

10 notes: Note10

имеется в виду случай, когда Иисус, утомившись, присел отдохнуть у колодца Иакова; к колодцу подошла самарянка, увидела Христа и уверовала в него (Библия, Евангелие от Иоанна, глава 4)

литься, насколько хорошо ты знаешь Писание? Тогда вот тебе одна задачка.

Папа начал было протестовать, мол, он и не думал ничем хвалиться…

— Когда Господь был в пустыне, к нему явился дьявол и стал искушать броситься с храма, говоря, что если Он Сын Божий, то сам Господь ангелам Своим заповедает о Нем, и на руках понесут Его, да не преткнется Он о камень ногою [11].

— Замечательно, а вода к этому какое имеет отношение?

— Выходя замуж, я думала, у тебя хоть что-то в голове имеется. Похоже, я крупно обманулась.

Папино лицо густо побагровело:

— Ты меня дураком не обзывай, Вера. Я знаю то, что знаю, и…

— Элвин Миллер, у него есть ангел-хранитель. Кто-то его оберегает.

— Конечно, его оберегают ты и твои писания. Ты и твои ангелы.

— Тогда ты мне объясни, если его жизнь целых четырнадцать раз подвергалась опасности, почему из всех переделок он выходил целым и невредимым, без единой царапинки? Скольких

---

11 notes: Note11

на что Иисус ответил: «Не искушай Господа Бога твоего» (Библия, Евангелие от Матфея, глава 4)

шестилетних мальчишек ты встречал, которые бы за свою жизнь не разрезали себе руку или ногу, не переломали что-нибудь?

Лицо папы как-то странно перекосилось. Губы его двигались, как будто слова давались с огромным трудом:

— Говорю тебе, что-то желает ему смерти. Я *знаю это*.

— Не можешь ты ничего знать.

Папа заговорил еще медленнее, цедя сквозь зубы, словно каждая буква причиняла ему страшную боль:

— Я *знаю*.

Говорил он очень тихо, поэтому мама сразу перебила его, продолжая доказывать свое:

— Если и существует какой-нибудь дьявольский заговор с целью его убийства, — запомни, Элвин, это утверждаешь ты, не я, — то, должно быть, ему противостоят куда более могущественные небесные силы.

Внезапно папа снова заговорил как обычно, не испытывая никакого труда. Папа ушел от темы, которая причиняла ему боль, и Элвин-младший почувствовал, как сердце в груди куда-то ухнуло, словно он с горки скатился. Однако он понял, скорее почувствовал, что папа не сдался бы так

легко, если бы против него не выступила какая-то действительно могучая сила. Папа был сильным мужчиной и никогда не праздновал труса. До сегодняшнего вечера Элвин ни разу не видел, чтобы папу побеждали, — поэтому напугался. Маленький Элвин давно догадался, кого обсуждают мама с папой, и пусть большая половина сказанного осталась для него загадкой, он заметил, что случилось, когда папа начал утверждать, что кто-то желает смерти Элвину-младшему. Когда папа попытался привести настоящие доказательства своим словам, объяснить, откуда он *знает,* неведомая сила заткнула ему рот.

К тому времени Элвин-младший осознал, что за сила препятствует папе. Она была противоположностью того яркого света, что наполнял сегодня ночью Элвина и Сияющего Человека. На свете существовало нечто, желающее, чтобы Элвин вырос сильным и хорошим мужчиной. Но в воздухе витала и другая сила, которая намеревалась погубить Элвина. Первая, добрая сила умела вызывать видения, она показала, в чем заключался его грех, и научила, как истребить в себе зло навсегда. Но зло обладало достаточным могуществом, чтобы заткнуть рот папе, самому лучшему и доброму человеку на земле. Вот поче-

му Элвин испугался.

Поэтому, когда папа принялся отстаивать свою точку зрения, его седьмой сын знал, что вовсе не такие доказательства он собирался привести.

— Это не дьяволы и не ангелы, — произнес папа. — Скорее, элементы Вселенной. Неужели ты не видишь, что он ходячий вызов всей природе? В нем гнездится такая сила, которую ни ты, ни я и представить не можем. В нем столько силы, что какая-то часть природы не в состоянии вынести ее. И его способности настолько велики, что он защищает сам себя, даже не ведая об этом.

— Если в седьмом сыне седьмого сына таится подобное могущество, то где ж твоя *сила,* Элвин Мельник? Ты седьмой сын — это уже кое-что, однако я ни разу не замечала, чтобы ты с лозой воду искал или…

— Ты понятия не имеешь, что я могу…

— Зато знаю, чего не можешь. Не можешь поверить…

— Я поверю во что угодно, лишь бы это было правдой…

— И я знаю, что все мужчины деревни принимали участие в постройке прекрасной церкви, все, кроме тебя…

— Этот проповедник — круглый дурак…

— А ты никогда не думал, что, может быть, Господь использует твоего драгоценного седьмого сына, чтобы пробудить тебя и призвать к смирению?

— А, так вот в какого Господа ты веришь? Тебе по душе тот Бог, который не задумываясь утопит младенца, лишь бы его папа на молитву сходил?

— Господь *спас твоего* сына, и это знак его любви и сострадания…

— Его любовь и сострадание очень пригодились Вигору, когда того разодрало на куски дерево…

— Но в один прекрасный день терпению Господа придет конец…

— И тогда он убьет еще одного моего сына.

Она залепила ему пощечину. Элвин-младший видел все собственными глазами. Это была не одна из тех легких оплеух, которые она щедро раздавала направо и налево, когда дети начинали крутиться под ногами. Такой пощечиной можно снести пол-лица. Папа упал и распростерся на полу.

— Вот что я тебе скажу, Элвин Миллер. — Ее голос был обжигающе холоден.

— Если церковь будет закончена без твоего участия, ты мне больше не муж, а я тебе не жена.

Если вслед за этим последовали еще какие-то

слова, их Элвин-младший их уже не слышал. Он лежал в постели и дрожал — о таких ужасах даже думать нельзя, не то что говорить вслух. За эту ночь он натерпелся многих страхов: боялся боли, боялся умереть, когда Энн нашептывала ему о смерти, а больше всего он испугался Сияющего Человека, когда тот явился, чтобы поведать о его грехе. Но здесь было совсем другое. Мама сказала папе, что больше не хочет жить с ним вместе, — это могло положить конец целой Вселенной. Элвин лежал в кровати, в его голове роилось множество мыслей. Мысли танцевали и прыгали так быстро, что он не мог сосредоточиться ни на одной, поэтому в конце концов ему не оставалось другого выхода, кроме как заснуть.

Проснувшись утром, он вспомнил события прошлой ночи и подумал, что все это, наверное, ему приснилось. Наверняка приснилось. Однако на полу, у подножия кровати, куда капала кровь Сияющего Человека, виднелись потеки. То был не сон. И спор родителей ему тоже не приснился.

После завтрака папа поймал Элвина за руку.

— Сегодня, Эл, ты будешь со мной, — сказал он.

По маминому лицу можно было ясно прочесть, что сказанное вчера остается в силе и сегодня.

— Я хочу помочь в церкви, — сказал Элвин-

младший, — и кровельных балок я не боюсь.

— Сегодняшний день ты проведешь со мной. Поможешь мне кое-что построить. — Папа судорожно сглотнул и наконец отвернулся от мамы. — Церкви понадобится алтарь, и я подумал, что мы можем его выстругать. Он будет готов как раз к тому времени, как доделают крышу и стены. — Папа взглянул на маму и улыбнулся так, что у Элвина-младшего мурашки по спине побежали. — Ты как думаешь, понравится это проповеднику?

Первый ход остался за папой. Однако мама не относилась к тем людям, которые отступают, стоит противнику нанести меткий удар, — несмотря на малые годы, это было известно даже Элвину-младшему.

— И какая тебе от него будет помощь? — осведомилась мама. — Он же не плотник.

— У него верный глаз, — возразил папа. — Если он умеет обрабатывать кожу, значит, сможет вырезать на алтаре пару-другую крестов. Уверен, у него получится.

— В резьбе по дереву Мера куда опытнее его, — сказала мама.

— Тогда Элвин выжжет эти кресты. — Папа положил руку на голову Элвина-младшего. —

Пускай сидит здесь весь день и читает Библию, но в церковь он ногой не ступит, пока там не будет вбит последний гвоздь.

Папиным голосом можно было слова в камне вырубать. Мама перевела глаза на Элвина-младшего, затем снова взглянула на Элвина-старшего. Наконец она отвернулась и стала укладывать в корзину еду, чтобы пообедать в церкви.

Элвин-младший вышел на улицу, где Мера запрягал лошадей, а Нет и Нед укладывали в повозку доски для церковной крыши.

— Ты что, снова собрался ловить балки? — поинтересовался Нед.

— Знаешь, а это идея. Мы можем сбрасывать тебе на голову бревна, а ты их будешь в доски рубить, — предложил Нет.

— Я не еду с вами, — вздохнул Элвин-младший.

Нет и Нед обменялись одинаковыми понимающими взглядами.

— Что ж, жаль, — пожал плечами Мера. — Но когда папа с мамой охладевают друг к другу, во всей Воббской долине начинает падать снег.

И он подмигнул Элвину-младшему точно так же, как прошлым вечером.

Это подмигивание навело Элвина на некото-

рые раздумья. У него был один вопрос, только он сильно сомневался, стоит ли об этом говорить. Он подошел поближе, чтобы остальные ничего не услышали. Мера разгадал намерения Элвина и присел на корточки у колеса телеги, чтобы выслушать, что Элвин хочет ему сказать.

— Мера, если мама верит в Бога, а папа — нет, откуда мне знать, кто из них прав?

— Мне кажется, папа тоже верит в Бога, — ответил Мера.

— А если не верит? Я вот что хочу спросить. Что мне делать, если мама говорит одно, а папа — другое?

Мера начал было что-то отвечать, но тут же замолк — Элвин увидел, как лицо его посерьезнело, значит, он собирается сказать нечто очень важное. Он скажет правду, а не отмахнется, прикрывшись ничего не значащими словами.

— Эл, если б я сам это знал. Иногда у меня создается впечатление, что вообще никто ничего не знает.

— Папа говорит, что знать — означает видеть глазами. А мама говорит, что знать — это чувствовать сердцем.

— А *ты что* скажешь?

— Что я скажу? Да мне всего шесть лет, Мера.

— А мне уже двадцать три, Элвин, я взрослый человек, а знаю не больше твоего. Думаю, ма и па тоже толком ничего не знают.

— Раз они сами не знают, то чего ж так злятся друг на друга?

— Ну, это семейная жизнь. Все время ты за что-то борешься, хотя на самом деле отстаиваешь вовсе не то, что думаешь.

— А что они на самом деле отстаивают?

Прямо на глазах у Элвина Мера снова изменился. Он было подумал сказать правду, но потом решил ничего не говорить. Он выпрямился и взъерошил Элвину волосы. Верный знак того, что взрослый собирается соврать, как всегда врут детям, будто те не достаточно надежны, чтобы им можно было доверить правду.

— По-моему, они спорят только затем, чтобы услышать голоса друг дружки.

Обычно Элвин молча проглатывал ложь, которой потчевали его взрослые, но на сей раз перед ним стоял Мера, его старший брат. Почему-то ему не хотелось, чтобы Мера лгал ему.

— Сколько мне лет должно исполниться, прежде чем ты будешь говорить со мной честно? — спросил Элвин.

В глазах Меры на секунду полыхнул гнев

— люди не любят, когда их в лицо обзывают лжецами, — но затем он с пониманием усмехнулся:

— Столько, чтобы ты сам мог угадать ответ, — сказал он, — и столько, чтобы этот ответ еще мог принести тебе пользу.

— Так сколько же? — настаивал Элвин. — Я хочу, чтобы ты сказал мне правду, хочу, чтобы ты всегда говорил со мной честно и откровенно.

Мера снова опустился на корточки:

— Этого я не смогу, Эл, потому что подчас правда очень трудно дается. Иногда приходится растолковывать вещи, которые сам не знаешь как объяснить. А бывает и так, что ты должен самостоятельно найти ответ на свой вопрос, прожив собственную жизнь.

Элвин страшно разозлился и не счел нужным скрывать это.

— Не злись на меня, младший братик. Кое-что я не могу сказать тебе потому, что сам не знаю. Честно-честно, я не вру тебе. Так что давай договоримся следующим образом. Если я *могу ответить*, я отвечаю, если же нет, то говорю тебе об этом прямо. И никакого притворства.

Ни один взрослый еще не говорил с ним настолько честно — на глаза Элвина навернулись слезы.

— Ты сдержишь свое обещание, Мера.

— Сдержу — или умру. Можешь на меня рассчитывать.

— Знаешь, я этого никогда не забуду. — Элвин вспомнил клятву, которую дал Сияющему Человеку прошлой ночью. — Я тоже умею хранить обещания.

Мера рассмеялся, подтянул Элвина к себе и крепко прижал к плечу.

— Ты ничуть не лучше мамы, — проговорил он. — От тебя не отвяжешься.

— Ничего не могу поделать, — кивнул Элвин. — Но, Мера, если я начну доверять тебе, то как узнаю, когда нужно перестать верить?

— А ты не переставай, — сказал Мера.

В эту минуту к дому подъехал Кальм на своей старой кляче, на крыльцо вышла мама, держа в руках корзинку с обедом, и все, кто должен был ехать, уселись в телегу и покатили к церкви. Папа повел Элвина в сарай, и не успел он оглянуться, как уже помогал крепить доски, причем его работа выглядела ничуть не хуже папиной. По правде говоря, Эл работал даже лучше, потому что пользовался своим даром. Клятвы он не нарушал, алтарь предназначался всем, поэтому он мог скреплять дерево на века, чтобы оно ни-

когда не разошлось в местах стыков. Элвин было подумал помочь папе и скрепить его доски так же, но, присмотревшись, понял, что у папы тоже имеется похожий дар. Его доски не прилегали друг к другу так плотно, чтобы составлять единое целое, как это получалось у Элвина, но они крепко держались, поэтому ничего переделывать не потребовалось.

Папа говорил очень мало. А ничего и не нужно было говорить. Они оба знали, что у Элвина-младшего есть дар связывать вещи друг с другом. К вечеру алтарь был собран и покрашен. Они оставили его сохнуть и побрели в дом. Рука папы твердо лежала на плече Элвина, они шли так спокойно и дружно, словно составляли две половинки одного тела, как будто рука папы росла прямо из шеи Элвина. Элвин чувствовал пульс в папиных пальцах, и этот пульс совпадал с ритмичными постукиваниями его собственной крови.

Когда они вошли, мама крутилась у очага. Заслышав их шаги, она обернулась и посмотрела на них.

— Ну как? — спросила она.

— Самый гладкий ящик, что я видел в жизни, — ответил Элвин-младший.

— А в церкви сегодня ничего не произошло, — сказала мама.

— Здесь тоже было все в порядке, — кивнул папа.

Элвин потом долго гадал, и почему это ему показалось, будто мамины слова означали: «Я никуда не уйду», а папины — «Никогда, никогда не покидай меня». Однако он знал, что понял все правильно, потому что именно в эту секунду отдыхающий у камина Мера поднял голову и незаметно для остальных подмигнул Элвину.

8. Посетитель

Преподобный Троуэр был человеком праведным, но не без пороков, и одним из его тайных грешков стал еженедельный ужин с Уиверами. Скорее даже не ужин, а обед, поскольку чета Уиверов содержала собственный магазинчик и мануфактуру и крутилась без устали с утра до вечера, лишь в полдень на минутку-другую останавливаясь, дабы заморить червячка. Раз в неделю, в пятницу, преподобный Троуэр не мог устоять перед искушением, чтобы не зайти на огонек. Дело было не столько в количестве и разнообразии еды, сколько в качестве. Недаром люди поговаривали, что Элеанора Уивер из старого пня сварит такую похлебку, что гнилую деревяшку будет не отличить от нежной зайчатины. Кроме того, Армор Уивер был крайне набожным человеком и знал Библию от корки до корки, а разговор с умным человеком всегда доставляет удовольствие. Конечно, беседа, что обычно велась в доме Уиверов, ни в какое сравнение не могла идти с диспутом, который можно было бы затеять с любым высокообразованным

церковником, но в этой забытой Богом глуши приходилось довольствоваться малым.

Обычно они обедали в комнатке, что располагалась сразу за магазином, — то была наполовину кухня, отчасти мастерская и немного библиотека. Элеанора время от времени помешивала похлебку, и запах варящейся оленины и испеченного накануне днем хлеба сливался с ароматами мыла и свечного воска.

— О, мы торгуем всем, — сказал Армор, когда преподобный Троуэр впервые посетил сей гостеприимный дом. — Мы предлагаем вещи, которые каждый окрестный фермер без труда мог бы изготовить и сам, — только наши товары много лучше, и фермер, сделавший покупки в нашем магазине, сэкономит себе многие часы работы, а это означает, что он может расчистить, вспахать и засадить лишний кусок земли.

Стены магазинчика от пола до потолка были сплошь увешаны полками, на которых красовались товары, привезенные из городов, что раскинулись на востоке. Здесь можно было найти одежду из хлопка, сотканную на паровых ткацких станках Ирраквы, оловянные тарелки, железные горшки и котлы из литейных цехов Пенсильвании и Сасквахеннии, искусно разу-

крашенную керамику и маленькие шкатулки, сделанные руками плотников Новой Англии, и даже маленькие мешочки с дорогими, редкими специями, доставленные в Нью-Амстердам с далекого Востока. Армор Уивер раз признался, что на эти товары ему пришлось потратить сбережения всей жизни — весьма рискованный ход, ведь в малонаселенных западных землях разориться легче легкого. Однако преподобный Троуэр подметил для себя, что со всех окраин — с низовий Воббской долины, вниз по Типпи-каноэ и даже с берегов реки Нойс — непрекращающимся потоком текут сюда фермерские повозки за покупками.

И сейчас, пока Элеанора еще не позвала мужчин отведать приготовленной похлебки, преподобный Троуэр решился-таки задать Армору вопрос, который давно беспокоил его.

— К вам много покупателей приезжает, — начал он, — но я никак не могу понять, чем они рассчитываются. Насколько мне известно, наличные деньги здесь не в ходу, а ничего особо выгодного, что можно было бы удачно продать на востоке, в наших краях не добывается.

— Они расплачиваются свиным салом, углем и прекрасной древесиной — ну и, конечно, снабжа-

ют едой Элеанору, меня и… третьего человечка, который вскоре должен появиться. — Только слепец мог не заметить, что Элеанора за последний месяц сильно раздалась, будучи уже на половине срока. — Но в основном, — продолжал Армор, — они берут товары в кредит.

— В кредит?! Вы даете в кредит фермерам, чьи скальпы следующей же зимой могут быть обменены в форте Детройт на мушкеты или виски?

— Здесь больше болтовни, чем дела, — поморщился Армор. — Людей скальпируют много реже, чем об этом говорят. Местные краснокожие не дураки. Им известно об Ирракве, о том, как их собратья заседают в филадельфийском Конгрессе наравне с белыми, и о том, что им позволяется иметь мушкеты, лошадей, основывать фермы и города, боронить поля, — как это уже происходит в Пенсильвании, Сасквахеннии или в Нью-Оранже. Совсем недавно прошел слух о племени черрики с Аппалачей, которое собирает урожай и сражается в одних рядах с бледнолицыми мятежниками Тома Джефферсона [12], дабы отстоять

12 notes: Note12

Джефферсон, Том (1743-1826) — американский государственный и общественный деятель; явился автором проекта Декларации Независимости; в начале XIX века стал президентом США, сменив на этом посту Джона Адамса

свою независимость от короля и роялистов.

— Но с таким же успехом они могли прознать о целых армадах плоскодонок, плывущих вниз по Гайо, и огромных караванах повозок, направляющихся на запад, о поваленных деревьях и растущих посреди леса домах.

— Думаю, вы правы, преподобный, но только наполовину, — ответил Армор.

— По-моему, возможных исхода здесь два. Либо краснокожие попытаются истребить белых людей, либо попробуют осесть и жить среди нас. Последнее будет не так просто — они несколько не привыкли к городской жизни, которая, по сути дела, естественна для белых. Но война с нами обернется для них еще худшей стороной, поскольку в этом случае они будут перебиты до последнего человека. Конечно, они могут посчитать, что если убить парочку-другую бледнолицых, то все остальные испугаются и не будут больше тревожить Запад. Но им неизвестно, что творится в Европе. Мечта о собственном клочке земли ведет людей за пять тысяч миль, чтобы не покладая рук работать с утра до вечера, рожать детей, которые могли бы преспокойно жить в родной стране, и подвергаться риску обнаружить в один прекрасный день томагавк у себя в затыл-

ке. Только уж лучше подчиняться самому себе, нежели служить пусть даже самому доброму господину. За исключением Господа Бога.

— И вас тоже увлекла эта мечта? — поинтересовался Троуэр. — Неужели и вы рискнули всем ради клочка земли?

Армор глянул на свою жену Элеанору и улыбнулся. Краем глаза Троуэр заметил, что она не ответила мужу улыбкой, но также мимо его внимания не прошел тот факт, что глаза ее отличаются дивной красотой и глубиной, как будто ей ведомы тайны, которые заставляют ее сдерживаться, даже когда на сердце царит радость.

— Земля, которой владеют фермеры, меня не интересует, я не фермер, это видно сразу, — сказал Армор. — Но есть и другие способы владеть землей. Видите ли, преподобный Троуэр, я даю в кредит, потому что верю в будущее этой страны. Когда ко мне за покупками приезжают люди, я узнаю от них имена соседей и делаю черновые карты ферм, речушек и ручьев, на берегах которых они находятся, и окрестных дорог. Я отдаю им письма, написанные другими людьми, сам пишу и, когда требуется, отсылаю послания на восток, тем поселенцам, которые осели в других местах. Мне известно все и вся в верхней Вобб-

ской долине и по берегам реки Нойс, и добраться я могу куда угодно.

— Иными словами, брат Армор, в вашем лице представлено местное правительство, — подмигнув, улыбнулся преподобный Троуэр.

— Лучше сказать так: если наступят времена, когда у нас возникнет необходимость в собственном правительстве, я пригожусь, — поправил Армор.

— Через два-три года сюда приедут новые поселенцы, начнут делать кирпичи и горшки, шкатулки и кувшины, пиво и сыр, и как вы думаете, к кому они обратятся, чтоб продать или купить? Они придут в магазин, который в свое время поверил им в кредит, когда их женам страшно захотелось яркой ткани на новое платье, когда потребовалась железная плита или камин, чтобы удержать за дверями зимние холода.

Филадельфия Троуэр не стал высказывать имеющиеся у него сильные сомнения по поводу того, что благодарные поселенцы будут вечно помнить Армора Уивера. «Ведь я, — подумал Троуэр, — могу и ошибаться. Разве Спаситель не наставлял, чтобы мы всегда пускали хлеб по водам? Даже если Армор не достигнет того, о чем мечтает, он сделает доброе дело и поможет этой

земле обрести цивилизацию».

Ужин был готов. Элеанора разлила по тарелкам похлебку. Согласно правилам приличия, преподобный Троуэр улыбнулся женщине, поставившей перед ним расписную белую миску.

— Вы, должно быть, очень гордитесь своим мужем и его деяниями.

Вместо того чтобы ответить смиренной улыбкой, Элеанора, вопреки всем ожиданиям Троуэра, чуть не рассмеялась, но сдержалась — в отличие от своего мужа, который откровенно расхохотался.

— Преподобный Троуэр, вы и в самом деле человек с большими странностями, — отсмеявшись, проговорил Армор. — Пока я вожусь со свечным воском, Элеанора варит мыло. Тогда как я отвечаю на письма и рассылаю их, Элеанора рисует карты и заносит в нашу маленькую записную книжку новые имена. Она всегда рядом со мной, а я — рядом с ней, мы ровным счетом ничего не можем друг без друга. Хотя нет, вру, к своему садику она старается меня не подпускать, да и мне это не очень интересно. Зато я проявляю больше интереса к Библии, чем она.

— Что ж, — в замешательстве промолвил преподобный Троуэр, — я рад, что она столь пре-

данная помощница своему мужу.

— В нашей семье нет хозяев и слуг, — сказал Армор, — запомните.

Он произнес это с улыбкой, и Троуэр улыбнулся в ответ, хотя поведение Армора поставило его в тупик: Уивер открыто заявил, что находится под каблуком у жены. Этот мужчина совершенно не стеснялся того, что не является хозяином в собственном доме. Впрочем, чего еще можно было ожидать, учитывая, что Элеанора выросла в семейке Миллеров, славящейся своими причудами? Вряд ли старшая дочь Элвина и Веры Миллеров станет преклоняться перед мужем, как напутствовал Господь.

Но оленина заставила священника забыть о нарушении традиций. Такого вкусного мяса Троуэр никогда не едал.

— Невероятно, — восхитился он. — Даже не думал, что дикий олень может быть настолько вкусным.

— Она срезает жир, — объяснил Армор, — и шпигует оленину куриным мясом.

— А, вот сейчас и я это распробовал, — кивнул Троуэр.

— А олений жир идет в похлебку, — продолжал хвалиться Армор. — Мы никогда ничего

не выбрасываем, все стараемся где-нибудь да использовать.

— Как и наставлял Господь, — одобрил Троуэр. И обратился к ужину. Он уже приканчивал вторую миску похлебки и третий ломоть хлеба, когда ему на ум пришла мысль, которую он поспешил высказать вслух, надеясь польстить и сделать комплимент. — Миссис Уивер, вы готовите так искусно, что я почти готов поверить в волшебство.

Троуэр ожидал, что Уиверы усмехнутся его шутке. Вместо этого Элеанора опустила глаза, упершись взглядом в стол, смутившись и покраснев, словно ее только что обвинили в адюльтере. Да и Армора будто подменили: он весь напрягся и резко выпрямился на стуле.

— Я буду очень вам благодарен, преподобный, если впредь вы не станете касаться этой темы в стенах нашего дома, — сказал он.

— Да я ж не всерьез, — попытался было извиниться преподобный Троуэр. — Ведь среди праведных христиан это всего лишь шутка. Столько вокруг всяких суеверий, вот я и…

Элеанора поднялась из-за стола и покинула комнату.

— Что я такого сказал? — удивился Троуэр.

— Ничего особенного, вы ведь не нарочно, — вздохнул Армор. — Давний спор, который начался еще до нашей женитьбы. Я тогда только обосновался на этих землях. Я познакомился с ней, когда она пришла вместе с братьями, чтобы помочь мне построить хижину-времянку — там мы сейчас варим мыло. Она начала было разбрасывать по моему полу мяту и бормотать под нос какие-то стишки, но я наорал на нее, приказал заткнуться и выметаться из дома. И процитировал Библию, где говорится: «Ворожеи не оставляй в живых».

— Вы обозвали ее ведьмой, и она вышла за вас замуж?

— Ну, перед этим мы еще не раз касались вопросов ворожбы.

— Но теперь-то она не верит в подобные глупости?

Армор задумчиво почесал лоб:

— Дело здесь не столько в неверии, преподобный, сколько в поступках. Нет, больше она этим не занимается. Ни здесь, ни где-либо еще. Поэтому, когда вы чуть ли не обвинили ее в колдовстве… в общем, она несколько расстроилась. Видите ли, она обещала мне…

— Но я же извинился, так почему…

— Тут-то мы и подошли к самому главному.

Вы мыслите по-своему, но никогда не докажете ей, что заговоры, заклятия и травы не обладают силой, потому что она собственными глазами видела такое, чему вы объяснения не найдете.

— Не может быть, чтобы столь образованный человек, как вы, начитанный, прекрасно знающий Писание и знакомый с миром, не убедил свою жену позабыть суеверия, которыми пугают детей.

Армор мягко положил руку на запястье преподобного Троуэра:

— Преподобный, честно говоря, никогда не думал, что мне придется разъяснять нечто подобное взрослому человеку. Добрый христианин не пускает всякое чародейство в свою жизнь, потому что силы тайные должны приходить к нам исключительно через молитву и милость Господа нашего Иисуса. А вовсе не потому, что волшбы не существует.

— Так ее и в самом деле не существует! — воскликнул Троуэр. — Существуют лишь силы небесные, видения, явления ангелов и прочие чудеса, упомянутые в Писании. Но сила Господня не имеет ничего общего с приворотными зельями, заговорами против крупа, мором среди кур и прочими земными глупостями, которые неве-

жественные крестьяне творят при помощи так называемой «тайной мудрости». Все эти заклятия и наговоры — стоит подойти к ним с научной точки зрения — быстро разъясняются.

Армор очень долго не отвечал. Троуэр даже почувствовал себя как-то неловко, но тоже молчал, поскольку не знал, что еще сказать. Раньше ему никогда не приходило в голову, что Армор может *верить* в подобные предрассудки. Правда, открывшаяся ему, поражала. Одно дело отрекаться от колдовства, поскольку его не существует, и совсем другое — верить в магию и отказываться от нее, поскольку такое не пристало праведному христианину. Это было куда более благородно: ведь Троуэр не верил в волшебство исходя из элементарного здравого смысла, тогда как для Армора и Элеаноры это неверие стало настоящей жертвой.

Прежде чем он сумел облечь в слова пришедшую к нему на ум мысль, Армор вздохнул и откинулся на спинку стула. Бакалейщик предпочел уйти от темы, заговорив о совершенно посторонних вещах:

— Похоже, ваша церковь вот-вот будет завершена.

Преподобный Троуэр с огромным облегчением

ступил на безопасную землю:

— Крыша вчера была закончена, сегодня в конце концов удалось обшить стены досками. Завтра нам никакой дождь не страшен: на окна повесят ставни и сделают двери. Так что вскорости внутри будет тепло и уютно.

— Я заказал стекло, его должна доставить лодка, — сказал Армор. И подмигнул. — Знаете, а я ведь разрешил-таки проблему с судоходством на озере Канада.

— Каким образом? Французы же топят каждый третий корабль, даже те, что идут из Ирраквы, не избегают общей участи.

— Все очень просто. Я заказал стекло в Монреале.

— Французское стекло в окнах британской церкви?!

— Американской церкви, — поправил Армор. — А Монреаль тоже находится в Америке. Как бы французы ни пытались выжить нас отсюда, мы тем не менее представляем хороший рынок для производимых ими товаров, поэтому губерна-

тор, маркиз де Лафайет [13], не стал возражать против того, чтобы подчиненные ему граждане извлекали прибыль из своего дела, пока мы все равно держимся здесь. Стекло повезут кружным путем, через озеро Мизоган, после чего баржа войдет в реку святого Иосифа, а потом спустится по Типпи-каноэ.

— А успеют ли до дождей?

— Должны, — кивнул Армор. — Иначе я им не заплачу.

— Вы поразительный человек, — воскликнул Троуэр. — Правда, временами меня смущает ваше равнодушие к Британскому Протекторату.

— Я такой, как есть, — пожал плечами Армор. — Вот вы, к примеру, выросли под властью Протектората, поэтому и думаете как истинный англичанин.

— Я шотландец, сэр.

— Так или иначе, вы британец. В вашей стране

---

13 notes: Note13

Лафайет, Мотье де (1757-1834) — «герой Старого и Нового Света», как называли этого человека во Франции; сражался в Америке в рядах восставших против владычества английской короны американских колонистов; получил звание генерала американской армии; вернувшись во Францию, маркиз де Лафайет принимал участие во французской революции, штурмовал Бастилию, однако позднее разошелся с революционерами во взглядах и принял сторону монархии; этот человек станет одним из главных действующих лиц второй книги цикла о странствиях Элвина Творца

достаточно одного слуха, якобы кто-то там занимается запрещенной практикой, чтобы человека выслали, даже суда толком не устроив. Я прав?

— Ну, мы стараемся поступать по справедливости — правда, церковные суды действительно скоры на приговор, и опротестование вердикта не дозволяется.

— Все правильно. А теперь сами прикиньте: если всякий, кто практикует запрещенные действа и обладает непонятными для вас способностями, немедленно высылается в американские колонии, то каким образом вы могли встретиться с колдовством, раз росли в Англии?

— Я не встречался с ним, потому что его не существует в природе.

— Его не существует в *Британии.* Это проклятие несут на себе христиане Америки — нас со всех сторон окружают светлячки, водянки, бредуны и наговорники. Наши дети еще в младенчестве узнают, что может натворить скороговорка «идиуходи», не говоря уже о болтунном заклинании, которое всякие шутники до смерти обожают использовать на детях: ребенок начинает выбалтывать первое, что приходит на ум, оскорбляя всех на десять миль в округе.

— Болтунное заклинание! Брат Армор, вы же

неглупый человек и должны понимать, что пара-другая стопок доброго виски способна сотворить с человеком то же самое.

— С пьяницей, но не с двенадцатилетним мальчишкой, который в жизни алкоголя в рот не брал.

Армор явно привел случай из собственного опыта, правда, это ничего не меняло.

— Всегда можно найти другое объяснение.

— Объяснений происходящему можно найти море, главное, чтобы фантазия не подвела, — усмехнулся Армор. — И вот что я вам скажу. Вы можете проповедовать против колдовства, и паства от вас не откажется. Но если вы и дальше будете утверждать, что колдовства *не* существу*ет*, тогда, думаю, люди сильно призадумаются насчет целесообразности посещения церкви, в которой проповедует круглый тупица.

— Я должен излагать правду такой, какая она есть и какой я вижу ее, — отрезал Троуэр.

— Вы можете уличить человека в мошенничестве, но вы же не называете его имени перед собранием. Нет, вы продолжаете проповедовать честность и надеяться, что ваши слова дойдут по назначению.

— Вы хотите, чтобы я действовал окольными

путями?

— Церковь у нас получается замечательная, преподобный Троуэр. Она бы и вполовину не была такой прекрасной, если б не ваша мечта. Но местные жители считают, что это *их церковь*. Они рубили лес, они возводили ее, она стоит на общей земле. Стыд и позор падет на наши головы, если вы своим упорством вынудите их отдать приход другому священнику.

Долгое время преподобный Троуэр молча созерцал остатки роскошного обеда. Он думал о церкви, о свежих, еще не покрашенных досках, покрывающих ее стены. Она была уже закончена: гвозди держали крепко, кафедра величественно возвышалась над пустым пока залом, залитым ярким солнечным светом, который легко проникал в незастекленные окна. «Дело не в церкви, — твердил себе Троуэр, — а в цели, которую я должен здесь достигнуть. Я предам свой сан, если позволю захватить власть в этой деревеньке суеверным дуракам типа Элвина Миллера и, как выяснилось, всей его семьи. Раз моей миссией является уничтожение зла и предрассудков, я должен поселиться среди невежественных и суеверных людей. Постепенно я открою им знание и приведу к правде. И если я не смогу убедить роди-

телей, то со временем сумею обратить детей. Это работа всей жизни, это мой крест, и я не откажусь от него, пусть даже на несколько мгновений мне придется отступить от правды».

— Вы мудрый человек, брат Армор.

— И вы тоже, преподобный Троуэр. В перспективе, хоть мы и расходимся по некоторым вопросам, мы тем не менее желаем одного и того же. Мы хотим, чтобы эта страна стала цивилизованной и приняла христианство. Вряд ли кто из нас станет возражать, если Церковь Вигора превратится в Вигор-сити, а Вигор-сити примет звание столицы Воббской долины. В Филадельфии бродят слухи, что Гайо вот-вот станет штатом и присоединится к ним. Наверняка такое же предложение будет сделано Аппалачам. А почему не Воббская долина? Когда-нибудь к нам тоже придут. Вся страна протянется единой от моря до моря, сплотив белых и краснокожих, и души наши обретут свободу, мы сами будем выбирать правительство, сами будем устанавливать законы и с радостью им повиноваться.

Размах мечты Армора впечатлял. И Троуэр ясно представлял себя в этой картине. Человек, который проповедует с кафедры величайшей церкви в самом большом городе края, станет духовным

лидером, объединившим огромный народ. Он настолько глубоко погрузился в яркие картинки-мечтания, что, поблагодарив от души Армора за вкусный обед и покинув своды гостеприимного дома, чуть не задохнулся от изумления, увидев, что сейчас Поселение Вигора состоит всего лишь из большого магазина Армора и его пристроек, огороженного участка общинной земли, на котором паслась дюжина овец, и непокрашенной деревянной коробки большой новой церкви.

Но церковь уже можно было пощупать руками. Она была почти завершена, высились стены, наверху красовалась гладко обтесанная крыша. Преподобный Троуэр всегда считал себя рациональным человеком. Прежде чем поверить в мечту, он должен был пощупать ее руками, но церковь была вполне осязаема, поэтому теперь воплощение в жизнь оставшейся части мечты зависело от них с Армором. Надо привести сюда людей, сделать деревеньку центром всей территории. В церкви можно проводить не только церковные службы, но и городские собрания — места хватит. Ну а на неделе… Все его образование пропадает даром — почему бы не открыть для местных детишек школу? Он научит их читать, писать, обращаться с цифрами и, что важнее

всего, *думать.* Из их умов будут вычеркнуты глупые суеверия, и там не останется ничего, кроме чистого знания и веры в Спасителя.

Его так захватил ход мыслей, что он не замечал, куда идет, а направлялся он вовсе не к ферме Питера Маккоя, расположенной ниже по реке, где в старой бревенчатой хижине ждала его кровать. Он поднимался вверх по склону, сворачивая к молельне. Только запалив свечи, он понял, что действительно намерен провести здесь ночь. Эти голые деревянные стены стали ему домом — и ни один кров на белом свете не был ему ближе. Запах древесной смолы щекотал ноздри, ему хотелось распевать гимны, которые он никогда раньше не слышал. Мурлыкая что-то под нос, он сел на пол и принялся перелистывать большим пальцем страницы Ветхого Завета, не замечая напечатанных на бумаге слов.

Шаги он услышал, когда деревянный пол церкви заскрипел. Тогда он поднял голову и увидел перед собой, к полному изумлению, госпожу Веру, держащую над головой лампу, и двух близнецов — Нета и Неда. Они тащили какой-то огромный деревянный ящик. Прошло несколько секунд, прежде чем он осознал, что этот ящик — его будущий алтарь. И алтарь, по правде сказать, весьма

добротно сделанный: доски его были настолько плотно подогнаны друг к другу, что работа сделала бы честь любому мастеру-плотнику. По ровно положенной краске, покрывающей дерево, проходило два ряда идеально выжженных крестов.

— Ну, куда будем ставить? — поинтересовался Нет.

— Отец сказал, что мы должны принести его сюда сегодня, раз крыша и стены уже закончены.

— Отец? — недоуменно переспросил Троуэр.

— Он сделал этот алтарь специально для вас, — пояснил Нет. — А малыш Эл собственноручно выжег кресты; он очень расстроился, что ему не разрешили больше ходить на строительство церкви.

Троуэр встал и подошел поближе. В алтарь плотник, видно, вложил всю душу. Меньше всего священник ожидал этого от Элвина Миллера. И, глядя на ровные, со знанием дела выжженные кресты, вряд ли можно было сказать, что эту работу выполнил шестилетний ребенок.

— Вот сюда поставьте, — сказал он, подводя близнецов к месту, которое он заранее определил, надеясь вскоре поставить здесь алтарь. Алтарь одиноко стоял в молельне — будучи покрашенным, он резко выделялся на фоне свежих досок

пола и стен. Это было само совершенство, и на глаза Троуэра навернулись слезы. — Передайте им, что алтарь прекрасен.

Вера и мальчики широко улыбнулись.

— Вот видите, не враг он вам, — сказала Вера, и Троуэру оставалось только согласиться.

— Я тоже ему не враг, — промолвил он. Но не сказал: «Я одержу победу над ним, прибегнув к любви и терпению. Победа будет на *моей* стороне. Этот алтарь еще раз доказывает, что в сердце своем он тайно жаждет моей помощи, которая освободит его от тьмы невежества».

Они не стали задерживаться и, распрощавшись, направились сквозь покров ночи домой. Троуэр положил палочку для зажигания свечей рядом с алтарем — никогда, никогда не кладите ее на алтарь, поскольку это отдает папизмом, — и преклонил колени, вознося небесам благодарение. Церковь была почти завершена, внутри стоял прекрасный алтарь, построенный человеком, которого он опасался больше всего, и кресты на том алтаре были выжжены странным ребенком, который являлся воплощением темных суеверий невежественных поселенцев.

— О, гордыня тебя прямо переполняет, — произнес чей-то голос позади него.

Он обернулся, на лице его играла довольная улыбка: он всегда был рад появлению Посетителя.

Но Посетитель не улыбался.

— Гордишься собой…

— Прости меня, — склонил голову Троуэр. — Я уже раскаялся. И все же ничего не могу с собой поделать: я ликую при виде великой работы, что началась здесь.

Посетитель мягко коснулся алтаря, пальцы его на ощупь пробежались по крестам.

— Ведь это он сделал?

— Элвин Миллер.

— А мальчишка?

— Кресты выжег. Я боялся, что они окажутся слугами дьявола, но…

— Но теперь, когда они построили тебе алтарь, ты счел, что они доказали свою непричастность к дьявольским козням? — презрительно взглянул на него Посетитель.

Сердце Троуэра замерло, а по спине пробежали мурашки.

— Не думал, что дьявол может воспользоваться знаком креста… — прошептал он.

— Да ты не меньше склонен к предрассудкам, чем все остальные, — холодно констатировал

Посетитель. — Паписты все время крестятся. Думаешь, крест остановит дьявола?

— Тогда я вообще ничего не понимаю, — понурился Троуэр. — Если дьявол может сделать алтарь и нарисовать на нем крест…

— Нет, нет. Троуэр, сын мой, они не дьяволы, ни тот, ни другой. Ты сразу узнаешь врага рода человеческого, когда увидишь его. Если у нормальных людей на голове волосы, то у него бычьи рога. Если у остальных ноги как ноги, то у дьявола — сдвоенные копыта козла. А вместо рук — лапы-крючья, походящие на медвежьи. И можешь быть уверен: он не станет прикрываться всякими подарками и лестью, когда придет за тобой. — Посетитель возложил обе руки на деревянную коробку. — Теперь это *мой алтарь*, — провозгласил он. — Кто бы его ни сделал, я воспользуюсь им для своих целей.

Троуэр разрыдался от облегчения:

— Ты освятил его, принес святость в мою церковь.

И он протянул руку, намереваясь прикоснуться к алтарю.

— Постой! — шепотом приказал Посетитель. Слово еле-еле прозвучало, но оно было исполнено великой силы, и стены содрогнулись. — Сперва

выслушай меня.

— Я всегда прислушиваюсь к тебе, — ответил Троуэр. — Хотя не могу понять, почему ты выбрал такого презренного червя, как я.

— Касание Господа даже червя способно возвеличить, — сказал Посетитель.

— Нет, не ошибись — я вовсе не Повелитель Ангелов. Не надо преклоняться предо мной.

Но Троуэр ничего не мог с собой поделать, слезы преданности текли по его щекам, когда он встал на колени перед мудрым и могущественным ангелом. В том, что перед ним ангел, Троуэр ни капли не сомневался, хотя у Посетителя вовсе не было крыльев, а одет он был как вполне обычный заседатель в парламенте.

— В голове человека, сотворившего этот алтарь, царит смятение, а в душе живет убийство. Стоит дать повод, и оно вырвется наружу. Но вот ребенок, который выжег кресты… он действительно незауряден, как ты правильно подметил. Однако он еще не решил, какую сторону принять — добра или зла. Обе тропки лежат перед ним, и сейчас он открыт, поэтому его можно направить. Ты понимаешь меня?

— Это и есть моя работа? — спросил Троуэр. — Должен ли я забыть про все остальное и посвятить

себя обращению мальчика в истинную веру?

— Если ты проявишь излишнее рвение, его родители отторгнут тебя. Скорее тебе следует продолжать служение, как и раньше. Но сердце свое ты должен устремить на подчинение этого необычного ребенка моей вере. Он должен превратиться в моего слугу к тому времени, как ему исполнится четырнадцать, — иначе я уничтожу его.

Сама мысль, что Элвину-младшему может быть причинен какой-то вред, что его могут убить, была невыносима для Троуэра. Она наполняла чувством невыносимой потери — мать и отец меньше скорбят о собственных детях.

— Я сделаю все, что способен исполнить слабый человек ради спасения ребенка, — воскликнул он. Усиленный страданиями голос разлетелся по церкви.

Посетитель кивнул, улыбнулся прекрасной, проникнутой любовью улыбкой и протянул руку Троуэру.

— Я верю тебе, — мягко проговорил он. Голос лился подобно целебной воде на пылающую рану. — Знаю, ты справишься. А что касается дьявола, *его тебе* не следует бояться.

Троуэр потянулся было к протянутой руке, дабы

осыпать ее благодарственными поцелуями, но пальцы, которые вот-вот должны были коснуться плоти, схватили пустой воздух. Посетитель исчез, как его не бывало.

9. Сказитель

Сказитель еще помнил времена, когда в этих краях можно было взобраться на дерево и обозревать взглядом сотни квадратных миль нетронутого, девственного леса. В те времена дубы проживали не меньше столетия, расползаясь во все стороны стволами и превращаясь в настоящие древесные горы. В те времена покров листвы над головой был столь плотен, что кое-где лесная земля поражала наготой, не тронутая касанием солнечного света.

Но мир вечных сумерек бесследно растворился в прошлом. Первобытные деревья-великаны еще встречались, среди них неслышно ступали краснокожие, которые могли пройти вплотную с оленем и не вспугнуть его, — под их кронами Сказитель чувствовал себя словно в соборе самого почитаемого на земле Бога. Однако такие места попадались все реже и реже, и за последний год скитаний Сказитель ни разу не видел сплошного, густо-зеленого лесного покрова. Весь край между Гайо и Воббской территорией был освоен поселенцами, заселен редко, но ровно. Вот

и сейчас, устроившись на развилке большой ивы. Сказитель видел по меньшей мере три дюжины костров, посылающих колонны дыма высоко в холодный осенний воздух. Куда ни глянь, лес прореживали огромные заплаты вырубленных деревьев, виднелись вспаханные поля, заботливо обработанные и засеянные. Там, где когда-то громадные деревья защищали землю от небесного глаза, чернела взбороненная почва, с нетерпением ожидающая зимы, которая придет и закроет наконец ее бесстыдный позор.

Сказитель вспомнил картину, изображающую пьяного Ноя и его сыновей [14]. Он сделал эту гравюру для Книги Бытия, по которой преподавали в шотландских воскресных школах. Нагой Ной лежит с широко открытым ртом в своем шатре, недопитое вино из наполовину опустошенной чаши бежит сквозь полускрюченные пальцы и падает на землю; Хам стоит неподалеку и корчится от смеха; Иафет и Сим, отвернувшись, с лицами, обращенными назад, подносят отцу одежду, дабы не видеть его пьяной наготы. С

14 notes: Note14

Ной, выпив вина и опьянев, лежал в шатре, где увидал его Хам; осмеяв отца, младший сын рассказал об этом братьям; но братья, следуя Господней заповеди «не узрей наготы отца своего», закрыли Ноя одеждами; проснувшись, Ной узнал о случившемся и проклял Хама и его сына Ханаана (Библия, Бытие, глава 9)

волнением Сказитель осознал, что в той пророческой картине отразилось будущее. Теперь он, Сказитель, сидя на дереве, наблюдал нагую землю, оцепенело ожидающую скромное покрывало зимних снегов. Пророчество исполнилось, что очень нечасто случается в человеческой жизни: на пророчества всегда надеются, но никогда не ждут их реального воплощения.

Но, с другой стороны, история о пьяном Ное могла не иметь отношения к нынешним временам. Хотя почему бы и нет? Почему бы очищенной от деревьев земле не принять образ напившегося вина Ноя?

Сказитель спустился на землю не в лучшем расположении духа. Он упорно размышлял, в голове его роились всяческие мысли — он отчаянно пытался открыть свой ум видениям, стать настоящим пророком. Но каждый раз, когда он наконец нащупывал что-нибудь несомненное, неопровержимое, все вдруг оборачивалось иначе, вставая с ног на голову. Одно толкование заменялось многими, ткань распадалась, и он оставался в той же неуверенности, что и раньше.

Прислонившись к дереву спиной, он открыл дорожную сумку. Из нее он извлек Книгу Сказаний, которую по настоянию старика Бена начал запол-

нять еще в восемьдесят пятом году. Осторожно расстегнул пряжку, стягивающую переплет, закрыл глаза и пролистал страницы. Приоткрыв веки, он обнаружил, что пальцы остановились среди Присловий Ада [15]. Ну да, конечно, как раз вовремя. Палец покоился сразу на двух присловиях, которые были когда-то выведены его же собственной рукой. Первое ничего не означало, второе вроде бы подходило к данной ситуации. «Одно и то же дерево по-разному видят глупец и мудрец».

Однако чем больше он вдумывался в смысл, чем больше пытался увязать присловие с нынешним моментом, тем менее складным оно казалось — если, конечно, не принимать во внимание упоминания о дереве. Тогда он снова обратился

---

15 notes: Note15

В образе Сказителя Орсон Скотт Кард вывел известного английского поэта Уильяма Блейка (1757-1827). Поэзия Блейка весьма сложна для восприятия, поэтому современники не поняли и не приняли поэта. Однако Блейк предрек это, сказав, что пишет для будущих поколений. И действительно, со второй половины XIX века Блейк стал широко известен, даже признан гением. Желание Сказителя стать пророком в некоторой мере отражает искания Блейка, которому также являлись видения и который мечтал о славе провидца. «Присловия ада» (Пословицы ада, Притчи ада) — произведение, вошедшее в сборник «Бракосочетания Земли и Неба». Большей частью стихи и отрывки из поэзии Уильяма Блейка представлены в переводе Сергея Степанова. Лишь избранные из «Присловий ада» изложены переводчиком данной книги.

к первой пословице. «Стой на своем безумии глупец — и стал бы мудрецом».

Ага. Вот это в точности про него. Это глас пророчества, записанный, когда Сказитель еще жил в Филадельфии и даже не думал пускаться в путешествие. В ту ночь Книга Присловий явилась к нему как живая, он явственно увидел выписанные огненными буквами слова фраз, которые должны войти в нее. Помнится, он не ложился спать, пока свет пробуждающегося солнца не прогнал со страниц пламенеющие строчки. Помнится, старик Бен, который, шаркая и ворча, брел вниз по лестнице, чтоб разжиться завтраком, вдруг остановился и принюхался.

— Дымком тянет, — заметил он. — Надеюсь, Билл, ты не пытался поджечь дом?

— Нет, сэр, — ответил Сказитель. — Но мне явилось видение Книги Присловий, какой ее видит Бог, и всю ночь я заполнял страницы.

— Да ты помешался на видениях, — хмыкнул старик Бен. — Настоящие видения исходят не от Господа — их поставляют затаенные уголки человеческого мозга. Если хочешь, можешь записать это как присловие. Все равно оно чересчур попахивает агностицизмом, чтобы я использовал

его в «Альманахе простака Ричарда» [16].

— Взгляните-ка лучше, — предложил Сказитель.

Старик Бен наклонился и увидел, как потухают последние огоньки.

— М-да, никогда не видел, чтобы с буквами проделывали подобные штучки. А ты еще клялся, будто знать не знаешь, что такое волшебство.

— Я действительно не волшебник. Мне послал это Бог.

— Бог или дьявол? Когда тебя окружает слепящий свет, Билл, можешь ли ты с уверенностью утверждать, слава это Господня или адское пламя?

— Не знаю, — пожал плечами Сказитель, смутившись. Тогда он был еще молод, и тридцати ему не было, поэтому он отчасти стеснялся этого великого человека.

— А может, ты сам, отчаянно возжелав правды, предоставил ее себе? — Старик Бен наклонился

---

16 notes: Note16

"Альманах простака Ричарда» — журнал, который в 1733-1758 годах издавал Бенджамин Франклин; название пошло от псевдонима Франклина — Ричард Саундерс; Франклин, Бенджамин (1706-1790) — под видом старика Бена Орсон Скотт Кард выводит одного из наиболее известных общественных деятелей США Бенджамина Франклина; Франклин призывал к отделению колоний от Англии и провозглашал политическую независимость Америки, участвовал в подготовке Декларации Независимости

поближе, чтобы внимательнее изучить страницы Присловий через нижние линзы очков. — Буквы как будто выжжены. Забавно, меня все кличут волшебником, которым я не являюсь, тогда как ты, самый настоящий маг, отказываешься признать свой дар.

— Я пророк. Или — хочу им стать.

— Вот когда хотя б одно из твоих пророчеств исполнится, Билл Блейк, я поверю тебе. Но не раньше.

Все прошлые годы Сказитель искал исполнения хотя бы одного пророчества. Однако стоило ему набрести на что-нибудь похожее, как откуда-то издалека раздавался голос старика Бена, который предлагал альтернативное объяснение и в очередной раз высмеивал уверенность Сказителя, осмелившегося утверждать, будто бы между видениями и реальным миром существует какая-то связь.

— Да никогда видения не обернутся правдой, — усмехался, бывало, старик Бен. — Пригодиться могут, не спорю. Твой ум может раскопать в них какую-нибудь связь. Но *истина* – дело иное. Истина возникает, когда ты обнаруживаешь некую связь, которая существует независимо от твоего мироощущения, которая существовала и будет

существовать независимо от того, заметил ты ее или нет. Признаюсь, сам я никогда не находил ничего похожего. Временами я даже начинаю подумывать, что таких связей не существует, что все сочленения, узы, следствия и подобия суть плод человеческого вымысла и не имеют под собой реальной почвы.

— Тогда почему земля у нас под ногами не расступается? — спросил Сказитель.

— Потому что нам каким-то образом удалось убедить ее не пропускать наших тел. Может, в этом виноват сэр Исаак Ньютон. Уж очень упорный был человек. Люди могут сомневаться в его постулатах сколько угодно, но земля ему верит — вот и держит нас.

Высказав свою гипотезу, старик Бен расхохотался. Для него подобные беседы были не больше чем забавой. Он даже себя не мог заставить поверить в собственный скептицизм.

И вот сейчас, сидя с закрытыми глазами у подножия дерева. Сказитель вновь пустился на поиски связи, увязывая историю Ноя с жизнью старика Бена. Старик Бен был Хамом, увидевшим голую истину, неприкрыто безвольную и позорную. Он увидел ее и расхохотался, тогда как преданные сыны церкви и университетов, отво-

рачивая лица, упорно заворачивают в одежды глупую правду. И мир продолжает считать, что правда непоколебима и горда — мир не видел ее в минуту слабости.

«Вот эта связь истинна, — подумал Сказитель. — Это и есть настоящее значение библейской истории. Исполнение пророчества. Истина, если к ней приглядеться, смешна, поэтому если мы желаем и дальше боготворить ее, то никогда не должны сдергивать с нее покровов».

Открытие было столь ново, что Сказитель вскочил на ноги. Он немедленно должен найти кого-нибудь, с кем можно было бы поделиться снизошедшим откровением, — надо поговорить с кем-нибудь, пока он еще верит собственным выводам. Ибо, как гласило написанное его рукой присловие: «Водоем содержит; источник источает». Если он не расскажет людям эту историю, она отсыреет и помутнеет, сожмется и спрячется внутри. Только рассказами можно сохранить свежесть и добродетель происходящего.

Но куда идти? Лесная дорога, что пролегала в десятке ярдов, вела к большой белой церкви с крышей, достигающей высоты самых старых дубов, — он заметил ее шпиль, когда забирался на иву. Таких огромных зданий Сказитель не видел

со времен последнего посещения Филадельфии. Церковь подобных размеров, способная вместить множество людей, намекала, что здешние поселенцы с радостью привечают вновь прибывших и места хватит всем. Добрый знак для бродяжничающего рассказчика, поскольку жил он исключительно благодаря милости деревенских людей. Они впускали его в дома, кормили и поили, тогда как у него не было ничего, кроме рассказов, воспоминаний, двух крепких рук и порядком истоптанных ног, которые исходили уже более десятка тысяч миль и способны преодолеть как минимум еще пяток тысяч.

Дорога была изрядно побита колесами повозок и телег, а это означало, что по ней частенько ездят. В низких местах она была укреплена положенными на землю жердинами, чтобы проезжающие не вязли в вечной спутнице дождя — непролазной грязи. Ага, значит, поселение твердо вознамерилось превратиться в город. Большая церковь могла символизировать нечто иное, нежели открытость местных людей, — скорее она говорила о процветающих здесь амбициях. «Вот почему опасно судить за глаза, — упрекнул себя Сказитель. — У каждого явления имеется сотня возможных причин, и каждая причина может по-

родить сотню возможных явлений». Он подумал было записать эту мысль, но потом решил, что не стоит. Она не несла на себе никаких особых отметин, за исключением отпечатка его собственной души, — ни Небеса, ни ад не удостоили ее внимания. Именно так он определял происхождение мысли. Это присловие выдумал он сам. Следовательно, оно не могло быть пророчеством и не могло оказаться истинным.

Дорога выходила на принадлежащие деревеньке луга. Где-то неподалеку текла река — Сказитель сразу почуял запах бегущей воды, нюх у него был хоть куда. Вокруг лугов беспорядочно разместились несколько построек, однако взгляд привлекала лишь одна из них — большой, выкрашенный в белый цвет и обшитый досками дом с небольшой вывеской: «Семья Уиверов».

Вывеска на доме обычно означала, что владельцы хотят, чтобы люди с первого взгляда узнавали их жилище, хоть никогда его и не видели. А это все равно что объявить во всеуслышание: «Наши двери открыты для всех». Поэтому Сказитель не преминул подняться на крыльцо и постучаться.

— Минутку! — прокричал кто-то изнутри.

Сказитель стал ждать, осматривая тем временем веранду. С одной стороны висело несколько

садовых корзиночек, из которых выпирали длинные листья всевозможных растений. Сказитель достаточно неплохо разбирался в травах, поэтому сразу узнал некоторые из них: они помогали в лечении болезней, в поисках потерявшейся вещи, в запечатывании дома от дурных намерений и в напоминании давно забытого. Кроме того, он заметил, что корзиночки развешены таким образом, чтобы человек, подошедший к дверям, подпадал под действие идеально сотворенного магического знака. По сути дела, знак был так умело замаскирован, что Сказитель даже опустился на корточки, чтобы рассмотреть его повнимательнее. В конце концов, он вообще лег, чтобы лучше видеть. Цвета, в которые были раскрашены корзиночки, сходились друг с другом под идеальным углом, отметая случайное совпадение. На входную дверь дома смотрел искусно созданный магический оберег.

Загадка оберега поставила Сказителя в тупик. Зачем создавать столь сильный магический знак — чтоб потом прятать от глаз людских? Сказитель, может, единственный в этих краях способен почувствовать волну силы, исходящую от магических знаков, которые по природе своей пассивны. Если б не могучая сила оберега, то да-

же Сказитель не заметил бы его. Лежа на досках крыльца и позабыв обо всем, он предавался размышлениям, когда дверь отворилась и из дома выглянул какой-то мужчина:

— Неужель, чужеземец, ты так притомился?

Сказитель мигом вскочил на ноги.

— Я просто восхищался вашим садиком трав. Прекрасный и очень необычный сад, сэр.

— Это все моя жена, — махнул рукой мужчина. — Постоянно возится с этой зеленью. Подстригает, пересаживает, поливает…

Зачем этот человек лжет ему? «Впрочем, нет, он не лжет, — понял Сказитель. — Он ведь не пытается скрыть, что корзиночки образуют знак, а переплетенные ветви связывают его воедино и наполняют силой. Он просто не знает. Кто-то — может быть, его жена, раз этот садик принадлежит ей, — начертил у дверей дома оберег, а он и не подозревает об этом».

— Не знаю, по-моему, лучше быть не может, — ответил Сказитель.

— Я все гадал, как это я умудрился проворонить гостей, ведь ни повозка вроде не подъезжала, ни лошадь. Но, глядя на вас, вижу, вы пришли пешком.

— Именно так оно и есть, — кивнул Сказитель.

— Да и котомка у вас не столь набита, чтоб вы могли что-то предложить взамен.

— Я меняюсь не *вещами,* — подчеркнул Сказитель.

— Чем же тогда? Что еще, кроме вещей, можно обменять?

— Ну, во-первых, работу, — пожал плечами Сказитель. — Я отрабатываю кров и обед собственными руками.

— Вы слишком стары для бродяги.

— Я родился в пятьдесят седьмом, и до старости еще далеко. Кроме того, у меня есть кое-какие способности, которые могут пригодиться.

Мужчина как будто отступил от него. Хотя на самом деле он и с места не тронулся. Просто глаза его стали далекими.

— Моя жена и я справляемся с работой по дому, пока наши дети не выросли, чтобы помогать. А помощь от посторонних нам не требуется.

Позади мужчины возникла женщина, не женщина даже, а девушка — лицо ее еще не затвердело и не обветрилось, хотя хранило печать торжественной серьезности. На руках она держала младенца.

— Армор, сегодня вечером мы вполне можем поделиться с кем-нибудь обедом… — обратилась

она к мужчине.

Услышав ее голос, хозяин дома упрямо поджал губы.

— Моя жена куда более щедра, чем я, незнакомец. Но скажу тебе напрямик. Ты тут намекал на кое-какие способности, которые могут пригодиться, и я исходя из собственного опыта понял, что ты имеешь какое-то отношение к тайным силам. Я не потерплю ничего подобного в добром христианском жилище.

Сказитель немигающим взглядом посмотрел ему в глаза, после чего, уже немного помягче, взглянул на жену. Так вот как обстоят дела: магические обереги и заклятия она творит втайне от мужа, и он тупо считает, что ничего подобного в их доме нет. Интересно, что будет, если ее тайна откроется? Этот человек — Армор, кажется? — вроде не расположен к насилию и убийству, но разве можно предугадать, что за страшная сила заиграет в мужских венах, когда ярость вырвется на волю?

— Я принял ваше предупреждение, сэр, — вежливо ответил Сказитель.

— Знаю, на тебе имеются обереги, — продолжал Армор. — Такой путь преодолеть по лесной глуши в одиночку и пешком! Скальп, еще присут-

ствующий на твоей голове, доказывает, что ты, должно быть, заговорен от краснокожих.

Сказитель широко улыбнулся и стащил с себя шапку, демонстрируя лысую, как локоть, макушку.

— Самый лучший оберег от них — это отражение сияющей славы солнца. За *мой скальп* они награды не получат.

— По правде говоря, — согласился Армор, — краснокожие, обитающие в здешних лесах, гораздо менее воинственны, чем где-либо. На другой стороне Воббской долины построил свой город одноглазый Пророк. Там он учит их не пить огненную воду.

— Этому полезно поучиться не только краснокожим, — ответил Сказитель. А про себя подумал: «Надо же, краснокожий, величающий себя пророком!» — Думаю, прежде чем покинуть ваши края, я постараюсь встретиться с этим человеком и перекинуться с ним парой слов.

— Не волнуйся, *тебя он* видеть не захочет, — хмыкнул Армор. — Разве что ты вдруг изменишь цвет кожи. Он и словом не перемолвился с белым человеком с тех пор, как несколько лет назад его посетило первое видение.

— Так что же, он убьет меня?

— Вряд ли. Во всяком случае, своих людей он учит не убивать бледнолицых.

— Тоже полезное начинание, — усмехнулся Сказитель.

— Полезное для белых людей, но для краснокожих оно может аукнуться не лучшим образом. Белые всякие встречаются, взять, к примеру, так называемого губернатора Гаррисона [17], что обосновался в Карфаген-сити. Для него все краснокожие едины, мирные они или нет. Спит и видит, как бы перебить их племя. — Лицо Армора по-прежнему заливала краска гнева, и тем не менее он продолжал говорить, и слова его шли от чистого сердца. Превыше всех на свете Сказитель ставил тех людей, которые всегда говорят искренне — даже с незнакомцами, даже со своими врагами. — Да и не все краснокожие, — продолжал Армор, — веруют в мирные речи Пророка.

---

17 notes: Note17

Гаррисон, Уильям Ллойд (1773-1841) — американский президент, прославившийся самым кратким сроком пребывания на посту; приняв обязанности президента 4 марта 1841 года, он успел пробыть в должности ровно один месяц, скончавшись 4 апреля; воевал против индейцев и англичан, разбил войска известного вождя Текумсе при Типпекану в 1811 году; во второй книге серии об Элвине Творце этот герой будет одним из основных действующих лиц; но надо помнить, что на самом деле Гаррисон не был таким уж отрицательным человеком, каким его выводит Орсон Скотт Кард, о чем говорит сам писатель в предисловии ко второй книге

Такие, как Такумсе [18], постоянно баламутят в низовьях Гайо. За последнее время множество народу переселилось на север Воббской долины. Так что ты без труда найдешь дом, где с радостью примут нищего попрошайку — за это, кстати, можешь поблагодарить краснокожих.

— Я не нищий и не попрошайка, сэр, — поправил его Сказитель. — И как уже говорил, от работы я никогда не отлыниваю.

— Конечно, не отлыниваешь. Всякие способности да изворотливость тебе помогают.

Жена, вопреки неприкрытой враждебности мужа, излучала мягкое радушие.

— Так каков же ваш дар, сэр? — спросила она. — Судя по вашим речам, вы человек образованный. Может, вы учитель?

— Мой дар становится явным, стоит лишь назвать мое имя, — ответил он. — Меня кличут Сказителем. Мой дар — рассказывать истории.

— Выдумывать, точнее сказать. Знаешь, у нас

---

18 notes: Note18

в настоящей мировой истории этого великого индейского вождя племени шони звали Текумсе (ок. 1768-1813); в конце XVIII века Текумсе начал создавать союз западных и южных племен, поднимая восстание против американских колонистов, захвативших земли, исконно принадлежащие индейцам; заручившись поддержкой английской короны, Текумсе вступил в войну с американцами; в битве при Типпекану в 1811 году армия Текумсе была разгромлена войсками Уильяма Ллойда Гаррисона; сам вождь погиб позже, в бою на территории Канады

здесь всякие байки кличут враками. — Чем больше жена пыталась сдружиться со Сказителем, тем холоднее становился ее муж.

— Я умею запоминать. Но рассказываю только те истории, которые считаю правдивыми, сэр. И убедить меня — дело не из легких. Если вы расскажете мне что-нибудь новенькое, я поделюсь с вами своими рассказами. От этого обмена мы оба выгадаем, поскольку ни один из нас не потеряет того, с чем начинал торги.

— Не знаю я никаких историй, — буркнул Армор, хотя уже поведал Сказителю о Пророке и Такумсе.

— Печальные новости. Что ж, раз так, значит, и вправду я постучался не в те двери.

Теперь Сказитель и сам видел, что этот дом не для него. Даже если Армор смягчится наконец и впустит странника, его со всех сторон будет окружать подозрение, а Сказитель не мог жить под крышей, где спину сверлят косые взгляды.

— Славного вам дня, прощайте.

Но Армору, видно, не хотелось так легко отпускать его. Он воспринял слова Сказителя как вызов:

— Почему ж печальные? Я веду тихую, заурядную жизнь.

— Нет такого человека на свете, который назвал бы свою жизнь «заурядной», — произнес Сказитель. — И в рассказ о таком человеке я никогда не поверю.

— Ты что, называешь меня лжецом? — зарычал Армор.

— Нет, всего лишь спрашиваю, не знаете ли вы случаем место, где к моему дару отнесутся более благосклонно?

Армор стоял спиной к жене, поэтому ничего не заметил, зато Сказитель прекрасно видел, как пальцами правой руки она сотворила знак спокойствия, а левой рукой коснулась запястья мужа. Заклятие было сотворено с идеальной чистотой, видимо, она не в первый раз прибегает к нему. Армор чуть расслабился и немного отступил, пропуская жену.

— Друг мой, — сказала она, сделав небольшой шаг вперед, — если ты пойдешь по дороге, огибающей вон тот холм, и проследуешь по ней до конца, перейдешь через два ручья, через которые перекинуты мостки, то в конце концов доберешься до дома Элвина Мельника. Я уверена, он с радостью примет тебя.

— Ха, — презрительно фыркнул Армор.

— Благодарю вас, — поклонился Сказитель. —

Но почему вы так решили?

— Вы можете оставаться у него в семье, сколько пожелаете. Вас никто не выгонит, пока вы горите желанием помочь.

— Это желание живет во мне всегда, миледи, — сказал Сказитель.

— Всегда ли? — усомнился Армор. — Не может человек *всегда* гореть желанием помочь. А я думал, ты говоришь только правду.

— Я говорю то, во что верю. А правда ли это, судить не мне.

— Тогда почему ты величаешь меня «сэром», хотя я не рыцарского звания, а ее — «миледи», тогда как она по происхождению ничем не отличается от меня?

— Просто я не верю в королевские посвящения в рыцари. Король с охотой дарует титул любому, кто окажет ему ценную услугу, и не важно, рыцарь этот человек в душе или нет. А с королевскими любовницами обращаются как со знатными дамами за те успехи, что они продемонстрировали на царском ложе. Именно так используют эти слова роялисты: ложь на лжи. Но ваша жена, сэр, вела себя как настоящая леди, проявив милосердие и радушие. А вы, сэр, были истинным рыцарем, смело защитив свои

владения от опасностей, которых больше всего боитесь.

Армор громко расхохотался:

— Да твои речи настолько сладки, что после нашего разговора тебе, наверное, придется по меньшей мере час соль жевать, чтобы избавиться от привкуса сахара во рту.

— Это мой дар, — промолвил Сказитель. — Однако я могу и по-другому заговорить, уже не так сладко, когда наступит должное время. Доброго дня вам, вашей жене, детям и этому благочестивому дому.

Сказитель неторопливо побрел по лужайке. Коровы не обращали на него никакого внимания, поскольку на нем и в самом деле был оберег, но этот знак Армор никогда бы не разглядел. Решив немного прогреть мозги и поискать в голове умных мыслей, Сказитель некоторое время посидел на солнышке. Правда, это ничего не дало. После полудня умные мысли не лезут в голову. Как гласило присловие: «Думай утром, действуй днем, вечером ешь и ночью спи». Солнце высоко в небе — слишком поздно для раздумий. И несколько рановато для трапезы.

Он направился по тропинке к церкви, которая стояла на краю деревенских лугов, на вершине

приличных размеров холма. «Будь я настоящим пророком, — думал Сказитель, — все бы уже понял. Я бы знал, задержусь здесь на день, на неделю или на месяц. Увидел бы, станет Армор мне другом, как я смею надеяться, или врагом, чего я опасаюсь. Узнал бы, наступит ли день, когда его жена сможет открыто, ничего не страшась, использовать свои силы. Я б, наверное, даже знал, доведется ли мне повстречаться с этим краснокожим пророком».

Лезет ведь всякая ерунда на ум. Такое может увидеть обыкновенный светлячок, а светлячков он встречал не раз и не два. Их способности наводили на него ужас, потому что он не сомневался, что не должно человеку знать большую часть жизненного пути, который ожидает его в будущем. Нет, сам он желал стать настоящим пророком, он жаждал видеть — но не маленькие творения мужчин и женщин, расселившихся по всем уголкам этого мира, а великую панораму событий, затеянных Богом. Или сатаной — это Сказителю было без разницы, поскольку и тот, и другой обладали собственным, хорошо продуманным планом дальнейших действий, и поэтому каждый имел хотя бы приблизительное понятие о будущем. Конечно, предпочтительнее общаться

с Богом. Те творения дьявола, с которыми Сказителю пришлось столкнуться в жизни, причиняли ему одну боль — причем каждое по-своему.

В этот на диво теплый осенний день дверь церкви была настежь распахнута, и Сказитель без труда проник внутрь вместе со стайкой жужжащих мух. Изнутри здание было не менее прекрасно, чем снаружи, — церковь относилась к шотландской ветви, это было видно сразу, — только внутри оно было насыщено лучами света и свежим воздухом, царящими среди выбеленных стен и застекленных окон. Даже шпоны и кафедра были вытесаны из светлого дерева. Единственным темным местом в церкви казался алтарь. Поэтому взгляд перво-наперво падал именно на него. А поскольку Сказитель обладал даром видения, то он сразу распознал следы жидкого касания на его поверхности.

Медленными шагами он подошел к алтарю. Он направился к нему, поскольку должен был убедиться наверняка; а шел медленно потому, что такой вещи было не место в христианской церкви. Изучив коробку, он понял, что не ошибся. Точь-в-точь такой же след он видел на лице человека в Дикэйне, который, зверски убив собственных детей, свалил вину на краснокожих. Подобная

слизь покрывала лезвие меча, обезглавившего Джорджа Вашингтона [19]. Она напоминала тонкую пленку мутной воды, незаметную, если не смотреть на нее под определенным углом и при должном освещении. Но Сказитель научился безошибочно различать ее, натренировав глаз.

Вытянув руку, он осторожно коснулся указательным пальцем наиболее явной отметины. Потребовалась вся сила воли, чтобы удержаться от крика, — так жглась эта слизь. Рука, от кончиков пальцев и до плеча, дрожала и мучительно ныла.

— Добро пожаловать в обитель Господню, — раздался чей-то голос.

Сказитель, сунув обожженный палец в рот, повернулся к говорящему. Мужчина был облачен в одежды шотландской церкви — пресвитерианин, как звали этих людей в Америке.

— Вы случайно не занозились? — участливо осведомился священник.

Легче было сказать: «Ага, занозу посадил».

---

19 notes: Note19

Вашингтон, Джордж (1732-1799) — американский государственный деятель, главнокомандующий американской армией во время Войны за Независимость, первый президент США (1789-1797); в конце войны группа офицеров, организовавшая монархический заговор, предложила Вашингтону корону, но тот отказался; в настоящей мировой истории Вашингтон мирно окончил жизнь в Маунт-Верноне

Но Сказитель всегда говорил только то, во что верил.

— Отец, — промолвил Сказитель, — на этот алтарь наложил лапу дьявол.

Скорбную улыбку священника как корова языком слизнула.

— Вы умеете различать следы дьявола?

— Это дар Господа, — кивнул Сказитель. — Умение видеть.

Священник внимательно изучил странника, сомневаясь, верить ему или нет.

— Тогда вы, наверное, способны разглядеть и касание ангела?

— Да, следы добрых духов я тоже умею различать. Я не раз видел их в прошлом.

Священник помедлил, будто на языке его вертелся какой-то очень важный вопрос, который он почему-то боялся задать. Но колебания длились недолго: дернув плечами и отогнав от себя искушение, священник вновь заговорил, но теперь уже с оттенком презрения:

— Нелепица. Вы можете обмануть простых людей, но я получил образование в Англии, и меня не так-то просто сбить с толку всякими разговорами о скрытых силах.

— А-а, — протянул Сказитель, — следовательно,

вы человек образованный…

— Как и вы, впрочем, судя по вашей речи, — отозвался священник. — Ваш акцент напоминает южноанглийский.

— Академия искусств лорда-протектора, — подтвердил догадку Сказитель. — Я получил образование гравера. И поскольку вы приверженец шотландской церкви, осмелюсь предположить, что вы могли видеть мои работы в книге для ваших воскресных школ.

— Стараюсь не обращать внимания на подобные глупости, — поморщился священник. — Гравюры, на мой взгляд, не что иное, как бессмысленная трата бумаги, которую можно было бы отдать несущим правду словам. Если, конечно, эти гравюры не иллюстрируют предметы, виденные художником воочию, как, например, анатомические рисунки. А игра воображения художника никогда не производила на меня впечатления — сам я могу вообразить ничуть не хуже.

Поймав священника на слове. Сказитель решил задать вопрос, непосредственно волнующий его:

— Даже если художник одновременно пророк?

Священник мудро прикрыл глаза:

— Дни пророчеств остались в далеком прошлом. Подобно тому презренному изменнику,

одноглазому пьянице-краснокожему, что поселился на другом берегу реки, все нынешние самозваные пророки — чистой воды шарлатаны. Если б в наши времена Бог пожаловал пророческий дар хоть одному художнику, то, не сомневаюсь, мир был бы затоплен волной всяких малевщиков и бездарностей. И они бы незамедлительно потребовали общего признания в качестве пророков — тем более что тут дело пахнет немалыми деньгами.

Сказитель ответил довольно мирно, голословные обвинения священника требовали возражения:

— Человеку, который проповедует слово Господне за деньги, не следует критиковать подобных ему, которые зарабатывают на жизнь, открывая людям глаза.

— Я был посвящен в духовный сан, — ответил священник. — Художников же никто не посвящает. Они сами себя посвящают.

Другого ответа Сказитель и не ожидал. Стоило священнику почувствовать, что его идеи не имеют реального подкрепления, как он сразу прикрылся церковными властями. Как только судьями становятся высшие мира сего, всякие аргументы теряют смысл. Поэтому он решил

вернуться к более насущной проблеме.

— Этого алтаря касались когти дьявола, — повторил Сказитель. — Я обжег палец, дотронувшись до него.

— Я неоднократно до него дотрагивался, и у меня с пальцами все в порядке, — заметил священник.

— Ну естественно, — согласился Сказитель. — Ведь *вы же* приняли сан.

Сказитель даже не пытался скрыть прозвучавшее в голосе презрение. Священник аж взвился, разве что не отпрыгнул от него. Но Сказитель привык не смущаться людского гнева. Злость означает, что собеседник слушает и отчасти верит ему.

— Что ж, поведайте мне тогда, раз у вас столь острые глаза, — прошипел священник. — Поведайте мне, касалась ли этого алтаря длань посланника нашего Господа?

Очевидно, священник намеревался устроить ему испытание. Сказитель понятия не имел, какой ответ сочтет священник правильным. Да это было и не важно — в любом случае Сказитель ответил бы на этот вопрос только правдой.

— Нет.

Неверный ответ. Самодовольная улыбка рас-

ползлась по физиономии священника.

— Так, значит? Вы утверждаете, что нет?

Может быть, священник себя считает святым и думает, что его руки способны оставлять печать Божественной силы? Этот вопрос следовало немедленно прояснить.

— Большинство священников не способны оставлять следы света на предметах, которых касаются. Людей, обладающих подобной святостью, крайне мало.

Нет, очевидно, священник не себя имел в виду.

— Вы достаточно сказали, — молвил он. — Теперь я окончательно уверился, что вы обыкновенный мошенник. Убирайтесь из моей церкви.

— Я не мошенник, — возразил Сказитель. — Я могу ошибаться, но лгать — никогда.

— А я никогда не поверю человеку, который утверждает, будто никогда лжет.

— Человек склонен приписывать собственные добродетели своему окружению,

— заметил Сказитель.

От ярости лицо священника вспыхнуло ярко-багровым цветом.

— Вон отсюда, не то я вышвырну тебя!

— С радостью уйду, — согласился Сказитель, торопливо зашагав к двери. — И надеюсь, больше

мне не доведется побывать в церкви, проповедник которой ничуть не удивляется сообщению, что его алтарь осквернил сам сатана.

— Я не удивился твоим словам, потому что не поверил им.

— Неправда, вы поверили мне, — ответил Сказитель. — Но также вы верите, что алтаря касался ангел. Вот во что вы верите. Но, говорю вам, ни один ангел не может дотронуться до него, не оставив видимого мне следа. А я вижу на алтаре лишь одну отметину.

— Лжец! Да ты сам послан сюда дьяволом, дабы сотворить свои грязные некромантские дела в доме Господнем! Изыди! Вон! Заклинаю тебя сгинуть!

— А мне показалось, что столь образованные церковники, как вы, не практикуют изгнание дьявола.

— Вон! — во всю глотку заорал священник, так что на шее у него вздулись вены.

Сказитель напялил шляпу и широким шагом удалился. За спиной раздался грохот захлопнувшейся двери. Он пересек холмистый луг, заросший пожелтевшей осенней травой, и вышел на дорогу, которая вела прямиком к дому, о котором говорила та женщина. К дому, в ко-

тором, как она утверждала, с радостью примут прохожего странника.

Вот в этом Сказитель не был уверен. Еще ни разу, ни в одной деревне он не посещал больше трех домов: если с третьей попытки не находил понимания, то предпочитал отправиться дальше в путь. Сегодня уже первая попытка была крайне неудачной, а вторая встреча прошла еще хуже.

Однако тревожило и беспокоило его нечто совсем другое. Даже если хозяева последнего дома упадут лицом в пыль и станут целовать ему ноги, и то он вряд ли задержится здесь. Этот городок настолько пропитался духом христианства, что самый уважаемый горожанин не впускает в дом скрытые силы, — и одновременно с тем дьявол оставляет свой след на алтаре в церкви. Но куда хуже тот обман, что здесь творится. Волшебство живет прямо под носом у Армора, и наводит его человек, которого Армор больше всего любит и которому больше всех на свете доверяет. Тем временем церковный проповедник искренне убежден, что именно Бог, а не дьявол, освятил его алтарь. Что ждет Сказителя в том доме, на холме? Очередное сумасшествие? Очередной обман? Зло распространяется быстро и предпочитает селиться рядом с таким же злом — эту истину Сказитель

познал из собственного печального опыта.

Женщина не соврала: через ручьи действительно были переброшены мостки. Еще один недобрый знак. Мост через реку — необходимость; мост через широкий ручей — доброта к путникам. Но зачем строить аккуратные, прочные мостки через какие-то лужицы, через которые даже такой старик, как Сказитель, может перепрыгнуть, не замочив ног? Концы мостиков были надежно врыты в землю по обоим концам каждого ручейка как можно дальше от воды. Сверху мосты закрывала сплетенная из свежей соломы крыша. «Люди платят деньги за ночлег в гостиницах, которые и вполовину не так безопасны и сухи, как эти мостки», — подумал Сказитель.

Стало быть, поселенцы, живущие в конце дороги, по которой он шел, не менее странные люди, чем те, с которыми он успел за сегодня познакомиться. Пожалуй, лучше будет повернуть назад. Чувство благоразумия подсказывало ему немедленно убираться из этой деревни.

Хотя благоразумие никогда не входило в список многочисленных достоинств Сказителя. Как-то, много лет назад, старик Бен сказал: «Когда-нибудь, Билл, ты залезешь прямо в адову пасть, выясняя, действительно ли зубы дьявола на-

столько плохи, как о них говорят». Чтобы строить мосты через крошечные ручейки, должна быть весомая причина, и Сказитель нутром чувствовал, что здесь кроется какая-то тайна, которая может превратиться в историю для его книги.

Кроме того, идти-то было всего-навсего милю. И когда дорога, казалось, вот-вот должна была сгинуть в густых и непролазных зарослях леса, она вдруг резко свернула на север и вывела Сказителя к небольшой ферме. Таких прекрасных хозяйств Сказитель не встречал даже в мирных, давно заселенных землях Нью-Оранжа и Пенсильвании. Дом был большим и поражал красотой и величием; искусно вытесанные бревна были положены таким образом, чтобы продержаться века; а вокруг здания были разбросаны многочисленные амбары, сараи, курятники и маленькие загоны для скота, поэтому ферма сама выглядела целой деревней. Струйка дыма, поднимающаяся в полумиле, явственно говорила, что Сказитель не ошибся в своих предположениях. Неподалеку находился еще чей-то дом, на той же дороге, а это означало, что живут в нем родственники хозяев фермы. Скорее всего, обзаведшиеся женами сыновья. Большое семейство дружно вело хозяйство, к вящему процветанию всех и каждого. Редко

когда выросшие вместе братья любят друг друга столь крепко, чтобы с охотой возделывать поля друг дружки.

Сказитель всегда направлялся прямиком к дому: лучше сразу заявить о себе, чем бесконечно бродить вокруг, пока тебя не примут за вора. Однако на этот раз, стоило ему шагнуть к дому, все мысли вдруг куда-то испарились. Почувствовав себя мгновенно поглупевшим, Сказитель попытался вспомнить, что же он собирался только что сделать, — и не смог. Оберег оказался настолько силен, что, прежде чем прийти в себя. Сказитель успел преодолеть полпути к подножию холма, где на берегу ручейка стояло каменное здание. До смерти перепугавшись, он встал как вкопанный — вдоволь пространствовав по свету, он привык считать, что нет такой силы на земле, которая может вертеть им как вздумается. Этот дом был не менее странен, чем первых два. Почему-то ему расхотелось участвовать в этой игре.

Он развернулся спиной и зашагал по дороге обратно к деревне. Но вновь случилось то же самое. Придя в себя, он понял, что снова спускается вниз по холму к домику с каменными стенами.

Опять он остановился, пробормотав при этом:

— Кто бы ты ни был и какие бы цели ни пре-

следовал, я пойду по собственной воле или не пойду вообще.

В спину подул будто бы легкий ветерок, настойчиво подталкивающий к домику у ручья. Однако теперь Сказитель знал, что спокойно может повернуть обратно и пойти наперекор воле «ветерка». Трудно будет, но он справится. Страхи, терзающие его, отступили. Какие бы чары на него ни наложили, это было сделано вовсе не для того, чтобы поработить его и лишить воли. Стало быть, здесь действует какое-то доброе заклятие, а не тайная ворожба какого-нибудь любителя помучить прохожих странников.

Тропинка слегка уводила влево, следуя вдоль ручья, и теперь Сказитель разглядел, что перед ним не просто домик, а самая настоящая мельница, ибо к ней был пристроен мельничный лоток, а там, где должна была бежать вода, стоял каркас огромного деревянного колеса с лопастями. Однако вода почему-то не играла и не бурлила в лотке. Подойдя поближе и отворив большую амбарную дверь, он понял, в чем здесь причина. Вопреки ожиданиям, приближающаяся зима была совсем ни при чем. Дом вообще никогда не использовался в качестве мельницы. Механизмы все на месте; не хватало только огромного каменного жернова.

Хотя место для него было подготовлено и усеяно хорошо утрамбованной речной галькой.

Да, долгохонько пришлось дожидаться этой мельнице работы. Домику исполнилось по меньшей мере лет пять, судя по лозам и мху, облепившим крышу и стены. Потребовалось немало усилий, чтобы выстроить его, однако на протяжении вот уже долгого времени мельница использовалась исключительно для хранения соломы.

Заглянув внутрь, Сказитель увидел раскачивающуюся из стороны в сторону телегу, наверху которой, на невысоком стожке сена, боролись двое мальчишек. Битва велась шутливо, не взаправду; мальчишки явно приходились братьями друг другу — одному было лет двенадцать, а другому, вероятно, девять. Младший брат умудрялся до сих пор удерживаться наверху только потому, что старший в самые ответственные моменты схватки никак не мог подавить рвущийся наружу смех. Разумеется, Сказителя они не замечали.

Не замечали они и другого мужчину, что стоял на краю сеновала, сжимая в руках вилы и рассматривая сражающихся мальчишек. Сказителю сначала показалось, что человек смотрит на них с гордостью, как отец. Но, приблизившись,

он увидел, с какой яростью рука сжимает рукоять вил. Словно это метательное копье, готовое отправиться в смертельный полет. За какое-то мгновение в голове Сказителя прокрутился дальнейший стремительный ход событий: вилы будут брошены, вонзятся в тело одного из мальчиков и наверняка убьют его. Не сразу, но достаточно быстро — либо начнется гангрена, либо мальчуган сам истечет кровью. На глазах у Сказителя должно было свершиться убийство.

— Нет! — выкрикнул он.

Он вбежал в дверь, забрался на повозку и, подняв голову, смело взглянул на человека, стоящего на сеновале.

Мужчина всадил вилы в кучу сена поблизости и перекинул охапку через борт телеги, с головой засыпав двух братьев.

— Эй вы, бандиты, я привез вас сюда работать, а не для того, чтобы вы завязывали друг друга морскими узлами!

Человек улыбался, подшучивая над мальчиками. Дружелюбно он подмигнул Сказителю. Как будто за секунду до этого в его глазах не отражалась смерть.

— Приветствую тебя, юноша, — сказал мужчина.

— Ну, не так уж я юн, — возразил Сказитель. И стащил с головы шляпу, демонстрируя блестящую лысину, которая сразу выдавала его истинный возраст.

Мальчишки кубарем скатились со стога сена.

— А чего вы кричали, мистер? — полюбопытствовал младший.

— Я испугался, что с кем-нибудь из вас может случиться несчастный случай, — ответил Сказитель.

— Да не, — махнул рукой старший, — мы все время так возимся. Давайте познакомимся. Меня зовут Элвин, как и моего папу.

Улыбка его была заразительной. Даже Сказитель, порядком перепуганный, встретивший за сегодняшний день немало зла, не сумел сдержаться. Улыбнувшись в ответ, он пожал протянутую руку. Силой рукопожатия Элвин-младший мог потягаться со взрослым мужчиной, отметил Сказитель.

— Ой, вы там поосторожнее, — предупредил младший. — Сейчас он начнет выкручиваться, а потом ухватит поудобнее и будет мять ваши пальцы, как пьяные ягоды. — Младший брат тоже пожал руку. — Мне семь лет, а Элу-младшему — ему десять.

А они гораздо моложе, чем выглядят. От обоих братьев пахло едко-сладким потом, который пропитывает рубаху, когда мальчишки вдоволь набегаются и навозятся. Однако Сказитель не обращал на братьев ни малейшего внимания. Его сейчас занимало поведение отца. Может, какая-нибудь причуда воспаленного воображения заставила его поверить, будто бы отец хочет убить своих сыновей? Неужели найдется человек, способный поднять руку на таких забавных и смешных мальчишек?

Мужчина бросил вилы на сеновале, спустился вниз по лестнице и широким шагом направился к Сказителю, протягивая тому сразу обе руки, словно намереваясь заключить его в объятия.

— Добро пожаловать, чужеземец, — произнес он. — Меня зовут Элвин Миллер, а эти двое — мои младшие сыновья, Элвин-младший и Кэлвин.

— Кэлли, — поправил младший брат.

— Ему не нравится, что наши имена рифмуются, — объяснил Элвин-младший.

— Элвин и Кэлвин. Видите ли, его назвали похожим на мое именем, думая, что он вырастет таким же сильным и замечательным человеком, как я. К сожалению, надежды не всегда оправдываются.

Кэлвин в шутливом гневе толкнул его:

— Ничего подобного, он был всего лишь первой, неудачной попыткой. А вот я — я удался на славу!

— Обычно мы зовем их Эл и Кэлли, — сказал отец.

— Обычно вы зовете нас «Эй-заткнись» и «А-ну-быстро-сюда», — уточнил Кэлли.

Эл-младший схватил младшего брата за плечи и быстрым движением швырнул на пол домика. Отец же надежно приложил старшего сапогом по заднему место

— Элвин с воем выкатился из дверей на улицу. Все было не более чем шуткой. Никто не обиделся, никто не ударился. «И как я мог подумать, что в этом доме может случиться, убийство?»

— Вы принесли какое-нибудь послание? Письмо? — спросил Элвин Миллер. Теперь, когда мальчишки возились на лугу, носясь друг за другом с воинственными воплями, взрослые мужчины наконец-то могли толком поговорить.

— Увы, — пожал плечами Сказитель. — Я всего лишь путник. Одна молодая леди в городе сказала, что здесь найдется для меня место переночевать. Взамен я могу исполнить любую, даже самую тяжелую работу, которую вы сможете

подыскать.

Элвин Миллер широко ухмыльнулся:

— Ну-ка, посмотрим, на что ты способен.

Он шагнул к Сказителю, но не для того, чтобы пожать ему руку. Схватив его за предплечье, Элвин-старший поставил правую ногу напротив правой ноги Сказителя.

— Положить меня на лопатки сможешь? — спросил Миллер.

— Прежде всего я хотел бы узнать, — ответил Сказитель, — каким исходом я заработаю себе на ужин: если положу вас или если буду побежден?

Элвин Миллер запрокинул голову и издал долгий улюлюкающий клич на манер краснокожих.

— Как тебя зовут, незнакомец?

— Сказитель.

— Так вот, мистер Сказитель, надеюсь, тебе придется по вкусу местная грязь, потому что ее-то ты точно наешься вдоволь!

Сказитель почувствовал, как рука мельника, лежащая у него на плече, сжалась. Сам он к слабакам не относился, но с этим человеком равняться силой было бесполезно. Хотя подчас сила в борьбе не самое главное. Здесь требуются мозги, а Сказитель не мог пожаловаться на их отсутствие. Он стал медленно прогибаться под давлением Эл-

вина Миллера, заставляя мужчину нагнуться над ним. И вдруг, совершенно внезапно, он ухватил мельника за рубаху и рванул со всей мочи в том же направлении, в котором толкали его. Обычно здоровяк-противник мигом слетал с ног, влекомый собственным весом, — но Элвин Миллер был готов к этой неожиданности. Он вывернулся и дернул в другом направлении, зашвырнув Сказителя так далеко, что странник приземлился прямо посреди камней, которые должны были служить основанием для мельничного жернова.

Злобы в этом рывке не было — одна только любовь к состязанию. Сказитель едва успел шлепнуться на землю, как Миллер уже помогал ему подняться, участливо выспрашивая, не повредил ли странник чего-нибудь.

— Хорошо, что жернова здесь не было, — охнул Сказитель. — Иначе отскребать бы вам мои мозги со стен.

— И что с того? Ты в Воббской долине, мужик! Чего горевать о каких-то там мозгах? Здесь они тебе не понадобятся.

— Вы победили меня, — промолвил Сказитель. — Значит ли это, что кровать и ужин я теперь не заслужу?

— Кровать и ужин? Конечно, нет, сэр. Тоже

мне, работничек выискался. — Но довольная улыбка на лице выдавала притворную грубость слов. — Нет, нет, разумеется, если хочешь, можешь работать. Мужчина должен постоянно ощущать, что не просто так живет на этом свете. Но, честно говоря, я бы принял тебя даже с переломами всех конечностей, даже если б ты полено поднять не мог. Кровать тебе готова, комната находится рядом с кухней, и могу поспорить на что угодно, мальчишки уже доложили Вере, чтобы она ставила лишнюю миску к ужину.

— Вы очень добры.

— Ничуть, — пожал плечами Элвин Миллер. — Ты уверен, что ничего не сломал? Приложился ты дай Боже как.

— В таком случае лучше проверить, не раздробил ли я какой-нибудь из ваших драгоценных булыжников, сэр.

Элвин снова расхохотался и, от души хлопнув Сказителя по спине, повел его к дому.

Домик оказался тот еще. По количеству воплей, визгов, воя и шума он мог смело состязаться с преисподней. Миллер вкратце познакомил Сказителя со всеми детьми. Четыре девушки приходились ему дочерьми; сейчас они исполняли по меньшей мере дюжину дел, переходили из

комнаты в комнату и одновременно во весь голос споря друг с другом и затевая ссору за ссорой. Визжащий младенец оказался внуком Миллера, внуками ему приходились и пятеро малолетних бандитов, играющих в круглоголовых [20] и роялистов на обеденном столе и под оным. Мать, которую звали Верой, казалось, не слышала царящего в доме шума-гама. Трудясь у плиты, она лишь время от времени отвлекалась, чтобы наградить оплеухой подвернувшегося под руку сорванца, и сразу возвращалась к работе — продолжая исторгать неиссякаемый поток приказов, упреков, насмешек, угроз и жалоб.

— Как у вас мозги не завернулись от такого шума? — спросил ее Сказитель.

— Мозги? — резко переспросила она. — Вы думаете, нормальный человек, у которого сохранилась капля разума, выдержал бы хоть минуту в этом доме?

Миллер провел Сказителя в его комнату. То есть в ту комнату, которая, по словам мельника, «станет твоей на тот срок, пока тебе не надоест

---

20 notes: Note20

круглоголовые — презрительная кличка, которой в период английской буржуазной революции приверженцы короля называли сторонников парламента; кличка происходит от прически, вошедшей в моду среди буржуазии, — стричь волосы в скобку

наш дом». В ней стояла огромная кровать с пуховой подушкой и чистыми простынями. Одну из стен заменяла задняя половина печки, так что в комнате всегда было тепло. Ни разу за долгое время странствий Сказителю не приходилось спать в подобной роскоши.

— Послушай, а ты точно не обманул меня, когда сказал, что тебя зовут Элвин, а не Прокруст? [21] — уточнил Сказитель.

Миллер не понял сравнения, но это не имело значения, поскольку он видел перед собой лицо Сказителя. Наверное, с подобным удивлением он сталкивался не впервые.

— Мы не имеем привычки помещать гостей в сарае, заруби себе на носу. Мы всегда укладываем их на лучшую кровать в доме. И все, на этом разговор закончен.

— Тогда я просто обязан завтра отработать свой ночлег.

— Работа найдется, если ты дружишь с руками. Тем более если не стыдишься заниматься жен-

---

21 notes: Note21

намек на одного из мифологических древнегреческих злодеев: Прокруст заманивал путешественников, потчевал, а потом укладывал на роскошную постель; если ложе оказывалось мало страннику, Прокруст укорачивал гостя ровно настолько, насколько оно было ему мало; если же кровать оказывалась велика, то злодей вытягивал путника до положенной длины; негодяй зверствовал, пока ему не повстречался Тесей

скими делами: моей жене помощник пришелся бы в самый раз. Ладно, утро вечера мудренее.

С этими словами Миллер покинул комнату, притворив за собой дверь.

Закрытая дверь лишь слегка заглушила царящий в доме шум, но против такой музыки Сказитель не возражал. День едва начал клониться к вечеру, но Сказитель ничего не мог с собой поделать. Странник скинул на пол котомку, стащил башмаки и с блаженным вздохом повалился на матрас. Тот хрустел, словно набитый соломой, но, видимо, поверх него был положен еще один, пуховый, поэтому кровать нежно приняла измученное тело в свои объятия. В воздухе витал запах свежей соломы, высушенные травы, висящие у печной трубы, испускали приятный аромат тмина и розмарина. «Спал ли я когда-нибудь на такой мягкой и удобной постели в Филадельфии? Даже в Англии мне не довелось испытать подобного блаженства. Нет, ничего похожего я не знавал с тех пор, как покинул чрево матери», — подумал он.

В этом доме не считалось зазорным прибегать к помощи скрытых сил: магический знак был в открытую начерчен прямо над дверью. И Сказитель узнал рисунок. Вопреки ожиданиям, знак не

являлся символом умиротворения, призванным изгонять любое насилие из души ночующего в комнате человека. Это и не оберег вовсе. Он не предназначался для того, чтобы защитить дом от гостя — или гостя от дома. Он даровал одно успокоение, чистое и простое. И был изумителен, совершенен по рисунку и размерам. Точный магический знак нарисовать непросто. Сказитель не помнил, чтобы где-либо ему встречалось такое совершенство.

Поэтому он ни капли не удивился, когда, лежа в постели, почувствовал, как напряженные, узловатые мускулы стали расслабляться и выпрямляться, будто постель и комната изгоняли из тела усталость, навеянную двадцатью пятью годами беспрерывных скитаний. Сказитель даже понадеялся про себя, что, если наступит время прощания с жизнью, его могила будет похожа на эту кровать.

Ко времени, когда Элвин-младший растолкал его, дом пропах запахами шалфея, перца и хорошо прожаренного мяса.

— У тебя есть время облегчиться и помыться, а потом пора садиться за стол, — сообщил мальчуган.

— Я, должно быть, заснул, — промямлил Ска-

зитель.

— Для этого я и рисовал тот знак, — ткнул пальцем мальчик. — Здорово работает, а?

С этими словами он выскочил из комнаты.

И тут же до ушей Сказителя донесся разъяренный вой одной из девушек, сулящей страшнейшие кары мальчику. Ссора велась на повышенных тонах, пока Сказитель следовал во двор, и не утихла, даже когда он вернулся, — правда, Сказителю показалось, что на этот раз Элвину угрожает другая сестра.

— Клянусь, Элвин-младший, сегодня ночью я пришью у тебя под носом задницу скунса!

Ответ Элвина заглушили визги возящихся на полу малышей, зато Сказитель прекрасно расслышал очередной залп ругани в адрес мальчишки. С такими ссорами ему не раз приходилось сталкиваться. Иногда в них проявлялась любовь, иногда — ненависть. Услышав в голосах ненависть, Сказитель старался как можно быстрее покинуть дом. Под этой крышей можно было оставаться, ничего не опасаясь.

Руки и лицо были вымыты, он обрел достаточную чистоту, чтобы тетушка Вера дозволила ему отнести на стол ломти хлеба: «Если, конечно, ты не станешь прижимать их к своей рубашке,

которая наверняка видала лучшие деньки». После чего Сказитель встал в очередь, держа в руке выданную чашку. Семья дружным строем промаршировала на кухню и вернулась с мисками, полными ароматной свинины.

Помолиться перед обедом призвала, как ни странно, Вера, а не сам Миллер, и от взгляда Сказителя не ускользнуло, что Миллер не позаботился даже прикрыть глаза, тогда как все дети склонили головы и сложили на груди руки. Словно молитва являлась традицией, которую хозяин дома дозволял, но не поощрял. Можно было не расспрашивать, и так ясно, что Элвин Миллер и тот священник из высокой белой церкви на дух друг друга не переносят. Сказитель про себя решил, что Миллеру наверняка придется по нраву одно присловие из его книги, гласящее: «Как гусеница для яичек ищет лист получше, так и священник для проклятий ищет лучших из услад».

К величайшему удивлению Сказителя, ужин прошел чинно и благородно. Каждый член семьи по очереди отрапортовал, что он сделал за день, а остальные внимательно выслушали, иногда хваля или советуя. В конце концов, когда миска опустела и Сказитель добрал куском хлеба последние капли похлебки, Миллер повернулся к

нему, как обращался до этого к каждому члену своей семьи:

— Ну а твой день, Сказитель… Хорошо ли он прошел?

— Встав с рассветом, я преодолел несколько миль, после чего взобрался на дерево, — начал рассказ Сказитель. — С него я увидел шпиль церкви, который и привел меня в ваш город. Сначала праведный христианин испугался моих скрытых сил, хотя я ничего такого не сделал, после чего их испугался священник, хоть и сказал, что не верит в мой дар. Но я должен был отыскать себе кров и ужин, а также возможность отработать постой, и одна женщина посоветовала мне обратиться к людям, которые живут в конце некой проезжей дороги.

— Это, вероятно, была наша дочь Элеанора, — догадалась Вера.

— Действительно, — кивнул Сказитель. — Теперь я и сам вижу, что ей по наследству от матери достались глаза, которые, чтобы ни произошло, всегда будут глядеть на мир с величавым спокойствием.

— Ты ошибаешься, мой друг, — вздохнула Вера. — Просто эти глаза видывали разные времена, и теперь очень нелегко вселить в меня тревогу.

— Надеюсь, прежде чем уйти, я выслушаю историю о тех временах, — произнес Сказитель.

Вера отвернулась, положив еще один кусочек сыра на хлеб одному из внуков.

Однако Сказитель продолжал перечислять приключения сегодняшнего дня, не желая показывать, что она могла обидеть его своим молчанием.

— Дорога, по которой я шел, оказалась особой, — сказал он. — Над ручьями, которые маленький ребенок без труда перейдет вброд, а взрослый человек перепрыгнет, были возведены самые настоящие крытые мосты. Я также надеюсь услышать историю этих мостов.

И снова никто не посмел встретиться с ним взглядом.

— А когда я вышел из леса, то обнаружил на берегу ручья мельницу без жернова, а после — двух мальчиков, борющихся на сене, мельника, который бросил меня так, что чуть дух не вышиб, и большое семейство, которое приняло меня и поселило в лучшей комнате в доме, несмотря на то что я был абсолютно незнакомым им человеком, не известно, злым или добрым.

— Конечно, ты добрый, — воскликнул Эл-младший.

— Вы не хотите, чтобы я задавал вопросы? За время странствий я встречал множество радушных людей и останавливался во многих счастливо живущих домах, но никогда не видел столь счастливой семьи, как ваша. И никто мне не радовался так, как вы.

Хоть ужин и закончился, никто не спешил выходить из-за стола. Все замерли. Наконец Вера подняла голову и улыбнулась Сказителю.

— Я рада, что мы показались тебе счастливой семьей, — сказала она. — Но мы помним и другие времена. Может быть, от этого наша радость становится только слаще — от памяти о временах горя и скорби.

— Но почему вы приняли меня, обыкновенного бродягу?

На этот раз ответил Элвин Миллер:

— Потому что сами когда-то были бродягами, и добрые люди приняли нас.

— Некоторое время я жил в Филадельфии, поэтому должен спросить вас, вы, случаем, не принадлежите к «Обществу Друзей»? [22] Вера покачала головой:

— Я пресвитерианка. Как и многие из моих

---

22 notes: Note22
"Общество Друзей» — квакеры

детей.

Сказитель перевел взгляд на Миллера.

— А я никто, — ответил тот на незаданный вопрос.

— Быть христианином не означает быть никем, — возразил Сказитель.

— Я и не христианин.

— А, — понял Сказитель. — Стало быть, вы деист [23], как и Том Джефферсон.

Дети, услышав упоминание имени великого человека, сразу зашептались.

— Сказитель, я отец, любящий своих детей, я муж, любящий жену, фермер, платящий долги, и мельник без жернова.

Элвин-старший встал из-за стола и вышел на улицу. Дверь хлопнула.

Сказитель повернулся к Вере.

— О миледи, боюсь, вы сейчас жалеете, что приняли меня у себя в доме.

— Ты задаешь очень много вопросов, — сказала она.

---

23 notes: Note23

деизм (от лат. «deus» — «Бог») — религиозно-философское учение, по которому Бог есть безличная первопричина мира, находящаяся вне его и не вмешивающаяся в развитие природы и общества; развитие деизм получил в XVII-XVIII веках и служил формой выражения идей независимости природы от Божьей воли, неограниченной возможности познания мира

— Я представился, и мое имя отражает то, чему я посвятил жизнь. Когда я чувствую историю, историю, которая важна, которая правдива, я начинаю рыть землю. И когда я наконец услышу ее и поверю, то запомню навсегда и буду рассказывать ее всюду, где бы ни оказался.

— Так вы зарабатываете себе на жизнь? — спросила одна из девушек.

— На жизнь я зарабатываю тем, что чиню телеги, копаю канавы, тку холст — в общем, делаю то, о чем меня попросят. Но настоящая моя жизнь — в историях, я ищу их повсюду, запоминаю и разношу по белу свету. Может быть, вы думаете сейчас, что от вас я никаких историй не дождусь, ну и прекрасно, давайте так и договоримся, потому что я выслушиваю только то, что рассказывается по доброй воле. Я не вор. Однако сегодня я уже добыл одну историю — о том, что произошло со мной. О самых добрых и радушных людях и о самой мягкой кровати меж Миззипи и Альфом [24].

— А где находится Альф? Это что, река? — спросил Кэлли.

— Хотите, чтобы я рассказал вам какую-нибудь историю? — в ответ спросил Сказитель.

---

24 notes: Note24

Альф — вымышленная река, упомянутая в поэме Сэмюеля Тэйлора Кольриджа «Кубла-хан, или Видения во сне"

— Да, — дружно загудели дети.

— Только не об Альфе, — сказал Эл-младший. — Такой реки не существует.

Сказитель посмотрел на него с искренним изумлением.

— Откуда ты знаешь? Ты читал сборник поэзии Кольриджа, составленный лордом Байроном?

Эл-младший непонимающе повел головой.

— Книг у нас немного, — сказала Вера. — Проповедник учит их Библии, поэтому они умеют читать.

— Тогда откуда ты знаешь, что реки Альфы нет?

Эл-младший наморщил лицо, как бы говоря: «Не спрашивайте меня о том, чего я сам не знаю».

— Я хочу, чтобы вы рассказали нам о Джефферсоне. Вы произнесли его имя так, будто встречались с ним.

— А я действительно с ним знаком. Я встречался и с Томом Пейном [25], и с Патриком Генри [26]

---

25 notes: Note25

Пейн, Томас (1737-1809) — общественный и политический деятель США, вместе с Томом Джефферсоном выступал за независимость Америки

26 notes: Note26

Генри, Патрик (1736-1799) — американский патриот, вместе с Томом Джефферсоном был одним из руководителей освободительного движения Америки; являлся главнокомандующим войск восставших

— незадолго до того, как его повесили, видел меч, которым отрубили голову Джорджу Вашингтону. Я даже видел короля Роберта Второго — как раз перед тем, как французы превратили его корабль в ничто, отправив властителя на дно моря.

— Где ему самое место, — пробормотала Вера.

— Если не глубже, — прибавила одна из девушек.

— Мне же остается добавить «аминь». В Аппалачах поговаривают, будто на его руках было столько крови, что даже кости выкрасились в коричневый цвет, так что теперь самая презренная рыба не смеет дотронуться до этого утопленника.

Дети рассмеялись.

— И кроме истории Тома Джефферсона, — сказал Эл-младший, — мне хотелось бы услышать рассказ о самом великом волшебнике Америки. Могу поспорить, вы знали Бена Франклина.

Уже в который раз этот мальчик поражал Сказителя. Откуда он может знать, что из всех рассказов истории о жизни Бена Франклина — его самые любимые?

— Знавал ли я его? О, самую малость, — ответил Сказитель. После такого ответа дети должны были помереть от любопытства, и он не подведет

их ожиданий. — Я прожил вместе с этим человеком всего шесть лет и, кроме того, ежедневно разлучался с ним часов на восемь, чтобы поспать. Поэтому вряд ли я могу утверждать, что знал Бена Франклина *очень* близко.

Элвин-младший склонился над столом, сверля пылающим взглядом Сказителя:

— А он действительно был творцом?

— Каждой истории свое время, — ушел от ответа Сказитель. — Пока твои папа и мама не возражают против моего присутствия в этом доме и пока я сам не сочту, что отягощаю вас, я буду жить рядом с вами, день и ночь рассказывая всякие истории.

— Давайте начнем с Бена Франклина, — просящим голосом произнес Элвин-младший. — Он что, правда сумел поймать небесную молнию? [27]

27 notes: Note27

Бенджамин Франклин был не только выдающимся политиком, но и знаменитым ученым; как естествоиспытатель, он известен своими работами по электричеству; одним из первых Франклин исследовал атмосферное электричество, после чего изобрел громоотвод

10. Видения

Элвин-младший проснулся весь мокрый от пота. Кошмар был настолько правдоподобным, что мальчик судорожно дышал, будто отчаянно пытался убежать. Но бежать было некуда, и он это знал. Он лежал на кровати с плотно зажмуренными глазами и боялся открывать их, потому что не сомневался: стоит ему вглядеться в ночную тьму, как он увидит, что на самом деле кошмар никуда не девался, а наступает на него. Давным-давно, будучи совсем маленьким, он просыпался, заливаясь слезами, когда ему снился этот сон. Он несколько раз пытался рассказать о кошмарном сновидении папе и маме, но они всегда отвечали одно и то же: «Сынок, чего ты боишься, это же всего-навсего сон, на самом деле ничего такого нет. Неужели ты боишься какого-то глупого сна?» Поэтому он приучил себя сдерживаться и больше не плакал, когда ночью сон возвращался.

Он открыл глаза, и кошмар удрал в темный угол комнаты, где его было не рассмотреть. «Ну и здорово. Сиди там и оставь меня в покое», — молча приказал ему Элвин.

И вдруг он понял, что комнату заливают яркие солнечные лучи. На стуле рядом с кроватью лежали черные штаны, курточка и чистая рубашка, загодя приготовленные мамой. Воскресная выходная одежда. Уж лучше остаться в кошмарном сне, чем проснуться и увидеть рядом *это.*

Элвин-младший ненавидел воскресное утро. Он ненавидел одеваться во все чистое и праздничное, потому что в этой одежде он не мог ни на землю упасть, ни встать на колени в траве, нагнуться — и то толком не мог, потому что рубашка сразу вылезала, и мама принималась отчитывать его, советуя проявить к Господнему дню побольше почтения. Он ненавидел ходить целое утро на цыпочках, потому что когда-то давным-давно утром воскрес Иисус, а играть и шуметь в воскресенье запрещено. Но больше всего он ненавидел сидеть на жесткой церковной скамье, когда прямо на него таращится преподобный Троуэр и вещает об огнях ада, которые ждут всякого грешника, посмевшего отречься от истинной веры и уверовавшего в жалкие силы человеческие. Каждое воскресенье повторялось одно и то же.

Не то чтобы Элвин с презрением относился к религии. Он презирал преподобного Троуэра.

Урожай собран, и теперь целыми днями Элвину приходилось торчать в школе. Элвин-младший хорошо читал и справлялся почти со всеми задачками по арифметике, но зануде Троуэру все было мало. Всюду ему надо было приплести свою религию. Другие дети — шведы и прочие европейцы с верховий реки, шотландцы и англичане с низовий — получали легкую взбучку, когда ошибались или выдавали по три неправильных ответа в одной домашней работе. Но Элвина-младшего Троуэр драл как Сидорову козу по любому поводу. И всякий раз дело упиралось не в чтение и не в арифметику, а в религию.

Что Элвин может поделать, если Библия постоянно смешит его в самый неподходящий момент? Однажды Элвин даже удрал из школы и спрятался в доме у Дэвида — его обнаружили только к вечеру. Нашедший его Мера потрепал мальчика по голове и сказал лишь:

— Если б ты не хохотал так громко, когда он читает Библию, он бы тебя и пальцем не тронул.

Но ведь *смешно же*! Взять, к примеру, тот случай, когда Ионафан, опытный воин, делал вид, что с трех стрел не может попасть в цель, гоняя

собирать их отрока [28]. Когда фараон упорно не отпускал колена израильские из страны [29]. Да и неужели Самсон был настолько туп, что с готовностью раскрыл тайну своей силы Далиле, когда она успела предать его аж трижды? [30]

— Но я не могу удержаться от смеха!

— А ты каждый раз вспоминай о багровых рубцах на заднице, — посоветовал Мера. — Смех как рукой снимет.

— Не получается. Я вспоминаю о них, когда уже рассмеюсь.

— Что ж, это проблема. Значит, лет до пятнадцати на стул тебе не садиться, — посочувствовал Мера. — Потому что бросить школу тебе не разрешит мама, да и Троуэр тебя так просто не отпустит, а у Дэвида ты вечно прятаться не мо-

---

28 notes: Note28

речь идет о спасении Ионафаном Давида (герой, победивший Голиафа) от кровожадного царя Саула; пуская стрелы, Ионафан приказывал слуге приносить их, уводя того подальше от города; дойдя до места, где прятался Давид, Ионафан приказал отроку отнести лук и стрелы домой, а сам встретился с Давидом и сказал, что царь Саул замыслил убить его; таким образом Давид был вовремя предупрежден и успел спастись (Библия, Первая Книга Царств, глава 20)

29 notes: Note29

имеются в виду те колена израильские, которые вывел из Египта Моисей (Библия, Исход)

30 notes: Note30

трижды Далила пыталась выведать у Самсона тайну его великой силы, чтобы филистимляне убили его, но каждый раз герой отшучивался; на

четвертый раз Далила слезами и мольбами вытащила из Самсона правду — его можно было лишить силы, если остричь волосы, поскольку бритва никогда не касалась его головы; Далила не замедлила сообщить секрет филистимлянам, и те пленили Самсона; правда, волосы библейского героя вовремя отросли, и он, умертвив множество врагов, вырвался из плена (Библия, Книга Судей Израилевых, глава 16)

жешь.

— Почему?

— Потому что прятаться от врага — все равно что заранее признавать свое поражение.

Если даже Мера не мог защитить его, Элвину ничего не оставалось делать, как вернуться домой, где он получил хорошую взбучку не только от мамы, но и от папы за то, что перепугал всех до смерти своим побегом. Однако Мера помог ему. Элвин немного утешился, узнав, что не один он мнит Троуэра своим врагом. Всех остальных переполнял восторг: ах, какой замечательный этот Троуэр, какой благовоспитанный, образованный и набожный, как он *добр,* что взялся обучать детей. От таких речей Элвину блевать хотелось.

Все же Элвин научился держать себя в руках во время посещений школы — соответственно, уменьшились и наказания. Но самым страшным испытанием был воскресный день, потому что приходилось сидеть на жесткой скамье прямо перед Троуэром и делать вид, что внимательно его слушаешь, хотя иногда Элвину хотелось смеяться до упаду, а иногда встать и закричать: «Вы только послушайте! Взрослый человек, а мелет глупости!» Элвину почему-то казалось, что папа не очень сильно отругает его за такой поступок,

поскольку папа никогда не испытывал восторга от Троуэра. Но мама — она не простит ему подобного святотатства в доме Господнем.

Воскресное утро, решил Элвин, специально придумано, чтобы показать всем грешникам, каков будет их первый день в аду.

Наверное, сегодня о рассказах и речи быть не может: мама слова Сказителю не даст вымолвить, если только тот не заговорит о Библии. А поскольку Сказитель вроде бы не знал библейских историй, Элвин-младший окончательно уверился, что сегодняшний день для жизни потерян.

Снизу раздался громкий голос мамы:

— Элвин-младший, я устала от того, что каждое воскресенье ты одеваешься три часа кряду. Отправлю в церковь голышом — тогда попляшешь!

— Вовсе я не голый! — крикнул в ответ Элвин. То, что на нем была надета ночная рубашка, ничуть не умаляло его вины, а наоборот, усугубляло. Он стянул фланелевую рубашку, повесил ее на колышек и принялся как можно быстрее облачаться в воскресный костюм.

Смешно. В любой другой день стоило ему руку протянуть, как рубашка или штаны, носки или башмаки, что бы он ни пожелал, мигом оказывались у него в пальцах. Всегда находились под

рукой. Но в воскресное утро одежда словно убегала и пряталась от него. Он шел за рубашкой — возвращался со штанами. Тянулся за носком — доставал башмак. И так раз за разом. Похоже, Элвин и воскресный костюм испытывали друг к другу взаимную неприязнь: одежда не хотела надеваться на него, а он вовсе не жаждал облачаться в эту гадость.

Поэтому, когда стукнула о стену распахнувшаяся дверь, отворенная разъяренной мамой, Элвин был ничуть не виноват в том, что даже штаны еще не успел надеть.

— Ты пропустил завтрак! И до сих пор шляешься полуголым! Если ты считаешь, что все будут ждать тебя одного и в конце концов опоздают в церковь, то ты…

— Жестоко заблуждаешься, — закончил за нее Элвин.

Не его вина, что каждое воскресенье она говорила одно и то же. Но она разозлилась на него так, будто он должен был изумиться и испугаться фразы, которую она повторяла, наверное, в сотый раз. Все, головомойка ему обеспечена, может быть, она папу позовет, а это еще хуже. Но на помощь к нему пришел Сказитель.

— Достопочтенная Вера, — сказал он. — Я с ра-

достью приведу его в церковь. Вы можете никуда не торопиться.

В ту секунду, когда Сказитель заговорил, мама быстренько повернулась к нему, попытавшись скрыть кипящую ярость. Элвин сразу наслал на нее заклятие спокойствия — правой рукой, которую она не видела. Если б она заметила, что он насылает на нее чары, то переломала бы ему руки-ноги. Этой маминой угрозе Элвин-младший искренне верил. Конечно, заклятие лучше сработало бы, если б он коснулся ее, но… Впрочем, она так старалась прикинуться спокойной, что все и без того прошло гладко.

— Мне не хотелось бы доставлять тебе беспокойство, — сказала мама.

— Никакого беспокойства, тетушка Вера, — запротестовал Сказитель. — Эта услуга ничтожно мала по сравнению с добротой, которую вы проявляете ко мне.

— Ничтожно мала! — Голос мамы понизился до нормального уровня. — Напротив, мой муж говорит, что ты работаешь за двоих. А когда ты рассказываешь свои истории детишкам, в доме воцаряется такой мир и покой, каких не было тут со времен… со времен… да, в общем, никогда. — Она повернулась к Элвину и вновь напустилась

на него, впрочем, гнев ее был скорее притворным. — Будешь слушаться Сказителя? Обещаешь поспешить в церковь?

— Да, мама, — ответил Элвин. — Постараюсь управиться как можно быстрее.

— Значит, договорились. Благодарю тебя от всего сердца, Сказитель. Если тебе удастся заставить этого мальчишку слушаться, ты достигнешь большего, чем кто-либо. Научившись спорить, он стал сущим наказанием.

— Мелкое отродье, — обозвалась стоящая в коридоре Мэри.

— А ты заткни рот, Мэри, — немедленно приказала мама, — иначе я натяну твою нижнюю губу тебе на нос и так оставлю.

Элвин с облегчением вздохнул. Когда мама начинала сыпать неправдоподобными угрозами, это означало, что она больше не сердится. Мэри задрала нос к небу и гордо прошествовала вниз по лестнице. Однако Элвин этого не заметил. Он улыбнулся Сказителю, а Сказитель улыбнулся в ответ.

— Что, парень, никак не можешь надеть свой воскресный костюм? — спросил Сказитель.

— Да я лучше мешок на голову нацеплю и пройду через стаю голодных медведей, — сказал

Элвин-младший.

— Ну, я немало людей знаю, которые всю жизнь ходили в церковь и остались живы-здоровы. Зато ни разу не видел человека, который умудрился бы уцелеть в схватке с выводком взбесившихся медведей.

— Можешь посмотреть. Я уцелею.

Вскоре Элвин оделся. Кроме того, ему удалось уговорить Сказителя немного срезать путь и пройти через лес за домом, чем обходить холм по кружной дороге. Погода стояла не такая уж холодная, дождей несколько дней не было, впрочем, как и снега, а значит, не было и грязи — стало быть, мама не узнает. Так что за это Элвина не накажут.

— Я заметил, — заговорил Сказитель, когда они начали подниматься по усеянному опавшей листвой склону, — что твой отец не пошел вместе с мамой, Кэлли и девочками.

— Он не ходит в церковь, — кивнул Элвин. — Говорит, что преподобный Троуэр — осел. Не при маме, разумеется.

— Естественно, — усмехнулся Сказитель.

Они стояли на вершине холма, оглядывая распростершийся у ног широкий луг. Возвышенность, на которой был возведен собор, закрывала

собой город Церкви Вигора. Утренний иней еще не успел оттаять с побуревшей осенней травы, поэтому церковь выглядела ярчайшим белым пятном посреди мира белизны, и отражающиеся от ее чистых стен солнечные лучи превращали здание в новое светило. Элвин разглядел подъезжающие к ней телеги и лошадей, привязанных к столбикам на лугу. Если бы они поспешили, то успели бы занять места, до того как преподобный Троуэр начнет первый псалом.

Но Сказитель не торопился уходить с холма. Он присел на пенек и стал читать вслух какое-то стихотворение. Элвин внимательно вслушивался в строчки, потому что в глубине каждый стих Троуэра таил едкую горечь.

Я однажды пошел в Сад Любви,
Я глядел и не верил глазам:
На лугу, где играл столько раз,
Посредине поставили Храм.
Были двери его на замке –
Прочитал я над ними: «Не смей!»
И тогда заглянул в Сад Любви
Посмотреть на цветы юных дней.
Но увидел могилы кругом

И надгробия вместо цветов –

И священники пеньем моим наслажденьям

Из вервий терновых крепили оковы.[31]

Сказитель и в самом деле обладал даром, и каким! Казалось, весь мир изменился на глазах у Элвина. Луга и деревья выражали пронзительный крик весны, ярко-желто-зеленый, усеянный десятками тысяч красочных бутонов, а белизна церкви посредине этого великолепия уже не мерцала солнечным светом, превратившись в пыльную, усыпанную мелом кучу старых костей.

— Из вервий терновых крепили оковы, — повторил Элвин. — Ты, я гляжу, тоже не испытываешь особой любви к религии.

— Я вдыхаю религию с каждым вздохом, — ответил Сказитель. — Я жажду видений, ищу следы руки Господней. Но в этом мире я чаще натыкаюсь на другие следы, оставленные иной рукой. К примеру, на блестящую слизь, которая обжигает, если до нее дотронуться. В последнее время Господь несколько отстранился от человечества, Эл-младший, зато сатана с удовольствием

---

31 notes: Note31
У.Блейк, «Сад Любви"

якшается и возится с нами.

— Троуэр говорит, что его церковь служит домом Господу.

Сказитель ничего не ответил. Долгое время он сидел и просто молчал.

В конце концов Элвин не выдержал и спросил его напрямую:

— Ты видел в церкви след дьявола?

За то время, что Сказитель жил в их доме, Элвин успел узнать, что странник никогда не лжет. Но когда он не хотел отвечать правдиво, он читал стих. Как, например, сейчас.

> *О Роза, ты чахнешь! – Окутанный тьмой*
>
> *Червь, реющий в бездне, Где буря и вой,*
>
> *Пунцовое лоно Твое разоряет*
>
> *И черной любовью, Незримый, терзает*[32].

Элвина столь завуалированный ответ не устраивал.

— Если мне хочется чего-нибудь непонятного,

---

32 notes: Note32
У.Блейк, «Чахнущая Роза"

я обычно читаю Исайю [33].

— Я ликую, друг мой, слыша, как ты сравниваешь меня с величайшим из пророков.

— Какой же он пророк, если из его слов вообще ничего не понять?

— Может быть, он хотел сделать пророками нас.

— Я не доверяю пророкам, — заявил Элвин. — Насколько я знаю, умирают они точно так же, как обычные люди.

Нечто подобное он слышал из уст своего отца.

— Каждый человек смертен, — ответил Сказитель. — Но некоторые, даже умерев, остаются жить вечно, поселившись в словах.

— Слова можно толковать по-разному, — возразил Элвин. — Вот, к примеру, если я *сделаю что-то*, оно таким и останется. Допустим, сплету я корзину. Корзина всегда останется корзиной. Если ее днище порвется, она превратится в дырявую корзину. Слова же все время путаются-перепутываются. Троуэр может так истолковать и переиначить мои слова, что они будут говорить вовсе не то, что я хотел ими выразить.

---

33 notes: Note33

Исайя

— один из библейских пророков, именем которого названа одна из книг Ветхого Завета.

— А теперь, Элвин, давай посмотрим на проблему с другой стороны. Корзина, сплетенная тобой, всегда останется корзиной, одной-единственной корзиной. Но твои слова могут повторяться и повторяться, наполнять сердца людей, живущих за многие тысячи миль от того места, где ты впервые их произнес. Слова могут притягивать и зачаровывать, а вещи навсегда останутся такими, какие они есть.

Элвин попытался представить нарисованную Сказителем картину. Это оказалось совсем несложно. Слова, невидимые, как воздух, вылетали изо рта Сказителя и переходили от человека к человеку. Оставаясь невидимками, они с каждым разом все разрастались.

Затем видение изменилось. Элвину представились слова, срывающиеся с губ проповедника. Они дрожали, волновали воздух и, распространяясь по свету, просачивались всюду. Внезапно они превратились в ночной кошмар, в тот страшный сон, что постоянно посещал Элвина, спал мальчик или бодрствовал. Сердце пронзила острая боль, и ему захотелось умереть, лишь бы не переживать то же самое еще раз. Слова были наполнены невидимой, дрожащей *пустотой*, которая лезла во все щели, разваливая окружа-

ющий мир. Элвин отчетливо видел эту пустоту, накатывающуюся на него подобно огромному, постоянно прибавляющему в размерах валуну. Прежние кошмары научили Элвина, что, даже если он сожмет кулаки, Ничто истончится до едва заметной дымки и просочится меж его пальцев, даже если он стиснет зубы, зажмурит глаза, Пустота надавит на лицо, проникнет в ноздри, в уши и…

Сказитель потряс его за плечо. Встряхнул со всей силы. Элвин открыл глаза. Дрожащий воздух отпрянул в сторону, маяча смутной тенью поблизости. Пустота постоянно держалась чуть в стороне, подстерегая удобный момент. Она была хитрой и осторожной, как хорек, и готова была мигом улизнуть, стоило мальчику повернуть голову, чтобы приглядеться к ней.

— Что с тобой? — встревоженно спросил Сказитель. На лице его отражался испуг.

— Ничего, — помотал головой Элвин.

— Не ври, — строго приказал Сказитель. — Я вдруг увидел, как ты забился в страхе, словно тебе явилось какое-то ужасное видение.

— Это было не видение, — сказал Элвин. — Меня как-то раз посетило видение, поэтому я знаю, как оно выглядит.

— Да? — удивился Сказитель. — И что же за видение у тебя было?

— Ко мне явился Сияющий Человек, — ответил Элвин. — Я прежде никому о нем не рассказывал и вовсе не горю желанием говорить об этом сейчас.

Сказитель не стал давить на него:

— Хорошо, допустим, это было не видение — но что тогда?

— Ничто.

Он сказал правду, хотя знал, что ответ вряд ли удовлетворит Сказителя. Но если ему не хотелось отвечать? Раньше, когда он пытался поговорить с кем-нибудь на эту тему, над ним смеялись. Ведь только несмышленое дитя пугается непонятного Ничто.

Но Сказитель не отставал от него:

— Знаешь, Эл-младший, всю свою жизнь я мечтал о настоящем видении. И тебе оно явилось, здесь, прямо сейчас, посреди бела дня. Глаза твои широко распахнулись, ты увидел нечто ужасное, аж дыхание перехватило. Говори немедленно, что ты видел.

— Я уже сказал! Ничто! — Взяв себя в руки, он повторил немного потише:

— Это было *ничто,* Пустота, и тем не менее я ее

видел. Она похожа на марево, когда движется.

— И ты видел эту Пустоту, это Ничто?

— Оно проникает повсюду. Забирается в маленькие щели и начинает разрушать. Оно просто трясет и трясет, пока не остается одна пыль, и тогда оно принимается трясти пыль. Я пытаюсь остановить его, но оно растет, становится все больше и больше, катится вперед, пока не заполнит небо и землю.

Элвин ничего не мог с собой поделать. Его бил озноб, хотя на нем было столько вещей надето, что он напоминал толстого маленького медвежонка.

— И сколько раз ты видел эту картину?

— Она является ко мне, сколько я себя помню. Постоянно, от нее не отвязаться. Хотя иногда я начинаю думать о другом, и она отступает.

— Куда?

— Назад. За пределы зрения.

Элвин встал на колени и сел на землю, чувствуя, как кружится голова. В выходных штанах он сел прямо на мокрую траву, но даже не заметил этого.

— Когда ты заговорил о распространяющихся по миру словах, я сразу увидел эту пустоту.

— Если сон возвращается вновь и вновь, значит,

он пытается донести до тебя правду, — объяснил Сказитель.

Старик пришел в такое возбуждение, что Элвин подумал: а понимает ли он, как это на самом деле страшно?

— Это не одна из твоих историй, Сказитель.

— Я должен понять, — ответил Сказитель, — и тогда сложится новая история.

Он опустился рядом с Элвином и долго молчал, что-то обдумывая. Элвин также молчал, бессмысленно играя с травой. Наконец он не смог больше сдерживаться.

— Наверное, ты не можешь понять всего на свете, — сказал он. — Может быть, это я свихнулся. Может, кто-нибудь наложил на меня чокнутое заклятие.

— Послушай, — Сказитель, похоже, не услышал его, — я здесь придумал кое-какое объяснение. Давай я тебе его изложу, а потом посмотрим, стоит ли оно доверия или нет.

Элвин терпеть не мог, когда на него не обращают внимания:

— А может быть, это *ты где-нибудь* подцепил чокнутые чары, подумай об этом, а, Сказитель?

Но Сказитель опять не слышал:

— Вся Вселенная есть сон разума нашего Гос-

пода, и пока Он спит. Он верит, воплощая ее в действительность. Ты же видишь Бога просыпающегося, постепенно приходящего в себя после долгого сна. Его сознание разрывает пелену сновидения и разрушает Вселенную. В конце концов он проснется, сядет, протрет глаза и скажет: «Да, ну и сон мне приснился, жаль, что не запомнился». Тут-то нас и не станет. — Он испытывающе поглядел на Элвина.

— Ну как?

— Если ты веришь в это, Сказитель, то ты дурак психованный, как любит выражаться Армор.

— Да, любит он так говорить… — Внезапно Сказитель рванулся вперед и схватил Элвина за запястье. Элвин совершенно не ожидал этого, поэтому выронил то, что держал в руке. — Нет! Подними сейчас же! Ты посмотри, что ты делаешь!

— Да я так, с травой играл…

Сказитель нагнулся и поднял выроненную Элвином корзиночку. Она была совсем крошечной, с полпальца величиной, сплетенная из осенних трав.

— Ты ее только что сделал.

— Вроде бы, — признался Элвин.

— Но зачем?

— Сделал, и все тут.

— Ты что, даже не думал?

— То же мне, важная штука. Я раньше много таких плел для Кэлли. Когда Кэлли был маленьким, он звал их жучиными гнездышками. Они быстро рассыпаются.

— Ты увидел *ничто* и поэтому должен был *что-то сотворить*.

Элвин снова поглядел на корзиночку.

— Может быть.

— Ты часто так поступаешь?

Элвин постарался припомнить, что происходило после того, как к нему являлся дрожащий воздух.

— Ну, я всегда чем-нибудь занимаюсь, — сказал он. — Что с того?

— Но ты не можешь прийти в себя, пока что-нибудь не сделаешь. Увидев пустоту, ты обязательно должен что-нибудь сотворить.

— Честно говоря, работы у меня хватает…

– *Работа здесь* ни при чем. Деревья рубить — ведь это не работа для тебя. Яйца собирать, воду носить, сено косить — это тебе не помогает.

Теперь и сам Элвин начал понимать, что подразумевает Сказитель. А ведь правда, насколько он помнил, все так и было. Проснувшись после

ночного кошмара, он никак не мог успокоиться. Ему обязательно надо было что-то сделать: сплести что-нибудь, поставить стог, вырезать из кукурузного початка куколку для какой-нибудь из племянниц. Такое же беспокойство одолевало его, когда видение являлось днем, — все валилось из рук, пока он не создавал то, чего раньше не было. Хотя бы горку камней, хотя бы кусочек каменной стены.

— Правда? Ты так спасаешься каждый раз?

— В основном.

— Тогда позволь мне назвать имя той Пустоты. Это Развоплотитель, проще говоря, Разрушитель.

— Никогда не слышал о таком, — удивился Элвин.

— Я тоже — до сегодняшнего дня. Это потому, что он предпочитает таиться. Он враг всего существующего. Желания его упираются в одно: разнести все в пыль и топтать ту пыль, пока вообще ничего не останется.

— Но если разрушить все в пыль, потом разрушить пылинки, *пустоты* не получится, — нахмурился Элвин. — Получится еще больше пылинок помельче.

— Заткнись и слушай, — отрезал Сказитель.

Элвин привык к такому ответу. Сказитель го-

ворил это Элвину-младшему чаще, чем кому бы то ни было, даже чаще, чем маленьким племянникам.

— Я говорю не о Добре и Зле, — пояснил Сказитель. — Сам дьявол не может позволить себе разрушить все вокруг, потому что сам тогда перестанет существовать — наряду с миром. Наизлейшие твари никогда не мечтали о разрушении всего сущего — они жаждут эксплуатировать этот мир.

Элвин раньше не слышал слова «эксплуатировать», но звучало оно премерзко.

— Поэтому в великой войне против Разрушителя Бог и дьявол выступают на одной стороне. Только дьявол — он того не знает, поэтому частенько служит целям Рассоздателя.

— Ты хочешь сказать, что дьявол сам рубит сук, на котором сидит?

— Разговор сейчас не о дьяволе, — ответил Сказитель. Как всегда, его история лилась ровно и мерно, как дождь. — В великой войне против Разрушителя из твоего видения мужчины и женщины нашего мира должны сплотиться. Но страшный враг невидим, поэтому никто и не догадывается, что, сам того не желая, служит ему. Люди не сознают, что война есть верный

пособник Рассоздателя, поскольку она уничтожает все, к чему прикасается. Они не понимают, что пожары, убийства, преступления, алчность и похоть разбивают ту хрупкую связь, которая объединяет человеческие создания нациями, городами, семьями и душами.

— Ты, наверное, и в самом деле пророк, — уважительно произнес Элвин-младший, — потому что я ничего не понимаю из того, что ты говоришь.

— Пророк… — пробормотал Сказитель. — Видят-то твои глаза, а не мои. Теперь я могу оценить страдания Аарона: изрекать слова истины, но не видеть ее самому — что может быть горше?!

— Ты столько умных мыслей извлек из моих кошмаров…

Сказитель молча сидел на земле, упершись локтями в колени и возложив подбородок на ладони. Элвин попробовал осмыслить вещи, о которых вел разговор старик. Наверняка ту тварь, которая являлась к нему в страшных видениях, нельзя потрогать пальцем, поэтому Сказитель понарошку приписывает Разрушителю обличие. Хотя, может, он прав, может, Рассоздатель — не плод воспаленного воображения Элвина, возможно, он существует на самом деле, и Элвин-младший

— единственный человек, который способен его увидеть. Может быть, всему миру угрожает ужасная опасность, и задача Элвина — сразиться с пустотой, прогнать ее и восстановить порядок. Хотя из сновидений Элвин успел понять, что не способен вынести эту битву. Да, он хотел прогнать Разрушителя, но не знал как.

— Предположим, я верю тебе, — сказал Элвин. — Допустим, действительно существует такая тварь, как Рассоздатель. Но я ж ни черта не могу против него сделать!

Медленная улыбка расползлась по лицу Сказителя. Он чуть отклонился в сторону, высвободил одну руку и, потихоньку опустив ее к земле, поднял из осенней травы маленькое жучиное гнездышко.

— Это похоже на «ни черта»?

— Пучок травы.

— Это было пучком травы, — поправил Сказитель. — И если ты разорвешь корзиночку, она снова превратится в пучок травы. Однако сейчас эта трава представляет собой нечто большее.

— Да, очень большое! Огромную жучиную корзинку.

— Это ты ее такой сотворил.

— Правильно, что-то я не видел, чтобы трава

росла так странно.

— И, сотворив ее, ты нанес удар Разрушителю.

— Страшный удар, — фыркнул Элвин.

— Нет, не очень, — улыбнулся Сказитель. — Ты просто сделал маленькую корзиночку. И этим маленьким творением ты отбросил его назад.

У Элвина в голове наконец все встало на свои места. История, которую пытался рассказать Сказитель, разложилась по полочкам. Элвин и раньше знал, что мир полон противоположностей: добро и зло, свет и тьма, свобода и рабство, любовь и ненависть. Но самыми глубокими противоположностями были творение и разрушение. Они залегали так глубоко, что никто не замечал их важности. Но *он заметил* и тем самым превратился во врага Разрушителя. Вот почему пустота охотится за Элвином во сне. Кроме того, у Элвина имелся очень важный дар. Он умел следовать течению жизни, умел творить, не нарушая законов вещей.

— Мне кажется, мое *настоящее видение* говорило о том же, — сказал Элвин.

— Тебе вовсе не обязательно рассказывать мне о Сияющем Человеке, — предупредил Сказитель. — Я не хочу показаться любопытным.

— Ага, а твои вечные вопросы все время слу-

чайно срываются с языка.

За подобные слова у себя дома Элвин мигом бы схлопотал оплеуху, но Сказитель только посмеялся.

— Я поступил зло, но даже не подозревал об этом, — рассказывал Элвин. — И тогда у подножия моей кровати появился Сияющий Человек. Сначала он показал мне, что я натворил, чтобы объяснить степень моего зла. Честно говорю, я разрыдался, увидев это. Затем он объяснил, для чего мне дан дар, и теперь я понимаю, ты говоришь о том же. Я увидел камень, который выточил из горы. Он был круглым, как мячик, и когда я присмотрелся, то разглядел в нем целый мир, с лесами и океанами, животными и рыбами — все было на нем. Вот для чего предназначен мой дар: я должен охранять порядок вещей.

Глаза Сказителя засветились.

— Сияющий Человек послал тебе такое видение… — проговорил он. — Да ради этого я жизнь отдам.

— Но я воспользовался даром ради собственного удовольствия, чтобы навредить остальным, — продолжал Элвин. — И тогда я поклялся, принес нерушимую клятву, что никогда не использую свой дар себе на благо. Буду дарить его осталь-

ным.

— Хорошая клятва, — кивнул Сказитель. — Если б все люди на этой земле могли принести такую же клятву и следовать ей всю жизнь…

— В общем, теперь я понял, что… что Рассоздатель — это не какое-то там видение. Сияющий Человек мне тоже не привиделся. Видением было то, что он мне показывал, но сам он был *настоящим.*

— А Разрушитель?

— Он тоже существует. Я не придумал его, он на самом деле живет в нашем мире.

Сказитель кивнул, не сводя глаз с лица Элвина.

— Я должен творить, — сказал Элвин. — Творить быстрее, чем он разрушает.

— Никто не может тягаться с ним в скорости, — ответил Сказитель. — Даже если б все люди нашего мира превратили всю землю в миллионы миллионов кирпичей, после чего всю жизнь строили бы из этих кирпичей стену, и то стена бы разрушалась быстрее, чем строилась. Она бы распадалась прямо на глазах.

— Глупость, — нахмурился Элвин. — Как может стена развалиться, еще не будучи построенной?

— Пройдет время, и кирпичи будут рассыпаться в пыль от легкого прикосновения. Руки будут

гнить, кожа облезет с человеческих костей. В конце концов, кирпичи, плоть, кость превратятся в одинаковый прах. Тогда Разрушитель чихнет, и пыль рассеется, чтобы никогда не сплотиться в нечто новое. Вселенную поглотят холод, мрак, тишина и пустота — тут-то Рассоздатель и сможет отдохнуть.

Элвин честно попытался вникнуть в смысл слов Сказителя. Точно так же он напрягал свои мозги в школе, когда Троуэр заводил разговор о религии. Элвин знал, вопросы задавать опасно, но не мог удержаться, даже понимая, что на него будут сердиться:

— Но если разрушение всегда опережает творение, почему наш мир существует? Почему Рассоздатель еще не победил? Что мы делаем здесь?

В отличие от преподобного Троуэра, Сказитель не стал сердиться на вопросы Элвина. Он всего лишь почесал лоб и помотал головой:

— Не знаю. Ты прав. Нас *не* може*т* быть здесь. Наше существование невозможно.

— Но мы же *существуем.* Это я так, на всякий случай напомнил, чтобы ты не забыл, — возмутился Элвин. — Что за дурацкая история, если нам достаточно поглядеть друг на друга и уве-

риться, что она врет?

— Признаю, она несколько несовершенна.

— Я-то думал, ты рассказываешь только то, во что веришь.

— Я верил в нее, когда рассказывал.

Сказитель выглядел так понуро, что Элвин подсел к нему поближе и положил ему руку на плечо. Хотя вряд ли Сказитель почувствовал легкое прикосновение маленькой ручки Элвина.

— Знаешь, я тоже ей верю. Отдельным ее частям.

— Значит, в ней все-таки есть правда. Может, ее не очень много, но все равно она есть. — Морщины на лице Сказителя разгладились.

Но Элвин не мог просто так отвязаться:

— Для правды одной веры мало.

Глаза Сказителя расширились. «Доигрался, — подумал Элвин. — Вот теперь я его разозлил, в точности как Троуэра. Всех я злю». Поэтому он вовсе не удивился, когда Сказитель вскочил с земли, сжал лицо Элвина ладонями и заговорил с такой силой, словно хотел молотком вбить каждое слово Элвину в голову:

— Все, во что можно поверить, есть образ истины.

И слова действительно пробили его, он понял

их, хотя и не мог объяснить, что именно он понял. «Все, во что можно поверить, есть образ истины. Если я чему-то верю, значит, это правда, пусть даже не вся целиком. Но если я подумаю подольше, то, может быть, сумею отделить истину от лжи, а тогда…»

И Элвин понял еще одно. Он осознал, почему между ним и Троуэром все время возникали раздоры: не видя смысла, Элвин не мог поверить, и никакие цитаты из Библии не были способны убедить его. Сказитель подтвердил, что Элвин был *прав,* отказываясь верить в то, что не имеет смысла.

— Сказитель, тогда если я во что-то *не* вер*ю,* значит, это *не* може*т* быть правдой?

Сказитель поднял брови и выдал ему очередную пословицу:

— Не внемлют истине, покуда не поверят.

Элвин был по горло сыт всякими присказками:

— Ты хоть раз можешь ответить напрямик?!

— Пословица есть истина в чистом виде, парень. И я не стану искажать ее смысл в угоду запутавшемуся уму.

— В том, что я запутался, виноват прежде всего ты. Вещаешь тут о всяких кирпичах, которые превращаются в пыль еще до того, как стена

построена…

— Ты не поверил.

— Может, и поверил. Если я, к примеру, сяду плести из травы на этом лугу травяные корзиночки, то не успею добраться до края, как трава вся высохнет. А если попробую вырубить все деревья отсюда и до реки Нойс, построив из них амбары, бревна давно сгниют, прежде чем я срублю последнее. Не много домов понастроишь, если бревна — труха.

— Я как раз собирался сказать, что нельзя построить вечного, взяв за основу преходящее. Это закон. Но то, как ты его выразил, — присловие. «Не много домов понастроишь, если бревна — труха».

— Так я придумал пословицу?

— Да, и когда мы вернемся домой, я занесу ее к себе в книгу.

— В ту часть, что закрыта на замочек? — спросил Элвин.

Вопрос уже слетел с языка, когда он вспомнил, что книгу он видел, подглядывая в щелку в полу за Сказителем, скрипящим пером при тусклом свете свечи.

Сказитель бросил на него внимательный взгляд:

— Надеюсь, ты не пытался распечатать ее?

Элвин даже обиделся. Может, он и подсматривал, но лазать по *чужим вещам*...

— Сразу можно понять, если закрыто на замок, значит, нельзя лезть. А если ты считаешь, что я сую нос повсюду, ты мне не друг. Меня не интересуют твои тайны.

— Мои тайны? — расхохотался Сказитель. — Я закрыл ту часть, потому что записываю туда собственные мысли и сочинения. Просто затем, чтобы туда никто ничего не писал.

— А на других страницах писать можно?

— Можно.

— И что туда пишут? Можно я там что-нибудь напишу?

— Люди обычно записывают туда всего одно предложение, которое рассказывает о самом важном событии, случившемся в их жизни. Может, они видели что-нибудь очень важное. Этого обычно хватает, чтобы я вспомнил рассказанную мне когда-то историю. Поэтому, придя в другой город, в другой дом, я могу открыть книгу, прочесть написанную там фразу и рассказать историю.

У Элвина аж дух захватило. А может?.. Ведь Сказитель сам говорил, что жил вместе с Беном Франклином!

— А Бен Франклин написал что-нибудь в твоей книге?

— Самая первая фраза в ней написана его рукой.

— И он рассказал о самом важном событии, случившемся с ним?

— Именно так.

— И что ж там написано?

Сказитель отряхнул штаны:

— Пойдем-ка в дом, приятель, и я покажу тебе. А по пути расскажу одну историю, которая растолкует тебе смысл написанного.

Элвин подпрыгнул, как пружинка, вцепился страннику в тяжелый рукав и чуть ли не поволок его по тропинке обратно к дому.

— Так пойдем же быстрее!

Элвин понятия не имел, то ли Сказитель решил вообще не идти в церковь, то ли начисто забыл, где им нужно сейчас находиться, — как бы то ни было, подобный исход Элвина вполне устраивал. Воскресный денек, в который не нужно идти в церковь, вовсе не так уж плох и стоит того, чтобы жить. А если прибавить к этому истории Сказителя и целое предложение, занесенное в книгу рукой самого Творца Бена, то вообще получается идеально прожитый день.

— Не спеши ты так, парень. Не волнуйся, умирать я пока не собираюсь, да и ты вроде тоже, а для рассказа потребуется время.

— Франклин написал о собственном творении? — спросил Элвин. — О самом важном творении в его жизни?

— Где-то так.

— Я знал, я знал! Это очки с двумя линзами? Или плита?

— Люди все время твердили ему: «Бен, ты истинный Творец». Только он всегда отрицал это. Как не соглашался с теми, кто называл его волшебником. «Не умею я пользоваться всякими скрытыми силами, — говаривал он. — Я просто беру отдельные части и складываю их так, как никто до меня не складывал. Я не первый изобрел плиту. И очки существовали задолго до того, как я сделал свою первую пару. На самом деле я ничего в своей жизни *не* сотвори*л*, как это пристало настоящему Творцу. Я принес вам очки с двумя стеклами, а *Творец подарил* бы новые глаза».

— Он действительно считал, будто ничего в своей жизни не сделал?

— Однажды я задал ему такой же вопрос. В тот самый день, когда начал писать свою книгу. Я спросил его: «Бен, какое твое самое важное тво-

рение в жизни?» Он начал было отнекиваться, мол, не было ничего такого, но тогда я сказал ему: «Бен, да ты сам не веришь в это, как не верю я». И он ответил: «Билл, ты видишь меня насквозь. Действительно, кое-что я сделал, и это самое важное мое творение, самое важное творение, что я когда-либо видел».

Сказитель замолк, шаркая вниз по склону и разбрасывая шепчущие под ногами сухие листья.

— Ну, не тяни, что же это?

— А ты не хочешь подождать? Придешь домой да сам прочтешь.

Элвин страшно разозлился, он сам не понимал, насколько рассердился.

— Терпеть не могу, когда знают и не говорят!

— Эй-эй, не надо так злиться, парень. Скажу я тебе, куда ж денусь. Вот что он написал: «За свою жизнь я создал только одно — американцев».

— Чушь какая. Американцы сами рождаются.

— Да нет, Элвин, ошибаешься. Рождаются *дети.* Как в Англии, так и в Америке. Появиться на свет не означает стать американцем.

Элвин секунду поразмыслил над этим.

— Чтобы быть американцем, нужно родиться в Америке.

— Ну, в чем-то ты прав. Но пятьдесят лет тому

назад ребенка, родившегося в Филадельфии, не называли американцем. Он был пенсильванцем. А тот, кто рождался в Нью-Амстердаме, звался бриджем, тот, кто в Бостоне,

— янки. В Чарльстоне на свет появлялись якобинцы, роялисты и прочие им подобные.

— Дети как рождались, так и рождаются, — пожал плечами Элвин.

— Все правильно, но теперь они немного другие. Все эти прозвища, как посчитал старик Бен, разделяют нас на виргинцев, оранжцев, родосцев, на белых, черных и краснокожих, на квакеров, папистов, пуритан и просвитериан, на голландцев, шведов, французов и англичан. Старик Бен подметил, что виргинец никогда не доверится человеку из Неттикута, а белый — краснокожему. Потому что они *различны.* И он сказал себе: «Столько всевозможных названий нас разделяет, почему бы не найти хотя б одно, которое будет связывать?» Он долго перебирал всевозможные слова, которые использовались тогда. Колонисты, к примеру. Но, назвавшись колонистами, мы бы постоянно вспоминали о Европе, да и, кроме того, краснокожие никакие ведь не колонисты! Как и чернокожие, которые прибыли в эту страну рабами. Оценил проблему?

— Он хотел, чтобы мы все назывались одинаково, — кивнул Элвин.

— Именно. У нас была всего одна общая черта. Все мы жили на одном и том же континенте. В Северной Америке. Вот он и придумал назвать нас североамериканцами. Но это слишком длинно. Так что остались просто…

— Американцы.

— Это имя одновременно принадлежит рыбаку, живущему на иссеченном побережье Западной Англии, и барону, правящему рабовладельческим хозяйством в южно-восточной части Драйдена. Им может назваться как вождь могавков из Ираквы, так и торговец-бридж из Нью-Амстердама. Старик Бен знал, что, как только люди начнут называть себя американцами, мы станем единой нацией. Не осколками усталых европейских держав, а единой нацией, поселившейся на новых землях. Поэтому он стал прибегать к помощи этого слова во всех своих статьях. «Альманах простака Ричарда» постоянно твердил: американцы то, американцы это. Кроме того, старик Бен принялся рассылать по всей стране письма, убеждая, что конфликт о наследовании земель есть проблема, которую американцы должны решать вместе. Европейцы никогда не поймут,

что нужно американцам, чтобы выжить. Почему тогда американцы должны погибать в европейских войнах? Почему наши родные суды должны решать дела жителей Америки, руководствуясь законами Европы? Спустя пять лет каждый поселенец от Новой Англии до Якобии хотя бы отчасти, но считал себя американцем.

— Это всего лишь слово.

— Этим словом мы себя зовем. Любой человек на этом континенте может назваться американцем, если захочет. Старик Бен изрядно потрудился, чтобы включить в общность американцев как можно больше людей. Занимая должность заурядного почтмейстера, он в одиночку создал целую нацию. Пока король правит роялистами на юге, лорд-протектор насаждает законы в северной Новой Англии, а разделяет их Пенсильвания, ничто не сможет удержать грядущие войну и хаос. Старик Бен хотел предупредить грозящую нам смерть, и для этого он изобрел американцев. Именно он внушил страх Новой Англии, заставив ее поосторожнее обращаться с Пенсильванией. Именно он заставил роялистов отступить и искать поддержки Пенсильвании. В конце концов, именно он призвал к Всеамериканскому Конгрессу, чтобы разработать единую торговую политику

и установить единые законы.

— Как раз перед тем как вызвать меня из Англии, — продолжал Сказитель, — он составил «Американское Соглашение», которое подписали семь колоний. Как ты понимаешь, это было вовсе нелегко — а сколько спорили о количестве штатов и их границах! Голландцы не дураки, они видели, что англичане, ирландцы и шотландцы как иммигранты значительно преобладают над голландской частью населения, так что им вовсе не хотелось терять свои голоса — поэтому старик Бен позволил им разделить Нью-Нидерланды на целых три колонии, чтобы обеспечить голландцам равную долю голосов в Конгрессе. Чтобы уладить другой спор, от Новой Швеции и Пенсильвании пришлось отделить Сасквахеннию.

— Но получается всего шесть штатов, а их семь, — вспомнил Элвин.

— Старик Бен настоял, чтобы в «Соглашение» седьмым штатом была включена Ирраква. Определение четких границ этого штата и полная независимость краснокожих — такие он выставил условия. Нашлось, конечно, много недовольных, которые желали, чтобы американцы стали нацией исключительно белых людей, но старик Бен и слышать об этом не захотел. «Сохранить

мир мы можем только в том случае, — сказал он, — если все американцы станут равными друг перед другом». Вот почему его «Соглашение» запрещает всякие виды рабства. Вот почему его «Соглашение» не объявляет превосходства какого-нибудь одного вероисповедания над всеми остальными. Вот почему «Соглашение» не дозволяет правительству затыкать рты выступающим. Белые, черные и краснокожие; паписты, пуритане и пресвитериане; богатые, бедняки, нищие и воры — все мы живем по одним законам. Мы стали единой нацией, которую создало одно единственное слово.

— Американцы.

— Теперь ты понимаешь, почему он назвал американцев своим самым великим деянием?

— По-моему, «Соглашение» куда важнее.

— «Соглашение» — это набор фраз. А словосочетание «американский народ» стало идеей, которая породила эти фразы.

— Но янки и роялисты не превратились от этого в американцев. И война не прекратилась, потому что Аппалачи по-прежнему сражаются с королем.

— На самом деле все эти люди давно стали американцами, Элвин. Вспомни историю Джорджа

Вашингтона. Когда-то он был лордом Потомакским и возглавлял огромную армию короля Роберта, направляющуюся расправиться с жалкими осколками отряда, который возглавлял Бен Арнольд [34]. Никто не сомневался в победе Вашингтона — его роялисты с легкостью захватили бы маленькую крепость, подписав смертный приговор восстанию Тома Джефферсона, призвавшему горы стать свободными. Но во время войны с Францией лорд Потомакский сражался плечом к плечу с этими горцами. И Том Джефферсон когда-то был его другом. Сердце Вашингтона разрывалось, когда он думал об исходе завтрашней битвы. Кто такой король Роберт, чтобы во славу ему проливалось столько крови? Восставшие всего лишь хотели получить во владение по клочку земли. Они не желали, чтобы над ними сидели королевские ставленники-бароны и обдирали их как липку налогами. По сути дела, они были такими же рабами, как и чернокожие, гнущие спины в Королевских Колониях. В ночь перед боем Вашингтон не сомкнул глаз.

---

34 notes: Note34

Арнольд, Бенедикт (1741-1801) — американский генерал во время Войны за Независимость, государственный деятель США; после окончания войны Арнольд, перейдя на сторону Британии, оказывает ей за деньги всевозможные услуги (в частности, шпионаж); в конце концов он в открытую предает Америку и бежит в Англию

— Он молился, — кивнул Элвин.

— Так утверждает Троуэр, — резко произнес Сказитель. — Но точно никто не знает. Когда он на следующее утро обратился к войскам с речью, он даже не упомянул о *молитве.* Говорил он о слове, сотворенном Беном Франклином. Он написал королю послание, в котором снимал с себя полномочия главнокомандующего и отказывался от своих земельных владений и титулов. И подписался он не как «лорд Потомакский», а как «Джордж Вашингтон». Поднявшись рано утром, он встал перед облаченными в голубые мундиры солдатами короля и рассказал им о своем решении. Он сказал, что они вольны выбирать: либо подчиниться офицерам и ринуться в бой, либо встать на защиту великой «Декларации Свободы». «Выбор за вами, — сказал он. — Что же касается меня, то…»

Элвин наизусть выучил эти слова — их знали даже маленькие дети. Но сейчас он впервые осознал их великое значение и, не в силах сдержаться, выкрикнул:

— «Мой американский клинок не прольет ни капли американской крови!»

— Затем, когда его армия большей частью перешла на сторону восставших Аппалачей,

забрав с собой ружья и порох, обоз и припасы, Джордж приказал старшему офицеру из тех, что сохранили преданность королю, арестовать его. «Я преступил данную королю клятву, — сказал он. — Как бы ни были высоки цели, которыми я руководствовался, клятва все же нарушена. И я заплачу цену за свое предательство». И он заплатил, заплатил сполна — почувствовав, как меч отделяет голову от тела. Решение королевского двора было единодушным, но разве обвиняли Вашингтона обычные люди?

— Никогда, — покачал головой Элвин.

— И сколько побед одержали с тех пор королевские войска в войне с Аппалачами?

— Ни одной.

— Люди, собравшиеся в тот день на поле боя у реки Шенандоа, не являлись гражданами Соединенных Штатов. Ни один из них не подпадал под действие «Американского Соглашения». Но когда Джордж Вашингтон заговорил об американских клинках и американской крови, солдаты вспомнили, что их объединяет. А теперь ответь мне, Элвин-младший, так ли уж не прав был старик Бен, когда сказал, что самое великое его творение заключено в одном слове?

Элвин, конечно, ответил бы, но они как раз

подошли к крыльцу дома. Стоило им подняться по ступенькам, как дверь от резкого толчка распахнулась, и на пороге возникла мама. Увидев ее лицо, Элвин понял, что на этот раз ему грозит нешуточная беда. И самое главное — он сам был виноват.

— Я хотел пойти в церковь, ма!

— Многие души стремятся попасть на небеса, — ответила она, — но туда не попадают.

— Это полностью моя вина, тетушка Вера, — вступился Сказитель.

— Сомневаюсь, — отрезала она.

— Мы заговорились, и, боюсь, мальчик совсем забыл, куда мы идем.

— Он от рождения страдает забывчивостью. — Мама не сводила пылающих глаз с лица Элвина. — Пошел по стопам отца. В церковь его можно затащить только силком, сам он никогда не пойдет, и если не приколотить его ноги гвоздями к полу — оглянуться не успеешь, как сбежит. Ему уже десять лет, а он ненавидит Господа — я и в самом деле начинаю жалеть, что родила его на свет.

Эти слова ужалили Элвина-младшего в самое сердце.

— Не стоило этого говорить, — произнес Ска-

зитель.

Голос его прозвучал очень тихо, и мама наконец оторвала взгляд от Элвина, внимательно поглядев на старика.

— Правду говоря, я никогда так не думала, — в конце концов призналась она.

— Прости меня, мам, — сказал Элвин-младший.

— Иди в дом, — приказала она. — Я ушла из церкви, чтобы разыскать тебя, но возвращаться теперь поздно, мы не успеем.

— Мы о стольком поговорили, мам, — начал рассказывать Элвин. — О моих снах, о Бене Франклине, о…

— Сейчас мне хочется услышать лишь одно, — перебила мама, — как ты распеваешь псалмы. Раз ты не пошел в церковь, будешь сидеть со мной на кухне и петь псалмы, пока я готовлю обед.

Так что Элвину еще долго не пришлось увидеть фразу, которую написал в книге Сказителя старик Бен. Он работал и распевал церковные гимны до самого обеда, а после еды папа, старшие братья и Сказитель уселись обсуждать завтрашний день. Завтра они собирались отправиться в каменоломню за жерновом для мельницы.

— Вот на какие беспокойства я иду ради тебя, —

упрекнул папа Сказителя.

— Все делаю ради того, чтобы тебе лучше с нами жилось.

— О жернове я ни разу не просил.

— Дня не проходит, чтобы ты не пожаловался, мол, как жаль, что в такой замечательной мельнице хранится сено, когда местные жители не отказались бы от хорошей муки.

— Если не ошибаюсь, я упомянул это только однажды.

— Ну, может, и так, — согласился папа. — Но теперь каждый Божий день я вспоминаю о жернове.

— Наверное, ты просто жалеешь, что там, куда ты меня швырнул, не оказалось камня побольше.

— И вовсе он не жалеет об этом! — закричал Кэлли. — Потому что ты бы тогда умер!

В ответ Сказитель лишь улыбнулся, и папа тоже расплылся в улыбке. После чего они продолжили обсуждать детали предстоящей работы. А затем на воскресный ужин пожаловали братья с женами, племянниками и племянницами. Детишки насели на Сказителя, выпрашивая спеть «Смешную песенку». Не в силах противиться уговорам. Сказитель спел ее столько раз, что Элвин

готов был заорать благим матом, услышав снова дружный припев «Ха-ха, хи-хи».

Наконец, после ужина племянники и племянницы были уведены домой, и Сказитель достал свою книгу.

— А я все гадал, открываешь ли ты ее когда-нибудь, — сказал папа.

— Я просто ждал подходящего момента. — И Сказитель рассказал, как люди записывают в нее самое важное событие в своей жизни.

— Надеюсь, *меня ты* не будешь просить написать в ней что-нибудь, — нахмурился папа.

— Я бы тебе и не позволил этого. Ты еще не рассказал мне свою историю.

— Голос Сказителя вдруг смягчился. — Хотя, может быть, ты пока не совершил самого важного в жизни поступка.

Папа чуть-чуть сердито — а может, испуганно — взглянул на него. Как бы то ни было, не в силах совладать с любопытством, он встал и подошел к Сказителю.

— Ну-ка, покажи мне, чего там такого важного содержится.

— А ты читать умеешь? — поинтересовался Сказитель.

— К твоему сведению, до женитьбы я получил

образование янки в Массачусетсе. Уже потом я осел мельником в Западном Гемпшире и много позже переселился сюда. Конечно, может, мое образование ни в какое сравнение не идет с *лондонским*, которым хвалишься ты, но, могу поспорить, нет такого слова, которое я не смог бы прочитать, разве что на латыни оно будет написано.

Сказитель не ответил. Он открыл книгу, и папа прочел вслух первое предложение.

— «За свою жизнь я создал только одно — американцев». — Папа недоуменно поглядел на Сказителя. — И кто ж такое написал?

— Старик Бен Франклин.

— Насколько я слышал, единственный американец, которого он «создал», был незаконнорожденным.

— Ну, может, Эл-младший растолкует тебе потом смысл этой фразы, — пожал плечами Сказитель.

Пока они переговаривались, Элвин пролез вперед, чтобы посмотреть на буквы, написанные стариком Беном. Они ничем не отличались от других. Элвин даже чуть-чуть расстроился, хотя сам толком не мог сказать, чего ожидал увидеть. Что, старик Бен должен был золотыми черни-

лами писать? Конечно, нет. Буквы, написанные великим человеком, вряд ли чем отличаются от букв, выведенных глупцом.

И все-таки он никак не мог избавиться от разочарования: слова казались такими обычными, такими простыми. Он протянул руку и перевернул страницу, затем еще одну, и еще, и еще. Все слова были похожи друг на друга. Серые чернила на желтеющей бумаге.

Вдруг книга сверкнула яркой вспышкой света, на мгновение ослепив Элвина.

— Эй, кончай шебуршать страницами, — обратил на мальчика внимание папа.

— Порвешь.

Элвин повернулся и посмотрел на Сказителя.

— А что там за свет? — спросил он. — Та страница, что светится, — что на ней написано?

— Светится? — переспросил Сказитель.

Элвин понял, что свет виден ему одному.

— Ну-ка, найди ее, — кивнул Сказитель.

— Он обязательно что-нибудь порвет, — предупредил папа.

— Ничего, он осторожно, — успокоил Сказитель.

Но в голосе папы внезапно зазвучали злые нотки:

— Я сказал, положи книгу, Элвин-младший.

Элвин было попятился, но почувствовал на плече руку Сказителя. Голос Сказителя был тих и спокоен, и Элвин почувствовал, как пальцы старика слегка шевельнулись, налагая оберег.

— Мальчик что-то увидел в книге, — промолвил Сказитель. — Я хочу, чтобы он нашел для меня это место.

К вящему удивлению Элвина, папа спорить не стал.

— Ну, если ты хочешь, чтобы какой-то глупый лентяй разодрал тебе всю книгу… — пробормотал он и замолк.

Элвин шагнул к книге и осторожно, одну за другой, принялся листать страницы. В конце концов он нашел нужное место, и в глаза ему снова ударило ослепительное сияние. Он сначала зажмурился, но потом свет постепенно погас, так что можно было разглядеть, что исходит он от маленького предложения с горящими буквами.

— Ты видишь пламя? — спросил Элвин.

— Нет, — покачал головой Сказитель. — Но чувствую легкий дымок. Коснись слов, которые, по-твоему, горят.

Указательным пальцем Элвин легонько дотронулся до начала фразы. Пламя, к его изумлению,

вовсе не обжигало, хотя чуточку грело. Внезапно это тепло проняло его до самых костей. Он передернулся, выгоняя из тела последние отзвуки осеннего холода. Улыбнувшись, он почувствовал, как весь изнутри пылает. Но пламя, ощутив касание его пальца, сразу съежилось, начало затухать и быстро пропало.

— Что там говорится? — спросила мама.

Она стояла рядом со столом, прямо напротив них. Читала она не особенно хорошо, да и буквы, если смотреть с ее стороны, были перевернуты вверх ногами.

— «Творец на свет появился», — прочитал вслух Сказитель.

— Нет иного Творца, — сказала мама, — кроме того, кто превращал воду в вино.

— Может быть, — согласился Сказитель, — но она написала именно так.

— Кто она? — продолжала выпытывать мама.

— Маленькая девочка. Примерно пять лет назад.

— А что за история кроется за этим предложением? — поинтересовался Элвин-младший.

Сказитель пожал плечами.

— Ты же говорил, что не позволяешь писать в книге, если не выслушаешь историю.

— Она написала эту фразу тайком, — ответил Сказитель. — И я увидел ее, когда ушел далеко от той деревни.

— Тогда откуда тебе знать, что это написала именно она? — удивился Элвин.

— Больше некому. Ни один другой человек не смог бы открыть заговор, которым я закрывал книгу в те дни.

— Значит, ты не знаешь, о чем говорится в этом предложении? Ты даже не можешь мне объяснить, почему эти буквы горели?

Сказитель кивнул.

— Если я правильно помню, та девочка приходилась дочерью хозяину постоялого двора. Говорила она редко, но когда все же открывала рот, слова ее все до единого были правдивы. Она никогда не шла на ложь — даже ради добра. Ее считали нелюдимой. Но как гласит присловие: «Всегда говори правду — и зло минует тебя». Или что-то вроде этого.

— А как ее звали? — спросила мама.

Элвин удивленно взглянул на нее. Мама не видела сияющих букв, почему же она так стремится вызнать, кто их написал?

— Увы, — произнес Сказитель. — Я не помню ее имя. А если б даже вспомнил, то не сказал бы.

Как не сказал бы, где она живет. Я не хочу, чтобы толпы народа повалили туда, беспокоя девочку вопросами, ответы на которые она, может, не хочет давать. Я могу сказать лишь одно. Она была светлячком и умела видеть мир. Если она написала о рождении Творца, значит, это правда. Вот почему я не вырвал эту страницу.

— Я хочу, чтобы как-нибудь ты рассказал мне об этой девочке, — сказал Элвин. — Я хочу понять, почему буквы горели.

Он поднял глаза и увидел, что мама и Сказитель сверлят друг друга настороженными взглядами.

И вдруг краешком глаза он заметил, как где-то сбоку замаячила тень Рассоздателя, дрожащая, незримая, поджидающая возможности разнести мир в пыль. Неосознанным движением Элвин вытащил из штанов рубаху и быстро связал вместе ее уголки. Разрушитель вздрогнул и ретировался.

11. Жернов

Сказителя разбудила чья-то рука, тряхнувшая за плечо. Снаружи царила кромешная темень, но пора было выезжать. Он сел, потянулся и с удовольствием ощутил, что боль в суставах почти исчезла, излеченная сном на мягкой перине. «Я могу привыкнуть к такой жизни, — подумал он. — Мне нравится этот дом».

Шипение бекона, жарящегося на кухне, проникало через плотно затворенную дверь. Он натягивал башмаки, когда постучалась Мэри.

— Можно заходить, я более-менее готов, — сказал он.

Она вошла, сжимая в руках пару длинных толстых носков.

— Я сама связала их, — сказала она.

— Таких прекрасных носков я не встречал даже в Филадельфии.

— Зимой в Воббской долине бывает очень холодно и…

Она не закончила фразу. Смутившись, она склонила голову и поспешила выскользнуть за дверь.

Сказитель надел носки, на них — башмаки и довольно притопнул. Он никогда не отказывался от подобных даров. Работал он наравне со всеми и сделал немало, чтобы подготовить ферму к грядущей зиме. Кроме того, он был хорошим кровельщиком: лазать он любил, и голова у него никогда не кружилась. Собственными руками он поправил и подлатал крыши дома, амбаров, сараев и курятников, чтобы там всегда было сухо и тепло.

Не спрашивая никого, он в одиночку подготовил мельницу к приему жернова, перекидав солому с пола в телеги — пять повозок вышло. Близнецы, которые еще не успели обзавестись собственным хозяйством, поскольку женились прошлым летом, разгрузили солому в общем сарае. Миллер и не притронулся к вилам — Сказитель специально проследил за этим, незаметно, не привлекая внимания, хотя Миллер не очень-то настаивал.

На ферме все шло хорошо, хотя общее положение дел оставляло желать лучшего. Все больше и больше людей уходило из окрестностей Карфаген-сити, напуганных воинственным Такумсе и его краснокожими из племени июни. Конечно, хорошо, что на противоположном берегу реки

Пророк основал свой город, где учил тысячи краснокожих никогда и ни по какой причине не проливать человеческую кровь, тем более в войне. Но и у Такумсе было немало последователей, считающих, что бледнолицые должны покинуть берега Атлантики и, на кораблях или вплавь, быть изгнаны обратно в Европу. Распространился слух о близящейся войне, ходили сплетни, что Билл Гаррисон из Карфагена довольно потирает руки, радуясь возможности раздуть пламя ненависти, не говоря уже о французах в Детройте, которые всегда науськивали краснокожих на американских поселенцев, занявших, как они считали, принадлежащие Франции канадские земли.

Народ в поселении Церковь Вигора только и говорил о надвигающейся войне, но Сказитель знал, что Миллер эти слухи всерьез не воспринимает. Он считал, что все краснокожие поголовно — сельские клоуны, ведомые жаждой виски и желающие лишь одного: как следует напиться. Сказителю и раньше доводилось встречаться с людьми, считающими так, — хотя было это в Новой Англии. Янки, казалось, никак не могли понять, что все новоанглийские краснокожие, обладающие практической сметкой, давным-

давно перебрались в штат Ирраква. Вскоре глаза янки откроются, и они увидят, что Ирраква вовсю работает на паровых машинах, доставленных непосредственно из Англии, а в стране Пальчиковых озер белый человек по имени Эли Уитни [35] помогает краснокожим строить фабрику, которая будет выпускать ружья в двадцать раз быстрее, чем какой-либо оружейный завод. Когда-нибудь янки проснутся и обнаружат, что краснокожие вовсе не такие уж горькие пьяницы, — тогда-то и придется кое-кому подсуетиться, чтобы нагнать прытких туземцев.

Ведь тот же самый Миллер не принимал разговоры о близящейся войне всерьез, приговаривая: «Каждый человек знает, что в лесах обитают краснокожие. Ну и пусть себе шатаются там — курицы у меня покамест все целы, так что и проблем нет».

— Еще бекона? — спросил Миллер и подвинул доску с кусочками ветчины к Сказителю.

— Я не привык наедаться по утрам, — ответил

---

35 notes: Note35

Уитни, Эли (1765-1825) — американский изобретатель; изобрел машину для сбора хлопка, которую у него похитили, прежде чем он успел получить патент; в 1798 году получил правительственный контракт на производство ружей, именно он первым предложил изготавливать каждую часть ружья отдельно, а не отливать все целиком, чем значительно ускорил процесс

тот. — С тех пор как поселился у вас, за один прием я поглощаю столько пищи, сколько раньше не ел за целый день.

— Ничего, ничего, нарасти немного мясца на кости, — усмехнулась Вера, шлепнув ему на тарелку пару горячих блинов, обильно намазанных сверху медом.

— Да в меня уже не лезет, — запротестовал Сказитель.

Блины мигом стащила чья-то проворная рука.

— Я помогу, — предложил Эл-младший.

— Не прыгай вокруг стола, — приказал Миллер. — Кроме того, в тебя эти два блина тоже не влезут.

Эл-младший в мгновение ока доказал ошибочность утверждений отца. Затем они смыли с рук липкий мед, надели рукавицы и пошли к повозке. На востоке пробивался первый свет, когда подъехали Дэвид и Кальм, жившие неподалеку. Эл-младший вскарабкался на задок повозки, где пристроился среди инструментов, веревок, палаток и корзин с едой, — назад они должны были вернуться не раньше чем через пару дней.

— А… близнецов и Меру ждать не будем? — огляделся вокруг Сказитель.

Миллер вспрыгнул на повозку.

— Мера поехал вперед, валит деревья для дровней. А Нет и Нед останутся дома. Будут кругами по нашим семьям ездить. — Он усмехнулся. — Нельзя ж оставлять женщин одних, когда вокруг только и говорят о кровожадных краснокожих, шляющихся поблизости.

Сказитель улыбнулся в ответ, с облегчением отметив, что Миллер вовсе не так беспечен, как кажется.

Путь до каменоломни был неблизкий. По дороге они миновали останки телеги с разломанным жерновом, возлежащим посредине.

— То была наша первая попытка, — объяснил Миллер. — Но высохшая ось не выдержала и подломилась, а холм, как видишь, крутой — телега так и полетела вниз.

Они подъехали к приличной ширины ручью, и Миллер рассказал, как они дважды пытались спустить жернов вниз по течению на плоту, но оба раза плот быстро тонул.

— Не везло нам, — развел руками Миллер, но по выражению его лица было видно, что каждую неудачу он воспринимал как личное оскорбление, будто кто-то специально мешал ему привезти жернов на мельницу.

— Поэтому-то мы и решили воспользоваться

на сей раз дровнями, — встрял Эл-младший, наклонившись с задка телеги. — Они не упадут, не развалятся, а если какая неприятность случится — это всего лишь бревна, которых можно нарубить кучу.

— Все будет нормально, — сказал Миллер, — если дождь не пойдет. Или снег.

— Небо выглядит чистым, — заметил Сказитель.

— Небо — известный притворщик, — хмыкнул Миллер. — Когда доходит до настоящего дела, вода все время становится мне поперек дороги.

Они добрались до каменоломни, когда солнце стояло высоко в небе, хотя до полудня было еще далеко. Обратный путь, разумеется, будет куда дольше. К их приезду Мера успел свалить шесть крепких молоденьких деревьев и около двадцати поменьше. Дэвид и Кальм сразу приступили к работе, обрубая ветви и сучки, чтобы не цеплялись за дорогу. Элвин-младший, к удивлению Сказителя, достал инструменты и направился прямиком к скалам.

— Ты куда? — окликнул Сказитель.

— Пойду найду место получше, — ответил Эл-младший.

— Он чувствует камень, — объяснил Миллер. И

замолчал, не желая больше ничего говорить.

— А когда найдешь, что будешь делать? — спросил у Элвина Сказитель.

— Буду рубить жернов.

И Элвин уверенно запрыгал вверх по тропинке, гордясь тем, что ему поручена взрослая работа, — типичный мальчишка.

— И с камнем обращаться он умеет, — подтвердил Миллер.

— Ему всего десять лет, — обратил внимание Сказитель.

— Первый свой жернов он вырубил в возрасте шести.

— Говоришь, дар у него такой?

— Ничего я не говорю.

— Так скажи, Эл Миллер! Скажи, ты, случаем, не седьмой сын?

— А с чего ты спрашиваешь?

— Знающие люди поговаривают, что седьмой сын седьмого сына умеет видеть суть вещей. Из них получаются отличные лозоходцы.

— Неужели и вправду так говорят?

Подошел Мера и встал лицом к отцу, скрестив руки на груди. Юноша был явно чем-то раздражен.

— Пап, что плохого, если ты наконец расска-

жешь ему? Да все в округе знают об этом.

— А может, мне кажется, что Сказитель уже знает больше, чем мне хотелось бы?

— Постыдился бы говорить такое человеку, который не раз доказал свою дружбу.

— Он не обязан ничего рассказывать, если не хочет, — вступил в спор Сказитель.

— Тогда я отвечу тебе, — сказал Мера. — Да, ты прав: папа — седьмой сын.

— Как и Эл-младший, — заметил Сказитель. — Верно? Вы никогда об этом не упоминали, но, насколько мне известно, собственное имя дается либо первенцу, либо седьмому сыну.

— Наш старший брат Вигор погиб в реке Хатрак за несколько минут до того, как родился Эл-младший, — объяснил Мера.

— Хатрак… — проговорил Сказитель.

— Ты бывал там? — спросил Мера.

— Я бывал везде. Но почему-то мне кажется, я должен был вспомнить об этой речке гораздо раньше, хотя никак не могу взять в толк почему. Седьмой сын седьмого сына… Он магией вызовет жернов из скалы?

— О магии мы стараемся не говорить, — сказал Мера.

— Он вырубит его, — ответил Миллер. — Как

самый обычный каменотес.

— Он *большой мальчик*, но все же очень юн, — намекнул Сказитель.

— Скажем так, — снова заговорил Мера, — когда *он* берется за инструмент, камень становится неизмеримо мягче, чем когда рублю я.

— Было бы здорово, — сказал Миллер, — если бы ты остался здесь и помог парням обтесать деревья. Нам понадобятся крепкие дровни и хорошие, гладкие шесты, чтобы выкладывать дорогу.

Того, что было у него на душе, он не сказал, но слова его толковались однозначно: «Оставайся внизу и не задавай слишком много вопросов об Элвине-младшем».

Поэтому Сказитель все утро и большую часть дня проработал с Дэвидом, Мерой и Кальмом под мерный звон железа о камень, доносившийся сверху. Стук Элвина-младшего задавал ритм всей работе, хотя никто ни словом об этом не обмолвился.

Вот только Сказитель не привык работать в тишине. А раз остальные поначалу предпочитали хранить молчание, рассказывал в основном он. И поскольку трудился он на равных со взрослыми мужчинами, а не с детьми, он рассказывал вовсе не о приключениях, героях и трагических

смертях.

Большую часть времени он посвятил саге о Джоне Адамсе [36]. Как дом его был сожжен бостонской толпой, после того как Адамс выиграл дело десяти женщин, обвиненных в колдовстве. Как Алекс Гамильтон [37] пригласил его на остров Манхэттэн, где они вдвоем основали совместное юридическое дело. Как в течение десяти лет они убеждали голландское правительство открыть неограниченный въезд в колонии для неголландских иммигрантов и как англичане, шотландцы, валлийцы и ирландцы составили большую часть поселенцев Нью-Амстердама и Нью-Оранжа, хотя в Новой Голландии их было пока очень мало. Как в тысяча семьсот восьмидесятом году два юриста заставили Англию принять второй официальный

---

36 notes: Note36

Адамс, Джон (1735-1826) — государственный деятель США; в 1780 году от Континентального Конгресса был направлен в Гаагу, и в 1782 году добился признания Нидерландами независимости США; с 1797-го по 1801 год — президент США; при нем был принят закон «О чужестранцах», направленный против эмигрантов из Франции и Ирландии, и закон «О подстрекательстве», грозивший тюремным заключением за критику правительства

37 notes: Note37

Гамильтон, Александр (1757-1804) — государственный деятель США; во время Войны за Независимость пользовался популярностью как оратор и публицист; был секретарем Джорджа Вашингтона; в 1789-1795 годах занимал должность министра финансов; был убит на дуэли Аароном Бурром

язык, как раз перед тем как голландские колонии стали тремя из семи первоначальных штатов, объединенных «Американским Соглашением».

— Спорю на что угодно, в конце концов голландцы возненавидели эту парочку, — отозвался Дэвид.

— Они были слишком хорошими политиками, чтобы допустить это, — промолвил Сказитель. — И тот, и другой говорили на голландском подчас лучше коренных голландцев, а дети их учились в голландских школах. Они настолько пропитались голландским духом, что, когда Алекс Гамильтон баллотировался на пост губернатора Нью-Амстердама, а Джон Адамс — на пост президента Соединенных Штатов, они набрали больше голосов в голландских районах Новых Нидерландов, нежели в шотландских и ирландских.

— Интересно, если бы я баллотировался в мэры, эти шведы и голландцы, что живут ниже по реке, проголосовали бы за меня или нет? — вслух подумал Дэвид.

— Вот я бы никогда за тебя не отдал голос, — сказал Кальм.

— А я бы отдал, — ответил Мера. — И надеюсь, в один прекрасный день ты и в самом деле будешь баллотироваться в мэры.

— Куда баллотироваться? — переспросил Кальм. — У нас даже города как такового нет.

— Будет, — пообещал Сказитель. — Я немало повидал подобных поселений. Стоит заработать вашей мельнице, глазом не успеете моргнуть, как между вами и Церковью Вигора поселятся сотни три людей.

— Ты считаешь?

— Сейчас люди приезжают в лавку Армора раза три, может, четыре в год, — продолжил объяснение Сказитель. — Но за мукой они будут приезжать гораздо чаще. Кроме того, они предпочтут вашу мельницу любой другой в округе, поскольку у вас ровные дороги и добрые мосты.

— А если мельница начнет приносить деньги, — сказал Мера, — папа наверняка закажет во Франции бурский камень. У нас был такой в Западном Гемпшире, когда мельницу разрушило наводнением. А бурский камень означает, что у нас будет прекрасная белая мука.

— А станем молоть белую муку, дела пойдут еще лучше, — подтвердил Дэвид. — Мы, постарше, помним, как все было. — И улыбнулся тоскливо. — Мы тогда чуть не стали настоящими богачами…

— Так вот, — проговорил Сказитель, — когда

сюда начнут стекаться повозки, это будет не просто торговая лавка, церковь да мельница. В Воббской долине залегает хорошая белая глина. Наверняка объявится какой-нибудь гончар, который поселится рядом с вами.

— Да уж поскорей бы, — кивнул Кальм. — Мою жену, по ее словам, до смерти утомили эти жестяные тарелки.

— Вот так возникает город, — подвел итог Сказитель. — Хорошая лавка, церковь, мельница, гончарная. Кирпичи, опять же. А когда появится город…

— Дэвид может стать мэром, — закончил за него Мера.

— Только не я, — открестился Дэвид. — Политика меня никогда не привлекала. Она нужна Армору, не мне.

— Армор мечтает стать королем, — заявил Кальм.

— Ты несправедлив к нему, — сказал Дэвид.

— Но это правда! — воскликнул Кальм. — Да он и в боги станет набиваться, если увидит, что место освободилось.

— Кальм и Армор не сошлись характерами, — повернулся к Сказителю Мера.

— Что ж он за муж, если зовет свою жену ведь-

мой?! — горько возмутился Кальм.

— А почему он зовет ее так? — спросил Сказитель.

— Сейчас он ее так не называет, — поправил Мера. — Она обещала ему больше не заниматься этим. Ну, не колдовать на кухне. Но какая женщина управится с огромным хозяйством всего лишь двумя руками?

— Ладно, хватит, — сказал Дэвид. Краем глаза Сказитель заметил его предостерегающий взгляд.

Очевидно, они не очень-то и доверяли Сказителю, раз не хотели посвящать его в правду. Поэтому Сказитель дал им понять, что это уже не тайна для него.

— По-моему, Армор и не догадывается, что она не отступилась от своего, — сказал он. — На переднем крыльце я заметил весьма умело замаскированный магический оберег из корзиночек для цветов. Кроме того, когда я пришел в ваш город, я видел, как она успокоила его заклятием.

Работа на секунду замерла. Никто не взглянул в его сторону, но на какую-то секунду их руки остановились. Они осмысливали тот факт, что Сказитель знал о секрете Элеаноры и никому не сказал. В том числе и Армору Уиверу. Однако

одно дело, когда он знает, а другое — когда они собственными словами подтвердят его знание. Поэтому они, ничего не сказав, снова начали стучать топорами.

Сказитель решил вернуться к основной теме:

— Так что дело лишь во времени. Вскоре в западных краях поселится достаточно людей, чтобы организовать штаты и послать прошение о вступлении в «Американское Соглашение». А когда это случится, возникнет потребность в честном человеке.

— В нашей глуши Гамильтонов, Адамсов или Джефферсонов ты днем с огнем не сыщешь, — сказал Дэвид.

— Может, ты прав, — согласился Сказитель. — Но если вы, местные, не организуете собственное правительство, держу пари, найдется множество городских выскочек, которые пожелают сделать это за вас. Именно так Аарон Бурр [38] и стал губернатором Сасквахеннии, прежде чем Даниэль

---

38 notes: Note38

Бурр, Аарон (1756-1836) — государственный деятель США, сенатор, вице-президент; соперничая на выборах с Томом Джефферсоном, Аарон Бурр был близок к победе — ему не хватило всего несколько десятков голосов; в 1804 году баллотировался на должность губернатора Нью-Йорка, но несколько лидеров партии федералистов, в которой он состоял, отказали ему в поддержке, что привело к крупной ссоре между Бурром и Александром Гамильтоном; за ссорой последовала дуэль, на которой Гамильтон был убит

Бун [39] пристрелил его в девяносто девятом.

— Ты настолько презрительно отозвался об этом, словно Бун совершил убийство, — заметил Мера. — А то была честная дуэль.

— Как мне кажется, — ответил Сказитель, — всякие дуэлянты — убийцы, которые пришли к соглашению по очереди попытаться убить друг друга.

— Но не в случае, когда один из них — старый поселенец, одетый в звериные шкуры, а другой — лживый вор-горожанин, — вспыхнул Мера.

— Мне бы не хотелось, чтобы губернатором Воббской долины стал какой-нибудь тип вроде Аарона Бурра, — сказал Дэвид. — Или вроде того Билла Гаррисона, что правит сейчас в Карфаген-сити. Я уж лучше проголосую за Армора.

— А я лучше проголосую за тебя, — произнес Сказитель.

Хмыкнув, Дэвид продолжил опутывать веревками стволы молодых деревьев, связывая их вместе. Сказитель занимался тем же, только с другой стороны. Добравшись до середины, Ска-

---

39 notes: Note39

Бун, Даниэль (1734-1820) — легендарный американский пионер, первопроходец; участвовал в войнах с индейцами; открыл множество территорий, славен своими подвигами (например, однажды вместе со своим товарищем он преодолел по лесу около 1300 километров за 62 дня!)

зитель взял в руки оба конца веревки, собираясь завязать их узлом.

— Погоди, — вдруг остановил его Мера. — Я позову Эла-младшего.

И затрусил по склону к каменоломням.

Сказитель бросил веревку на землю.

— Элвин-младший и узлы вяжет? Я думал, что взрослые парни вроде вас затянут куда крепче.

— У него дар, — усмехнулся Дэвид.

— По-моему, у каждого из вас имеется какой-то дар.

— Есть такое дело.

— Вот Дэвид, к примеру, умеет обращаться с дамами, — сказал Кальм.

— А Кальм танцует, как никто другой. И на скрипке играет — музыкант позавидует, — промолвил Дэвид. — Правда, не всегда в такт попадает, но смычок так и ходит.

— У Меры верный глаз, — продолжал Кальм. — Он видит, как никто в здешних краях.

— Дарами мы не обделены, — подтвердил Дэвид. — Близнецы чувствуют, где произойдет какая-нибудь беда, и все время оказываются поблизости.

— А папа — тот умеет сращивать вещи. Работой по дереву, когда нужно какую мебель для дома

сделать, занимается только он.

— У женщин — свои умения.

— Но Эл-младший один такой, — сказал Кальм.

Дэвид мрачно кивнул.

— Дело в том, Сказитель, что он, такое впечатление, даже не ведает о своих способностях. Ну, я хочу сказать, он всегда словно удивляется, когда у него что-нибудь выходит гладко и ладно. Он очень гордится, когда мы поручаем ему какую-нибудь работу. И я никогда не видел, чтобы он насмехался над людьми, видя, что они по сравнению с ним ничего не умеют.

— Он хороший мальчик, — сказал Кальм.

— Правда, немного неуклюжий, — добавил Дэвид.

— Ну нет, — не согласился Кальм. — Он как раз ни в чем не виноват.

— Проще сказать, всякие неприятности случаются с ним чаще, чем с остальными.

— Но я бы не сказал, что он приносит несчастье, — заметил Кальм.

— Я о несчастьях тоже не говорил.

Сказитель про себя отметил, что оба юноши, пусть ненарочно, но дважды вспомнили о беде. Но он не стал их поправлять. Ведь надо помянуть дурное *трижды*, чтобы оно непременно случи-

лось. Теперь ошибку можно исправить только молчанием. Однако юноши и сами поняли, что натворили. Поэтому тоже примолкли.

Вскоре с холма спустился Мера, ведя за собой Элвина-младшего. Сказитель не мог заговорить первым, поскольку участвовал в прежней беседе. Но будет еще хуже, если первым скажет слово Элвин, поскольку именно его имя связывали с несчастьями. Поэтому Сказитель внимательно посмотрел Мере в глаза и чуть-чуть приподнял бровь, показывая, что начать разговор следует ему.

— А-а, папа решил остаться наверху. Приглядеть за жерновом, — ответил Мера, думая, что Сказитель удивляется, почему не пришел Элвин Миллер.

Сказитель услышал, как Дэвид и Кальм облегченно вздохнули. Третий заговоривший не имел на уме дурного, так что теперь Элвину-младшему ничего не грозило.

— А что может случиться с камнем? Никогда не слышал, чтобы краснокожие воровали булыжники, — заинтересовался Сказитель тем, что Миллер решил вдруг приглядеть за каменоломнями.

— Порой очень странные вещи случаются, в

особенности с жерновами, — поморщился Мера.

Завязывая узлы, Элвин перешучивался с Дэвидом и Кальмом. Он старался затянуть веревки как можно крепче, но Сказитель заметил, что дар вязать узлы здесь вовсе ни при чем. Стоило Элвину-младшему потянуть за веревку, как она сразу натягивалась и глубоко впивалась в зарубки на бревнах, надежно стягивая дровни. Если не приглядываться, этого можно было бы и не заметить, но Сказитель видел все собственными глазами. Веревки, завязанные Элом, будут держать вечно.

— Ну вот, теперь можно хоть на воду спускать, — поднялся с колен Элвин, чтобы повосхищаться своей работой.

— Этот плот поплывет по твердой земле, — сказал Мера. — Папа говорит, что к воде не подойдет, даже чтоб помочиться.

Поскольку солнце уже клонилось к западу, они принялись разводить костер. Днем их согревала работа, но ночью понадобится добрый огонь, чтобы отгонять животных и осенние холода.

На ужин Миллер не спустился, и когда Кальм принялся собирать еду в корзину, чтобы отнести отцу на холм, Сказитель предложил помочь.

— Ну, не знаю, — неуверенно протянул Кальм. — Я и сам справлюсь.

— Мне бы очень хотелось побывать наверху.

— Папа — он не любит, когда во время работы над камнем вокруг бродит много людей, ну, вот как сейчас. — На лице Кальма промелькнула робость. — Ведь он мельник, и это его будущий жернов.

— Я один — не так уж много, — резонно возразил Сказитель.

Кальм ничего не ответил. Сказитель последовал за ним по тропинке, вьющейся среди скал.

По пути они миновали два камня, из которых были вырезаны предыдущие жернова. Гладкие следы срубов, плавно закругляясь и образуя практически идеальный круг, шли от вершины камней до самой земли. Сказителю за свою долгую жизнь не раз доводилось наблюдать работу каменотесов, но такого он не видел никогда: как будто из скалы взяли и вытащили большой ровный круг. Обычно каменотесы откалывали кусок гранита и обтесывали его на земле. В этом содержалось немало преимуществ, главным из которых было то, что заднюю сторону камня иначе не обтесать, если специально не выбрать плоскую, не очень большую скалу. Кальм не стал задерживаться рядом с разработками, поэтому Сказитель не успел хорошенько разглядеть кам-

ни, из которых были вытесаны прежние жернова. Он так и не понял, каким образом каменотесу, трудившемуся здесь, удалось срезать заднюю часть камня.

Новое место разработок ничем не отличалось от предыдущих. Миллер сгребал обломки гранита в ровную кучку перед будущим жерновом. Сказитель задержался поодаль и, воспользовавшись тем, что солнце не совсем село, внимательно осмотрел скалу. За один день, без чьей-либо помощи, Элвин-младший гладко обтесал внешнюю сторону камня и обрезал по краям, сделав окружность. Создавалось впечатление, будто к скале зачем-то прилепили новенький мельничный жернов. Даже дырка в середине камня, где пройдет ось мельничного механизма, была уже просверлена. За один-единственный день Элвин проделал всю работу. Правда, никакой резец в мире не сможет отделить камень от скалы.

— У мальчика действительно дар, — удивился Сказитель.

Миллер буркнул что-то невнятное.

— Слышал, ты собираешься провести здесь всю ночь, — продолжил Сказитель.

— Правильно слышал.

— Не возражаешь, если я присоединюсь?

Кальм закатил глаза.

Но Миллер, подумав немножко, пожал плечами:

— Устраивайся.

Кальм, широко раскрыв глаза, смерил Сказителя удивленным взглядом. Потом вздернул брови, как бы намекая на чудеса, которые еще случаются.

Поставив корзину с ужином для Миллера, юноша зашагал вниз по тропке. Элвин-старший опустился на землю рядом с кучей каменных осколков.

— Поесть успел?

— Я лучше наберу хвороста для костра, — ответил Сказитель. — Пока совсем не стемнело. Ты ешь.

— Поосторожней там, на змею не наступи, — предупредил Миллер. — В основном они уже расползлись по норам, готовясь к зимней спячке, но всякое бывает.

Сказитель внял предупреждению, но ни одной змеи так и не увидел. Вскоре перед ними весело плясали жаркие огоньки, жадно пожирая огромное бревно, которое будет гореть до самого утра.

Завернувшись в одеяла, они легли рядом с костром. Сказителю вдруг пришло на ум, что

Миллер мог бы найти местечко поуютнее, чем лежать чуть ли не на куче щебня. Но, видимо, по каким-то причинам мельнику не хотелось спускать глаз с будущего жернова.

Сказитель завел разговор. Он отметил, как, должно быть, тяжело отцам воспитывать детей — надежда наполняет сердца, но смерть приходит нежданно и отнимает ребенка. Сказитель правильно угадал тему, потому что вскоре говорил в основном Элвин Миллер. Он рассказал, как его старший сын Вигор погиб в реке Хатрак спустя считанные минуты после рождения Элвина-младшего. Затем принялся описывать всевозможные переделки, в которые за свою жизнь попадал Эл-младший, каждый раз проходя на волосок от смерти.

— И в каждой передряге всегда участвовала вода, — подвел итог Миллер. — Мне никто не верит, но я говорю чистую правду. Во всем была виновата вода.

— Вопрос состоит в том, — догадался Сказитель, — несет ли вода зло, пытаясь уничтожить хорошего и доброго мальчика? Или, наоборот, пытается сделать добро, стерев с лица земли злую силу?

Многие, услышав похожие слова, наверняка

бы разозлились, но Сказитель давным-давно отчаялся научиться предугадывать вспышки гнева Элвина-старшего. К примеру, сейчас он вовсе не разъярился.

— Я сам об этом думал, — признался Миллер. — Я все время приглядываюсь к нему, Сказитель. Он обладает даром вызывать у людей любовь. Даже сестры обожают его. Он беспощадно измывается над ними с тех самых пор, как достаточно подрос, чтобы плюнуть им в тарелку. И они платят ему той же монетой, подстраивая всякие гадости, — и не только на Рождество. То носки зашьют, то измажут сажей стульчак в туалете, то иголок в ночную рубашку напихают, но вместе с тем они готовы умереть за него.

— Мне приходилось встречаться с людьми, — промолвил Сказитель, — которые обладали даром завоевывать любовь ближних, вовсе не заслуживая ее.

— Вот и я боюсь того же, — вздохнул мельник. — Но парнишка даже не подозревает о своем даре. Он не вертит людьми как попало. Совершив проступок, он сносит заслуженное наказание. Хотя мог бы остановить меня, если б захотел.

— Как же это?

— Ему хорошо известно, что иногда, глядя на

него, я вижу Вигора, своего первенца. И тогда я не способен поднять на него руку, хоть это и пошло бы ему на пользу.

«Может, отчасти, так, — подумал про себя Сказитель. — Но это еще не вся правда».

В воздухе повисла тишина. Чуть спустя, когда Сказитель приподнялся на локте, чтобы поправить лежащее в огне полено, Миллер наконец решился рассказать то, за чем пришел Сказитель.

— Есть у меня одна история, — сказал он, — которая подошла бы для твоей книжки.

— Ну, попробуй, — пожал плечами Сказитель.

— Но случилась она не со мной.

— Тогда ты должен был присутствовать при происходящем, — произнес Сказитель. — Я выслушивал самые сумасшедшие басни, которые якобы случились с другом брата одного знакомого.

— О, я видел все собственными глазами. Много лет подряд это случается, и я не раз обсуждал происходящее с тем человеком. Это один из шведских поселенцев, что живет в низовьях реки, по-английски он говорит не хуже меня. Мы помогали ему строить хижину и амбар, когда он переехал сюда, спустя несколько лет после нас. Уже тогда

я стал присматриваться к нему. Видишь ли, у него есть сын, белокурый мальчик, ну, в общем, типичный швед.

— Волосы абсолютно белые?

— Ну да, словно иней при первых лучиках солнца, аж сияют. Красивый парнишка.

— Вижу как наяву, — кивнул Сказитель.

— Тот парнишка… в общем, отец очень любил его. Больше жизни. Наверное, ты слышал ту библейскую историю, в которой отец подарил сыну разноцветное платье? [40]

— Приходилось.

— Он любил своего сына не меньше. Так вот, однажды я увидел, как они гуляли вдоль реки. Вдруг на отца что-то нашло, он со всех сил пихнул своего сына, и тот свалился прямо в воду. Малышу повезло, он ухватился за бревно, что проплывало рядом, и его отец и я вытащили мальчика. Я, помню, страшно перепугался: не верил собственным глазам, ведь отец мог убить любимого сына. Но не подумай, он вовсе не хотел убивать его, однако если б мальчик утонул, тщет-

---

40 notes: Note40

имеется в виду история об Израиле, который сшил своему любимому сыну Иосифу разноцветную одежду: «Израиль любил Иосифа более всех сыновей своих, потому что он был сын старости его…» (Библия, Бытие, глава 37)

но отец винил бы себя.

— Представляю. Отец, наверное, не пережил бы этого.

— Конечно, нет. Потом я еще пару раз встречался с тем шведом. Как-то раз он рубил дерево и так размахнулся топором, что, если б мальчик в ту секунду не поскользнулся и не упал, лезвие вонзилось бы прямо ему в голову. После такого удара вряд ли бы кто выжил.

— Уж я бы точно помер.

— И я попытался представить, что было бы дальше. О чем бы думал отец. Поэтому, заглянув к нему в гости, я сказал: «Нильс, тебе бы быть поосторожнее с мальчишкой. В один прекрасный день ты раскроишь ему голову, если и дальше будешь бездумно махать топором».

А Нильс мне и ответил: «Мистер Миллер, то была вовсе не случайность». Помню, услышав его ответ, я немало растерялся и даже забыл, где нахожусь. Что он имел в виду, говоря, будто бы это не случайность? Но он мне объяснил: «Вы и не подозреваете, что происходит на самом деле. Может, ведьма какая наслала на меня проклятие или дьявол мозги похитил, но стучал я мирно топором, думал, как сильно люблю своего сына, и вдруг ощутил страшное желание убить его.

Впервые подобное затмение нашло на меня, когда он был грудным младенцем, а я держал его на руках, стоя у нас дома, на лестнице, что вела на второй этаж. Словно голос чей-то в моей голове заговорил, подзуживая: „Брось, ну, брось его вниз“. И мне страшно захотелось подчиниться этому настоянию, хотя я знал, что совершу страшнейший грех в мире. Я мечтал бросить сына об пол, я превратился в мальчишку, давящего жука булыжником. Я *жаждал увидеть*, как голова его расколется, ударившись о доски пола.

Но я поборол желание, подавил его и прижал сына к себе так крепко, будто хотел задушить. Положив наконец мальчика в колыбельку, я понял, что отныне никогда не буду ходить с ним на руках по лестницам.

Но я же не мог позабыть о его существовании, ведь он мой родной сын. Он рос чистым, хорошим, замечательным мальчиком, и я не мог не любить его. Если я начинал избегать его, он плакал, потому что папа не играл с ним. Но, оставаясь с ним, я ощущал прежнее желание убить — оно возвращалось снова и снова. Не каждый день, но довольно часто. Иногда оно завладевало мной настолько стремительно, что я какое-то время не осознавал, что творю. Как в тот день,

когда я сбил его в реку. Я тогда споткнулся и ударил его, но, делая шаг, я знал, что непременно споткнусь и обязательно собью с ног сына — я *знал,* но не успел остановить себя. И я понимаю, что когда-нибудь не смогу остановиться и убью своего сына, если он попадется под руку».

Сказитель заметил, что рука Миллера слегка дернулась, как будто смахивая со щеки слезы.

— Неправда ли, странно? — спросил Миллер. — Отец питает столь противоречивые чувства к собственному сыну.

— А у того шведа есть другие сыновья?

— Есть несколько, постарше. А что?

— Я вдруг подумал, а не хотелось ли ему когда-нибудь и их убить?

— Никогда, ни разу. Я тоже его об этом спросил. Спросил, и он ответил: «Ни разу».

— И что же, мистер Миллер, вы ему посоветовали?

Миллер несколько раз глубоко вдохнул.

— Я не знал, что ему и посоветовать. Некоторые вещи я просто не могу осмыслить — они слишком велики для меня. К примеру, почему вода хочет убить моего Элвина? И этот швед со своим сыном… Может быть, некоторым детям нельзя становиться взрослыми. Ты как думаешь,

Сказитель?

— По-моему, иногда рождаются дети, которые настолько важны для всего мира, что кто-то — некая неведомая сила — желает им смерти. Однако той силе всегда противостоят другие стихии, может быть, куда более могущественные, которые охраняют детей.

— Тогда почему эти силы никак не проявляются? Почему не явится кто-нибудь и не скажет… не явится к тому бедняге шведу и не скажет ему: «Ты не бойся, твоему мальчику больше ничего не грозит!»

— Вероятно, эти силы не умеют говорить, а могут проявить себя только поступками.

— Единственная сила, которая проявляется в этом мире, — та, что убивает.

— Ничего не могу сказать насчет того мальчика шведа, — промолвил Сказитель, — но мне кажется, что *твоего* сына защищает нечто весьма могущественное. Судя по твоим словам, чудо, что он вообще ходит по свету, поскольку должен по меньшей мере десять лет назад лечь в могилу.

— Это правда.

— Я думаю, что-то или кто-то его бережет.

— Плохо бережет.

— Но ведь вода пока не добралась до него?

— Ты представить себе не можешь, Сказитель, насколько близко она подбиралась.

— Если ж говорить о шведе, то я точно знаю, что его кто-то бережет.

— Кто же? — поинтересовался Миллер.

— Да его собственный отец хотя бы.

— Отец — его злейший враг, — покачал головой Миллер.

— Я так не считаю, — возразил Сказитель. — Знаешь ли ты, сколько отцов случайно убивают своих сыновей? Идут на охоту, и ружье вдруг случайно выстреливает. Или телегой переезжают сына, или падает он откуда-нибудь. Такое происходит везде и всюду. Может, те отцы просто *не* видя*т*, что происходит. Однако твой швед очень умен, он видит и поэтому следит за каждым своим шагом, вовремя себя удерживая.

— Послушать тебя, он вовсе не так уж плох, как кажется, — в голосе Миллера прозвучала толика робкой надежды.

— Если б он был дурным человеком, мистер Миллер, его сын давно бы лежал в могиле.

— Возможно, возможно.

Миллер снова задумался. На этот раз он молчал долго — Сказитель даже успел задремать. Проснулся он, когда Миллер говорил:

— …все хуже и хуже. Все труднее ему бороться с этими желаниями. Недавно он работал на сеновале на… в сарае, скидывая на телегу солому. А сразу под ним стоял его мальчик — ему и надо было всего лишь выпустить из рук вилы. Легче легкого, а потом бы он сказал, что вилы сами выскользнули у него из рук, и никто бы ничего плохого не подумал. Надо было просто отпустить их, чтобы насквозь прошить мальчишку. И он уже собрался это сделать. Ты понимаешь? Он больше не мог бороться с нарастающим желанием, оно было сильнее, чем обычно, и он *поддался.* Решил уступить и покончить с этим сумасшествием. Но в тот самый миг, откуда ни возьмись, в дверях объявился незнакомец и закричал: «Нет!» И я опустил вилы… это он так сказал: «Я опустил вилы, но тело мое так дрожало, что я шагу ступить не мог. Я знал, что незнакомец разглядел живущую в моем сердце жажду убийства и, наверное, посчитал меня самым ужасным человеком в мире, раз я замыслил убийство собственного сына. Он и догадываться не мог, какую упорную борьбу я вел все прошлые годы…»

— А может быть, тот незнакомец знал кое-что о силах, обитающих в сердце каждого человека? — предположил Сказитель.

— Ты думаешь?

— Ну конечно с полной уверенностью я утверждать этого не могу, но скорее всего тот незнакомец понял, насколько отец любит сына. Возможно, долгое время незнакомец пребывал в растерянности, но наконец понял, что ребенок, обладая исключительными силами, нажил весьма могущественных врагов. А после, поразмыслив как следует, пришел к выводу, что скольких бы врагов мальчик ни имел, его отец не входит в их число. Что он не враг ему. И у него нашлись бы слова, которые он мог бы сказать отцу того мальчика.

— И что же это были бы за слова? — Миллер снова провел по щеке рукавом.

— Как ты считаешь, что мог бы сказать незнакомец?

— Может, ему захотелось бы сказать: «Ты сделал все, что было в твоих силах, теперь ты должен отступить. Должен отослать мальчика подальше от себя. К родственникам на восток или подмастерьем в какой-нибудь город». Решение будет не из легких, потому что отец очень любит своего сына, но вместе с тем он знает, что любить — значит защищать.

— Верно, — кивнул Миллер.

— И если уж мы заговорили на эту тему, — продолжал Сказитель, — может быть, тебе следует подумать о том же. Касательно Элвина.

— Возможно, — согласился мельник.

— Ты же сам утверждал, что вода угрожает ему. И его кто-то защищает — кто-то или *что-то.* Но если случится, что Элвин уедет отсюда…

— Часть опасностей отступит, — пробормотал Миллер.

— Ты подумай, — посоветовал Сказитель.

— У меня сердце щемит при одной мысли отсылать сына к чужим людям, — сказал Миллер.

— Оно еще больше защемит, когда ты станешь зарывать его в землю.

— Да, — кивнул Миллер. — Похоронить собственного сына — что может быть страшнее?

Больше они не разговаривали, заснув вскоре крепким сном.

Утро выдалось холодным, траву покрыл толстый слой инея, и Миллер не подпускал Элвина-младшего к скале, пока солнце не растопило снежный налет. Все утро они посвятили разравниванию тропы, ведущей от каменоломен к дровням, чтобы легко скатить жернов с холма.

К тому времени Сказитель полностью уверился, что Эл-младший пользовался скрытыми

силами, чтобы отделить жернов от камня, пусть даже сам этого не понимал. Сказитель сгорал от любопытства. Ему не терпелось увидеть, насколько могущественны его силы, — тогда он сможет кое-что понять об их природе. А поскольку Элмладший не понимал, что делает, Сказитель тоже должен был действовать осторожно.

— А как вы обрабатываете жернов? — спросил Сказитель.

Миллер пожал плечами:

— Раньше я всегда использовал бурский камень. На нем идет серповидная нарезка.

— А ты нарисовать можешь? — попросил Сказитель.

Острым камешком Миллер начертил круг на тонкой изморози инея. Затем нанес на него несколько полукружий, начинающихся у центра и идущих к краям. Между двумя большими полукружиями он пририсовал по маленькой дуге, которая начиналась у края жернова, но, не дойдя примерно одной трети до центра, обрывалась.

— Вот так примерно он выглядит, — сказал Миллер.

— Жернова, которые я видел в Пенсильвании и Сасквахеннии, носят большей частью четвертную нарезку, — проговорил Сказитель. — Ты

видел ее когда-нибудь?

— Нарисуй.

Сказитель начертил еще один круг. Он вышел не таким ладным, поскольку иней начал стаивать, но кое-что было видно. Вместо полукружий Сказитель нарисовал прямые линии, от которых, заканчиваясь у края жернова, отходили линии поменьше.

— Некоторые мельники предпочитают эту нарезку, поскольку она меньше тупится. Кроме того, линии прямые, а стало быть, их легче наносить, обрабатывая камень.

— Ага, вижу, — кивнул Миллер. — Хотя не знаю. Я привык к изгибам.

— Ну, дело твое, — пожал плечами Сказитель. — Я на мельнице никогда не работал, так что не знаю. Я лишь рассказываю о том, что видел.

— Да нет, я вовсе не против, — сказал Мельник. — Вовсе не против.

Подошел Эл-младший и встал рядом, изучая оба круга.

— Думаю, если мы таки притащим этот камень домой, — решил Миллер, — попробую я эту четвертную нарезку. Вроде бы ее и в самом деле будет полегче натачивать.

Наконец земля просохла, и Эл-младший подо-

шел к скале. Остальные юноши остались внизу, собирая лагерь или занимаясь лошадьми. Только Миллер и Сказитель остались у каменоломни, когда Элвин снова взялся за молот. Ему надо было немного подровнять жернов, чтобы по всей окружности он углублялся на равное расстояние.

К удивлению Сказителя, Эл-младший едва ударил по резцу, как от скалы откололся сразу целый кусок гранита, длиной дюймов шесть, не меньше.

— Этот камень не тверже угля! — воскликнул Сказитель. — Что же за жернов из него получится, если он крошится от малейшего стука?

Миллер ухмыльнулся и потряс головой.

Эл-младший отступил на шаг от камня.

— Нет, Сказитель, на самом деле это *очень твердый* камень. Надо просто знать, как и куда бить. Хочешь, сам убедись.

Он протянул резец и молот. Сказитель взял инструменты и приблизился к скале. Осторожно приладив к камню резец, чуть-чуть под углом от перпендикуляра, он пару раз на пробу стукнул по нему. Наконец он размахнулся и ударил со всех сил.

Резец зайцем выпрыгнул у него из левой руки, а отдача от удара была так велика, что он выро-

нил молот.

— Извините, — поморщился он. — Мне доводилось заниматься обработкой камня, но, должно быть, я несколько утратил навык…

— Да нет, это камень такой, — сказал Эл-младший. — Он немного своенравный. И поддается, только если бить по нему в определенных направлениях.

Сказитель осмотрел место, где пытался расколоть кусочек. И ничего не нашел. Его сильный удар даже царапины не оставил на скале.

Эл-младший подобрал инструменты и снова приладил резец к камню. Сказителю показалось, что и он ставил туда же. Но Эл объяснял, что якобы резец стоит совсем по-другому:

— Видишь, вот такой угол надо держать. Примерно.

Он взмахнул молотом, железо зазвенело, на камне появилась трещина — и снова щебенка застучала по земле.

— Теперь я понимаю, почему вы доверяете ему обрабатывать жернов, — признался Сказитель.

— Да, так меньше хлопот, — подтвердил Миллер.

Спустя пару минут камень образовал идеальный круг. Сказитель не произнес ни слова,

наблюдая, что Эл будет делать дальше.

Мальчик положил на землю резец и молот, подошел к жернову и обхватил его руками. Правая рука ухватилась за изгиб. Пальцы левой руки проникли в трещину напротив. Щекой Элвин прижался к камню. Глаза его были закрыты. Казалось, будто бы он прислушивается к тому, что творится внутри скалы.

Затем он начал тихонько напевать. Что-то неразборчивое. Он передвинул руки. Переместился немного в сторону. Прислушался другим ухом.

— М-да, — сказал наконец Элвин. — Трудно поверить.

— Чему? — спросил отец.

— Последние несколько ударов, наверное, всю скалу растрескали. Задняя половина полностью отделилась.

— Ты хочешь сказать, что жернов стоит сам по себе? — удивился Сказитель.

— Думаю, мы можем катить его, — кивнул Элвин. — Придется повозиться с веревками, но вытащить его можно без особых проблем.

Вскоре подошли братья, неся веревки и ведя лошадей. Элвин закинул веревку за камень. И несмотря на то что заднюю половину и не пыта-

лись отбить от скалы, веревка легко провалилась. За ней последовала еще одна веревка, потом — другая, и вскоре Элвин-старший, его сыновья и Сказитель принялись дружно тянуть: сначала влево, затем вправо, раскачивая и постепенно вытаскивая тяжеленный камень из углубления в скале.

— Если б я собственными глазами не видел… — пробормотал под нос Сказитель.

— Но ведь видел же, — усмехнулся Миллер.

Камень вылез на несколько дюймов. Они сменили веревки, пропустив их через отверстие посредине жернова, и впрягли в них лошадей, стоящих выше на склоне холма.

— Он сам покатится вниз, — пояснил Миллер Сказителю. — Лошади его придержат немного, чтобы не слишком разгонялся.

— Тяжелый он.

— Да, ложиться под него всяко не стоит.

Осторожно они покатили камень. Миллер ухватил Элвина за плечо и удерживал мальчика подальше от жернова. Сказитель помогал управляться с лошадьми, поэтому ему так и не удалось взглянуть на заднюю сторону камня, пока жернов не встал рядом с дровнями.

Поверхность была гладкой, как попка мла-

денца. Как лед в ведерке. Лишь острые линии проходили по ней, образуя четвертную нарезку и протянувшись от дыры в центре к краям.

Элвин подошел к Сказителю.

— Все правильно? — спросил он.

— Да, — кивнул Сказитель.

— Очень повезло, — сказал мальчик. — Я вдруг почувствовал, что камень готов треснуть прямо по этим линиям. Он рад был отделиться таким образом, и делать ничего не пришлось.

Сказитель протянул руку и тихонько провел пальцем по линии нарезки. Что-то защипало. Он сунул палец в рот, пососал и почувствовал на языке вкус крови.

— Камень бывает ужасно острым, да? — полюбопытствовал Мера.

Его голос звучал вполне обыденно, словно подобное случается каждый Божий день. Но Сказитель уловил восхищение, скользнувшее в его глазах.

— Отличная работа, — сказал Кальм.

— Лучше не видел, — согласился Дэвид.

Лошади снова натянули веревки, и камень медленно лег на дровни нарезкой вверх.

— Окажешь мне одну услугу, Сказитель? — подошел к старику Миллер.

— Все, что в моих силах.

— Забирай Элвина и поезжай домой. Он отлично справился со своей частью работы.

— Папа, нет! — закричал Элвин, подбежав к отцу. — Теперь я точно никуда не поеду.

— Мне не нужно, чтобы под ногами болталась всякая мелюзга, пока мы будем тащить этот камень, — ответил отец.

— Но я должен присмотреть за ним. Вдруг он треснет или еще что случится, пап?

Старшие сыновья молча смотрели на отца, ожидая его решения. Сказитель попытался представить, о чем они сейчас думают. Они уже не маленькие, поэтому вряд ли завидуют той особой любви, с которой отец относится к своему седьмому сыну. Они, наверное, не меньше его хотят, чтобы мальчик вернулся живым и здоровым. Однако не менее важно, чтобы жернов прибыл целым и невредимым и мельница наконец заработала. В том, что Элвин способен помочь сохранить камень, сомневаться не приходилось.

— Поедете с нами до заката, — наконец решил Миллер. — А там уже и до дома будет недалеко, так что вы со Сказителем сможете провести ночь в уютных кроватях.

— Я — за, — согласился Сказитель.

Элвин-младший не испытывал особого восторга от решения отца, но ничего в ответ не возразил.

В путь они двинулись незадолго до полудня. Двух лошадей запрягли в жернов спереди, и двух — сзади, чтобы тормозить. Камень величественно возлежал на деревянных дровнях, а сами дровни — на семи или восьми шестах. Дровни двигались вперед, перекатываясь по шестам. Всякий раз, когда один из кольев выскакивал сзади, кто-нибудь из юношей выхватывал его из-под веревок, которыми были привязаны лошади, бежал вперед и снова подкладывал под дровни. Это означало, что на каждую милю пути камня приходилось пробегать по пять миль.

Сказитель попытался было помочь, но Дэвид, Кальм и Мера ничего и слышать не захотели. Кончилось все тем, что его поставили надзирать за двумя задними лошадьми, на спине одной из которых гордо восседал Элвин. Миллер вел вперед первую пару лошадей, периодически оглядываясь, чтобы посмотреть, не быстро ли он тащит и успевают ли сыновья.

Час за часом они шли вперед. Миллер предложил остановиться и передохнуть, но юноши, казалось, не устали, да и колья, что подкладывали

под дровни, к огромному изумлению Сказителя, еще держались. Ни один не расщепился о случайный булыжник на дороге или под весом жернова. Шесты слегка обтрепались да ободрались — и больше ничего.

Когда солнце зависло в двух пальцах от западного горизонта, полуутонув в пурпурных облаках, Сказитель вдруг узнал открывшийся перед ними луг. Весь путь они проделали за один день.

— Иногда мне кажется, что у меня самые сильные братья на свете, — пробормотал Элвин.

«Не сомневаюсь, — согласился молча Сказитель. — Ты способен голыми руками отколоть от скалы огромный камень, якобы „следуя“ тоненьким жилкам в граните; неудивительно, что в твоих братьях находится ровно столько силы, сколько ты в них видишь». В который раз Сказитель попытался проникнуть в природу скрытых сил. Наверняка ими управляют какие-то естественные законы — и старик Бен думал точно так же. И вот перед ним стоит мальчик, который простой верой и желанием может резать камень, как масло, и вселять силу в братьев. Существовала теория, что скрытая сила связана с какой-то определенной стихией, но какая стихия способна сотворить то, что сделал сегодня Элвин? Земля?

Воздух? Огонь? Уж всяко не вода, ибо Сказитель знал, что рассказанное Миллером — правда. Тогда почему, стоит Элвину-младшему пожелать, и земля склоняется перед его волей, в то время как остальные целую жизнь тратят, а даже жалкого ветерка создать не могут?

Чтобы закатить жернов в мельницу, потребовалось бы зажечь лампы.

— Ничего, полежит ночку на улице, — пробурчал Миллер.

Сказитель подумал о страхах, которые терзали сейчас мельника. Если он оставит жернов рядом с мельницей, то камень непременно скатится утром со склона и раздавит некоего мальчика, когда тот невинно понесет воду в дом. А поскольку жернов каким-то чудом спустили с каменоломен за один день, было бы глупо не положить его туда, где он и должен лежать, — на землю и щебень внутри мельницы.

Они втащили камень внутрь, после чего запрягли лошадей так, как запрягали, когда укладывали камень на дровни. Снова лошади будут придерживать его, постепенно опуская на основание.

Но пока камень покоился на горке земли рядом с кругом щебня, Мера и Кальм просовывали под него шесты, чтобы приподнять и перетащить его

на место. Жернов тихонько покачивался из стороны в сторону. Дэвид держал лошадей, чтобы те не потянули слишком сильно и не перевернули камень, уложив его нарезкой в обыкновенную грязь.

Сказитель стоял неподалеку, наблюдая, как Миллер руководит сыновьями ненужными «Сейчас осторожней» и «Теперь потихоньку». С тех пор как они втянули камень внутрь мельницы, Сказитель старался придерживать Элвина рядом. Одна из лошадей отчего-то вдруг заволновалась.

— Кальм, помоги брату управиться с лошадьми! — приказал Миллер. И сам сделал шаг к упряжке.

В эту секунду Сказитель осознал, что Элвин куда-то подевался. Мальчик тащил метлу, быстро приближаясь к жернову. Может быть, он заметил горку камней в основании и решил разровнять ее. Лошади шарахнулись назад; веревки ослабли. Увидев, что Элвин скрылся за камнем, Сказитель понял: теперь, когда веревки не натянуты, ничто не удержит жернов, если тот вдруг решит перевернуться.

В мире, где действуют физические законы, он никогда бы не перевернулся. Но за сегодняшний день Сказитель успел убедиться, что в этом мире

не действуют никакие законы. У Элвина-младшего был могучий невидимый враг, который ни за что не упустит такой удобной возможности.

Сказитель рванулся вперед. И, поравнявшись с камнем, почувствовал, как твердая земля под его ногами чуть-чуть просела. Ненамного, всего на несколько дюймов, но этого вполне хватило, чтобы нижний край камня подался вперед, а верхняя часть разом переместилась фута на два — это произошло так быстро, что падение было не остановить. Жернов должен был упасть прямо на основание, похоронив под собой Элвина-младшего, растерев его в пыль, как зерно.

С громким криком Сказитель ухватил Элвина за руку и рванул мальчишку назад, вытаскивая из-под камня. Только тогда Элвин заметил громаду, падающую на него. Сказителю достало силы, чтобы протащить мальчика несколько футов — и все же этого оказалось мало. Ноги Элвина по-прежнему лежали в надвигающейся тени жернова. Теперь камень падал быстрее, куда быстрее, и Сказитель не успевал ничего сделать. Он мог лишь смотреть, как огромный вес перемалывает ноги Элвина. Он знал: остаться без ног равносильно смерти, правда, конец наступает несколько позднее. Он ошибся и не успел.

Вдруг на его глазах по неотвратимо падающему камню пробежала глубокая трещина, а меньше чем через мгновение жернов начал трескаться пополам. Вместо целого камня падали две половинки, и каждая двигалась по плавной дуге, так что обломки должны были опуститься на землю по обе стороны от ног Элвина, не коснувшись его.

Но одновременно с тем, как сквозь твердь жернова пробился лучик света от лампы, Элвин отчаянно закричал:

— Нет!

Всем остальным могло показаться, что мальчик кричит, испугавшись камня, который нес несомненную смерть. Но Сказитель, который лежал на земле рядом с Элвином и ясно видел лампу, ослепительно сияющую сквозь трещину в жернове, воспринял этот крик несколько иначе. Позабыв о нависшей опасности, как это свойственно детям, Элвин кричал, протестуя против того, чтобы жернов разламывался. Он столько трудился над камнем, столько сил ушло, чтобы привезти его сюда, — Элвин не мог вынести, что жернов вот-вот превратится в ненужные осколки.

Все произошло согласно его желаниям. По-

ловинки камня немедля прыгнули обратно навстречу друг другу, как иголка прыгает к магниту, и жернов вновь стал целым.

Громадная вытянувшаяся тень покрыла следы Элвина. На самом деле только одна, правая нога Элвина попала под камень. Его левая нога, подвернувшись, оказалась вне досягаемости. А вот правая легла так, что жернов захватывал по меньшей мере два дюйма голени. Поскольку Элвин продолжал подтягивать ногу к себе, падающая громада, защемив, протолкнула ее немного вперед. Она содрала огромный кусок кожи и мускулов, дойдя до самой кости, но всю ногу не отняла. Дело обошлось бы одной раной, если б не метла, попавшая под ногу. Камню, прижавшему голень Элвина к лежащей на земле метле, было достаточно легкого нажатия, чтобы переломать нижнюю кость ноги на две ровные половинки. Острые концы кости прорвали кожу и одновременно вышли сразу с двух сторон, словно тисками зажав палку метлы. И все же нога не осталась похороненной под жерновом, а перелом был чистым, кости не растерлись в ничто, попав под вес камня.

Воздух был наполнен треском камней, отчаянными криками мужчин, но весь шум легко

перекрыл пронзительный, страдальческий крик маленького мальчика, который никогда не был так юн и хрупок, как в эту минуту.

Сказитель, поскольку находился ближе всех, первым заметил, что камень не захватил ног Элвина. Элвин попытался сесть и взглянуть на рану. То ли вид, то ли боль от нее окончательно сломили его, и он потерял сознание. Тут же его подхватили сильные руки отца — Миллер, стоявший дальше всех от места происшествия, двигался куда быстрее братьев Элвина. Сказитель попытался ободрить его, сказав, что, хоть кости и вышли наружу, перелом не опасен. Миллер поднял сына, но нога не поддалась, и боль была настолько ужасна, что Элвин бессознательно вскрикнул. Взяв себя в руки. Мера опустился на колени и, надавив на ногу мальчика, освободил ее от метлы.

Дэвид сжимал в руках ярко горящую лампу. Шагнув за порог, Миллер понес мальчика к дому, а Дэвид бежал рядом, освещая путь. Мера и Кальм было ринулись следом, но их окликнул Сказитель:

— В доме есть женщины, туда пошли Дэвид и ваш отец, — сказал он. — Но кому-то надо прибраться в мельнице.

— Ты прав, — кивнул Кальм. — Вряд ли в ближайшее время отец здесь появится.

При помощи шестов юноши немного приподняли жернов, чтобы Сказитель мог вытащить метлу и освободить веревки, привязанные к лошадям. Втроем они навели порядок внутри, поставили лошадей в конюшню и забрали из повозки инструмент и прочие вещи. Только после этого Сказитель вернулся в дом. Элвин к тому времени забылся сном в постели Сказителя.

— Мы подумали, ты не станешь возражать, — с беспокойством объяснила Энн.

— Конечно, нет, — ответил Сказитель.

Остальные девочки и Кэлли мыли тарелки, оставшиеся после ужина. В комнате, в которой раньше спал Сказитель, поджав губы, сидели пепельно-серые Вера и Миллер. На кровати лежал Элвин, нога его была туго перебинтована.

— Перелом оказался чистым, — шепотом объяснил Сказителю стоящий у дверей Дэвид. — Но рана… мы боимся заражения. Ему содрало всю кожу с передней части голени. Там кость видна, даже не знаю, как теперь это заживет.

— Вы приложили кожу обратно? — спросил Сказитель.

— Ту, что осталась, мы прижали к ране, а мама

пришила.

— Все правильно, — кивнул Сказитель.

Вера подняла голову:

— Стало быть, ты и во врачевании кое-что смыслишь, Сказитель?

— Ровно столько, сколько смыслит человек, пытающийся делать, что в его силах, и живущий рядом с людьми, которые знают не больше его.

— Как могло так случиться? — произнес Миллер. — Почему? Ведь столько раз он мог пострадать, а оказывался жив-здоров. — Он поднял голову и поглядел на Сказителя. — А я начал подумывать, что мальчика и впрямь кто-то защищает.

— Защищает.

— Значит, защитник его подвел…

— Защитник сделал, что мог, — возразил Сказитель. — Я лежал рядом и видел, как падающий камень на секунду треснул. Еще немного, и нога Элвина осталась бы целой.

— Все в точности, как с той балкой, — прошептала Вера.

— И мне показалось то же самое, отец, — встрял Дэвид. — Но когда жернов упал и я увидел, что он цел, решил, что мне просто привиделось то, чего я очень желал.

— Сейчас в камне ни трещинки, — сказал Миллер.

— Да, — кивнул Сказитель. — И это потому, что Элвин-младший так решил.

— Ты хочешь сказать, он восстановил жернов? Дозволил, чтобы тот упал на него и повредил ногу?

— Я хочу сказать, что в ту секунду он не думал о ноге, — поправил Сказитель. — Его мысли были заняты ломающимся жерновом.

— О мой мальчик, мой милый мальчик, — пробормотала мать, нежно баюкая руку, которая безвольно лежала на простынях. Пальцы Элвина покорно сгибались, когда она на них нажимала, и тут же возвращались в прежнее положение.

— Возможно ли такое? — изумился Дэвид. — Чтобы камень треснул, а потом вдруг снова стал целым, и все за какое-то мгновение?

— Возможно, — ответил Сказитель. — Потому что это произошло.

Вера опять согнула пальцы своего сына, но на этот раз они не разогнулись. Наоборот, согнулись еще больше, сжались в кулак и уже потом тихонько распрямились.

— Он проснулся, — заметил отец.

— Пойду, поищу ему рому, — сказал Дэвид. —

Это уймет боль. Вроде бы у Армора в лавке завалялась пара бутылок.

— Нет, — прошептал Элвин.

— Мальчик говорит «нет», — промолвил Сказитель.

— Да что он понимает, боль, наверное, адская…

— Он должен сохранить разум, — пояснил Сказитель, вставая на колени перед кроватью, справа от Веры, и наклоняясь над мальчиком. — Элвин, ты слышишь меня?

Элвин застонал. Вероятно, это означало «да».

— Тогда слушай внимательно. Твоя нога очень сильно повреждена. Кости сломаны, но их поставили на место — прекрасно заживут сами. Но содрана вся кожа, и хоть твоя мать пришила ее обратно, существует вероятность, что она отомрет, а следовательно, начнется гангрена, которая убьет тебя. Большинство хирургов отрезали бы ногу целиком, чтобы спасти тебе жизнь.

Элвин замотал головой по подушке, отчаянно пытаясь кричать. Но с губ его сорвался лишь негромкий стон:

— Нет, нет, нет!

— Своими разговорами ты только бередишь его! — сердито рявкнула Вера.

Сказитель посмотрел на отца, как бы спраши-

вая разрешения продолжать.

— Не пытай мальчика, — сказал Миллер.

— Есть одно присловие, — вспомнил Сказитель. — Не учит яблоня бука, как цвести, ни лев — коня, как жертву загонять.

— И что это означает? — спросила Вера.

— Это означает, что не мое дело учить *его использовать* силы, которые выше моего понимания. Но поскольку он сам ничего не умеет, я должен попробовать. Вы разрешаете?

Миллер на секунду задумался.

— Давай, Сказитель. Уж лучше пусть сразу узнает, что дела плохи, а исцелится он или нет — посмотрим.

Сказитель нежно зажал ручку мальчика в пальцах.

— Элвин, ты же не хочешь лишиться ноги, правда? Тогда подумай о ней, как ты думал о камне. Ты должен представить, что кожа на ноге снова нарастает и вновь крепится к кости, как было. Ты должен научиться. Времени у тебя много, все равно лежишь. Не думай о боли, думай о том, какой должна стать твоя нога. Она должна опять стать здоровой и сильной.

Элвин, сжимая веки, боролся с наступающей болью.

— Ты сделаешь это, Элвин? Сможешь попробовать?

— Нет, — выдавил Элвин.

— Ты должен бороться с болью, чтобы воспользоваться своим даром возвращать целостность.

— Не буду, — прошептал Элвин.

— Почему?! — воскликнула Вера.

— Сияющий Человек, — еле-еле ответил Элвин. — Я обещал ему.

Сказитель вспомнил, какую клятву принес Элвин Сияющему Человеку, и сердце его опустилось.

— Что еще за Сияющий Человек? — спросил Миллер.

— Э-э… видение, которое явилось к нему в раннем детстве, — раскрыл тайну Сказитель.

— А почему мы об этом никогда прежде не слышали? — удивился Миллер.

— Это случилось вечером того дня, когда на Элвина упала балка, — ответил Сказитель. — Элвин пообещал Сияющему Человеку, что никогда не воспользуется своим даром ради собственной выгоды.

— Но, Элвин, — сказала Вера, — это ж не ради того, чтоб разбогатеть. Ты спасаешь себе *жизнь.*

Мальчик поморщился, борясь с очередным

приступом боли, и помотал головой.

— Пожалуйста, оставьте нас наедине, — попросил Сказитель. — На пару минут, чтобы я мог перемолвиться с мальчиком.

Не успел Сказитель договорить, как Миллер уже вытолкал из комнаты Веру и Дэвида и вышел сам.

— Элвин, — произнес Сказитель. — Ты должен выслушать меня, выслушать внимательно. Ты знаешь, я не стану лгать тебе. Клятва — ужасная вещь, и я бы никогда не посоветовал человеку отступиться от данного слова, даже ради спасения жизни. Поэтому я не буду убеждать тебя использовать силу себе на благо. Ты слышишь меня?

Элвин кивнул.

— Но сам подумай. Вспомни Разрушителя, идущего по миру. Никто не видит его, а он тем временем делает свое дело, разрушает и уничтожает. И никто не способен справиться с ним, кроме одного маленького мальчика. Кто этот мальчик, Элвин?

Губы Элвина чуть-чуть двинулись, как бы произнося слово, хотя не раздалось ни звука: «Я».

— И этому мальчику была дана сила, которую он сам понять не может. Сила создавать, препятствуя врагу. Больше того, Элвин, ему было дано

желание создавать. На каждый шаг Рассоздателя мальчик отвечает маленьким творением. А теперь скажи мне, Элвин, те, кто помогает Рассоздателю, — враги они или друзья человечеству?

— Враги, — беззвучно прошептали губы Элвина.

— Стало быть, раз ты помогаешь Рассоздателю уничтожить его самого опасного противника, ты — враг всему живому.

Мальчик издал страдальческий стон.

— Ты все переиначиваешь, — сказал Элвин.

— Наоборот, я разъясняю, — ответил Сказитель. — Ты дал клятву никогда не использовать дар на собственное благо. Но от твоей смерти выиграет один Рассоздатель, а если же ты выживешь, если нога заживет, все человечество ощутит добро, сделанное тобой. Нет, Элвин, ты излечишь себя ради нашего мира, вот в чем дело.

Элвин заплакал — сейчас ему куда большую боль причиняли страдания души, нежели боль тела.

— Ты дал клятву. Никогда не пользоваться даром ради собственной выгоды. Так почему бы не принести еще одну клятву, Элвин? Поклянись, что посвятишь всю свою *жизнь борьбе* с Разрушителем. И если ты выполнишь *эту клятву* — а

ты ее выполнишь, Элвин, потому что умеешь держать слово, — если ты ее сдержишь, значит, спасение собственной жизни пойдет на благо других людей.

Сказитель стал ждать. Прошло довольно много времени, прежде чем Элвин наконец еле заметно кивнул.

— Клянешься ли ты, Элвин-младший, посвятить жизнь борьбе с Рассоздателем, будешь ли творить только добро и справедливость, восстанавливая наш мир?

— Да, — прошептал мальчик.

— Тогда, чтобы исполнить данную тобой клятву, ты должен исцелить себя.

Элвин схватил Сказителя за руку.

— Но как? — спросил он.

— Этого я не знаю, малыш, — покачал головой Сказитель. — Секрет владения силой ты должен найти внутри себя. Я могу лишь посоветовать не отступать до последнего, иначе враг одержит победу, и мне придется закончить историю на том, как тело твое опустили в могилу.

К удивлению Сказителя, Элвин улыбнулся. Затем Сказитель понял смысл шутки. Его история так и так закончится на кладбище, что бы сегодня ни произошло.

— Да, ты прав, малыш, — согласился Сказитель. — Но мне хотелось бы написать еще пару-другую страниц в Книге Элвина, прежде чем поставить последнюю точку.

— Я постараюсь, — прошептал Элвин.

Если он постарается, то практически наверняка достигнет успеха. Неведомый защитник-покровитель не для того охранял Элвина десять лет, чтобы позволить ему так просто умереть. Сказитель не сомневался: Элвину достанет сил излечить себя — главное, чтобы он нашел способ, как это сделать. Его тело было сложнее обыкновенной скалы. Но чтобы выжить, он должен узнать тропки собственной плоти, зарастить трещины в костях.

Кровать Сказителю устроили в большой комнате. Он было предложил лечь спать на полу у кровати Элвина, но Миллер покачал головой и ответил:

— Это мое место.

Сказитель долго крутился с боку на бок, но сон не шел. Посреди ночи он наконец не выдержал, зажег лампу лучиной из очага, накинул куртку и вышел на улицу.

Ветер яростно набросился на него. Надвигалась буря и, судя по запаху, витавшему в воздухе, несла

снег. В большом сарае беспокойно перекликались животные. Сказитель вдруг подумал, что, может быть, не он один гуляет сегодня ночью. В тенях могли затаиться краснокожие, могли бродить среди пристроек фермы, следя за ним. Он вздрогнул и усилием воли прогнал страх. Слишком холодно сегодня. Даже самые кровожадные, больше всех ненавидящие бледнолицых чоктавы и крики, живущие на юге, не такие дураки, чтобы бродить по лесу, когда вот-вот разразится буря.

Вскоре с неба повалит снег, первый за эту осень, но быстро он не стает. Сказитель чувствовал: снежить будет весь завтрашний день, потому что воздух, идущий за бурей, был еще холоднее. Снежинки будут пушистыми и сухими, такой снегопад длится час за часом, все выше громоздя сугробы. Если бы Элвин не поторопил их, настояв доставить жернов за один день, им пришлось бы тащить камень сквозь пургу. Пробираясь через грязь и слякоть. И переломанной ногой дело бы не обошлось.

Сказитель сам не заметил, как добрел до мельницы. Он очнулся от раздумий, стоя у жернова. Камень казался неимоверно огромным, даже невозможно было представить, что кто-то смог поднять его. Сказитель снова дотронулся до

верхней части жернова, осторожно, чтобы не порезаться. Пальцы пробежались по глубоким нарезкам-желобам, в которых будет скапливаться мука, когда большое водяное колесо закрутится и стронет с места малый жернов. Так же степенно крутится Земля вокруг Солнца, год за годом, перемалывая время в пыль, как мельница превращает зерно в муку.

Он внимательно осмотрел пол, там, где земля подалась под весом жернова, заставив его перевернуться и чуть не убив мальчика. Дно выемки поблескивало в свете лампы. Сказитель сел на корточки и дотронулся до блестящей поверхности пальцем: с полдюйма воды. Она, должно быть, давно собралась под землей, подмыв ее изнутри. Так, чтобы сверху ничего не было видно. Чтобы немедленно провалиться, когда что-нибудь большое попробуют прокатить по мельнице.

«Ага, Рассоздатель собственной персоной, — подумал Сказитель. — Наконец-то ты проявился, но я построю вокруг тебя крепкие стены, и ты никогда не выберешься из своей тюрьмы». Но, как странник ни напрягал зрение, он так и не увидел дрожащего воздуха, о котором упоминал седьмой сын Элвина Миллера. В конце концов Сказитель поднял с полу лампу и покинул мельницу. С неба

падали первые снежинки. Ветер почти утих. За какие-то секунды снегопад усилился настолько, что в свете лампы затанцевали целые рои снежинок. К тому времени, как Сказитель добрался до дома, землю покрыл серый налет снега, а лес совсем исчез за снежным покрывалом. Странник зашел в дом, не снимая ботинок, упал на свое ложе у очага и быстро заснул.

12. Книга

В очаге день и ночь полыхал огонь, и камни настолько раскалились, что светились от жара; воздух в комнате Элвина был сух и горяч. Мальчик без движения лежал на постели, правая нога, обмотанная тяжелыми бинтами, словно якорь, приковывала его к постели. Остальное тело казалось невесомым, оно плавало, ныряло, перекатывалось, ныло. Голова кружилась.

Но ни веса ноги, ни головокружения Элвин не замечал. Его врагом была боль, постоянные приступы мешали сосредоточиться на задаче, поставленной перед ним Сказителем: излечить себя.

И в то же самое время боль была ему другом. Она возвела вокруг него настолько высокие стены, что он даже не осознавал, где находится, — лишь краем разума он продолжал отмечать, что лежит в каком-то доме, в какой-то комнате, в какой-то постели. Внешний мир мог гореть ярким пламенем, рассыпаться в прах — он бы этого не заметил. Сейчас Элвин исследовал внутренний мир.

Сказитель и половины не знал из того, о чем

говорил. Нарисовать в уме картинку — мало. Его нога не излечится, если он притворится, будто бы с ней все нормально. И все же Сказитель подкинул ему одну верную мысль. Если Элвин умел чувствовать сквозь скалу, мог находить в камне слабые и сильные стороны и учить его, где ломаться, а где держаться крепко, то почему бы ему не проделать то же самое с кожей и костью?

Сложность заключалась в том, что кость и кожа были неотделимы друг от друга. Скала отдаленно напоминала человеческое тело, но кожа слой за слоем менялась, поэтому разобраться, что откуда, оказалось вовсе не легко. Он лежал с закрытыми глазами и впервые в жизни заглядывал в собственную плоть. Сначала он пытался следовать за болью, но эта тропа никуда его не привела, он добрался лишь до места, где все было разрублено, раздавлено и перемешано — верх от низа не отличить. Спустя некоторое время он предпринял другую попытку. Он прислушался к биению сердца. Сначала отвлекала боль, но вскоре он полностью замкнулся на мерном стуке. Если что-то и происходило в окружающем мире, он не знал этого, потому что боль отсекла все звуки. А ритм ударов сердца заслонил собой боль — не полностью, но большей частью.

Элвин пустился в путь по венам, следуя широкими, сильными потоками, затем ручейками. Несколько раз он сбивался с дороги. Иногда в сознание врывался особо сильный укол боли в ноге и требовал внимания. Но постепенно, начиная снова и снова, он нашел тропку, ведущую к здоровой коже и кости левой ноги. Там кровь неслась не так стремительно и вскоре привела его туда, куда нужно. Он рассмотрел слои кожи, напомнившие ему луковицу. Он изучил и запомнил их порядок, узнал, как связываются друг с другом мускулы, как крепятся крошечные вены, как вытягивается и облегает кость кожа.

После этого он снова пробрался в больную ногу. Лоскут кожи, который пришила мама, большей частью отмер, начав загнивать. Однако Элвин-младший уже знал, как можно спасти его — не весь, но хотя бы часть. Он нащупал раздавленные концы артерий вокруг раны и начал принуждать их срастись, точно так же, как когда-то проделывал трещинки в скале. С камнем, впрочем, было неизмеримо легче: чтобы создать трещинку, нужно было чуть-чуть поднажать, вот и все. С живой плотью дело шло медленнее, чем ему бы хотелось, поэтому он отказался от попыток залечить все разом и сосредоточился на одной,

основной артерии.

Он стал изучать, каким образом она использует кусочки того, кусочки сего, как и чем восстанавливается. Большей частью происходящее было слишком сложно для восприятия Элвина. Миниатюрные комочки стремительно сновали то туда, то сюда. Однако он сумел заставить тело освободиться от оков и позволить артерии зарасти самой. Он посылал ей все необходимое, и довольно скоро она приросла к загнившей коже. Потратив немножко времени на поиски, он наконец обнаружил концы раздавленной артерии, совместил их и послал кровь по вновь возведенному мостику.

И поспешил. Он почувствовал, как по ноге разлилось волной тепло — из-под мертвой кожи забил десяток фонтанчиков крови: артерия не сумела вместить всю кровь, которую он протолкнул. Медленнее, медленнее, медленнее. Он проследовал за кровью, которая теперь сочилась, а не била, и заново принялся сращивать кровяные сосуды, артерии с венами, пытаясь следовать образцу, который видел в левой ноге.

Наконец с этим было покончено — более или менее. Кровь мерно текла по венам. С ее возвращением ожили частички кожи. Но часть лоскута

все равно оставалась мертвой. Элвин кружил и кружил по своей ноге вместе с кровью, обрывая мертвые кусочки и разбивая их на мелкие части, которые и глазом не видно. Зато живая кожа сразу узнавала их, принимала и перестраивала. Там, где проходил Элвин, начинала расти здоровая плоть.

В конце концов кропотливое складывание по частичкам настолько утомило его, что он сам не заметил, как заснул.

— Я не хочу будить его.

— Иначе бинты не сменить, Вера.

— Ну, ладно, хорошо… ой, осторожнее ты, Элвин! Нет, дай лучше я!

— Я не раз менял бинты…

— На коровах, Элвин, а не на маленьких мальчиках!

Элвин-младший почувствовал, как на ногу что-то надавило. Что-то тянуло за кожу. Хотя было не так больно, как вчера. Но он слишком устал, чтобы открыть глаза. Он не мог даже звука издать, чтобы дать понять родителям, что не спит, хотя отчетливо слышал их беседу.

— Боже мой. Вера, у него ночью, наверное, кровотечение открылось.

— Мама, Мэри говорит, я должен…

— Тихо, Кэлли! Убирайся отсюда! Разве ты не видишь, что мама занята…

— Не надо кричать на мальчика, Элвин. Ему всего семь лет.

— Он достаточно вырос, чтобы научиться держать рот закрытым и не вмешиваться в дела взрослых… ты только посмотри.

— Глазам своим не верю.

— Я-то думал, гной сочится, как сливки из коровьего вымени…

— А тут все чисто.

— И кожа приросла, смотри, смотри! Правильно ты сделала, что пришила ее.

— Я и не надеялась, что она приживется.

— Кости совсем не видно.

— Господь благословляет нас. Я молилась всю ночь, Элвин, и посмотри, что сотворил Господь.

— Ну, может, если бы ты молилась чуточку поупорнее, он бы вообще всю рану залечил. Тогда бы я отдал мальчика в церковный хор.

— Не святотатствуй, Элвин Миллер.

— Да нет, просто мне иногда бывает обидно при виде того, насколько ловко Господь умеет подвернуться под руку и присвоить чужую славу. Может, Элвин сам себя залечил, ты об этом не подумала?

— Посмотри, твои грязные речи разбудили малыша.

— Спроси, не хочет ли он воды.

— Он ее выпьет, хочет или нет.

Элвину очень хотелось пить. У него не только рот пересох, все тело жаждало воды: она была нужна, чтобы восстановить потерянную кровь. Поэтому он пил и не мог напиться, с жадностью глотая из жестяной чашки, поднесенной рукой мамы к его губам. Большей частью вода проливалась на лицо, текла по шее, но он не замечал этого. Важна была та влага, что плескалась сейчас у него в животе. Он откинулся на подушку и попытался заглянуть внутрь себя, чтобы проверить, как поживает рана. Но это ему не удалось: слишком много сил потребовалось. Он провалился в сон, не добравшись и до половины пути.

Проснувшись снова, он решил, что на улице опять ночь, — а может, занавески были задернуты. Проверить он не мог, потому что слишком уж невыносимо было открывать глаза. Кроме того, вернулась прежняя боль, с новой яростью впиваясь в его тело, а нога ужасно чесалась, и он едва удерживался от того, чтобы не дотянуться до нее и не начать драть ногтями. Сосредоточившись, он проник в область раны и вновь принялся по-

могать коже расти. За время сна открытая плоть успела затянуться тонкой пленкой. Под ней тело все еще трудилось, восстанавливая порванные мускулы, сращивая сломанные кости. Но потеря крови больше Элвину не грозила, как, впрочем, и заражение.

— Взгляни, Сказитель. Ты когда-нибудь видел подобное?

— Кожа как у новорожденного.

— Может, я свихнулся, но если б не перелом, бинты можно было бы снять.

— Да, раны как не бывало. Ты прав, бинты действительно больше не нужны.

— Наверное, моя жена правду говорила, Сказитель. Может быть, это Господь решил поступиться принципами и сотворил чудо с моим мальчиком.

— Доказательств тому нет. Когда малыш проснется, возможно, он нам что-нибудь объяснит.

— Вряд ли он что-нибудь понимает — за все время даже глаз не открыл.

— Одно несомненно, мистер Миллер. Угроза смерти миновала. Хотя вчера я думал совсем наоборот.

— А я вообще собрался сколачивать ему гробик,

чтоб в землицу опустить, вот так вот. Даже представить не мог, что он выживет. А ты посмотри, каким здоровым он выглядит сейчас! Интересно все же, что его защищает — или кто?

— Кто бы его ни защищал, мистер Миллер, мальчик куда сильнее. Тут есть над чем поразмыслить. Его защитник разломил камень, но Эл-младший срастил его обратно, и покровитель не смог помешать ему.

— Думаешь, он знал, что делает?

— Да, ему кое-что известно о таящихся внутри силах. Он мог сотворить с камнем что угодно.

— Сказать прямо, никогда не слышал о подобном даре. Я рассказал Вере о том, как он обтесал камень, нанеся нарезку без всякого инструмента, так она сразу принялась читать мне Книгу Пророка Даниила и что-то верещать о исполнившемся пророчестве. Хотела бежать к мальчику в комнату и предупредить о железных и глиняных ногах [41], но я ее остановил. Разве не глупо? Религия превращает людей в буйнопомешанных. Я ни разу

---

41 notes: Note41

в книге Пророка Даниила рассказывается о сне, который приснился царю Навуходоносору и который толковал Даниил; во сне том был истукан с головой из золота, грудью и руками из серебра, чревом из меди и ногами частью из железа, частью из глины; истукана убил камень, сорвавшийся с горы и ударивший его в ноги (Библия, Книга Пророка Даниила, глава 2)

не встречал женщины, которая бы не сходила с ума по религии.

Дверь открылась.

— А ну вон отсюда! Ты что, настолько туп, Кэлли, что тебе двадцать раз повторять приходится? Так, где мать, неужели она не может держать семилетнего пацана подальше от…

— Помягче с парнишкой, Миллер. Он уже убежал.

— Не знаю, что с ним случилось. С той поры, как Эл-младший слег, куда ни брошу взгляд, повсюду вижу Кэлли. Он как гробовщик, выбивающий плату.

— Может, он растерян. Он ведь никогда не видел Элвина больным…

— Элвин неоднократно был на волосок от смерти…

— Но ни разу не пострадал.

Долгое молчание.

— Сказитель…

— Да, мистер Миллер?

— Ты был нам хорошим другом, хотя порой мы этого не заслуживали. Я хочу спросить, ты ведь не завязал со странствиями?

— Вроде нет, мистер Миллер.

— Не то чтобы я тебя из дому гоню, но если ты

в ближайшее время решишь пуститься в путь и, мало ли, направишься на восток, не мог бы ты отнести одно письмецо?

— С радостью. И не возьму ни монеты — ни с отправителя, ни с получателя.

— Спасибо тебе большое. Я долго обдумывал твои слова. Ну, насчет мальчика, которого следует отослать, чтобы избегнуть опасностей, угрожающих ему. Я вдруг подумал: а есть ли вообще такие люди, которым бы я мог доверить присмотр за ним? Там, откуда мы приехали, то есть в Новой Англии, особых родственников у нас не имеется, да и, кроме того, мне что-то не хочется, чтобы моего сына превратили в фанатика-пуританина.

— Я рад слышать это, мистер Миллер, потому что сам не горю желанием вновь посещать земли Новой Англии.

— Но если ты пойдешь по дороге, по который мы ехали сюда, на запад, то рано или поздно выйдешь к одной деревеньке, что на берегу реки Хатрак, милях в тридцати к северу от Гайо, недалеко от форта Дикэйна. Там есть один постоялый двор, по крайней мере был когда-то, за ним еще кладбище, на котором стоит камень с надписью: «Вигор — он погиб, спасая жизнь брата».

— Ты хочешь, чтобы я отвел туда мальчика?

— Нет, нет. Пока снег лежит на земле, я никуда его не пущу. Вода…

— Понимаю.

— В той деревеньке есть кузня, и я подумал, может, тамошнему кузнецу сгодится подмастерье. Элвин молод годами, но для своего возраста он вымахал дай Боже. Думаю, он будет стоящим приобретением для кузнеца.

— Подмастерьем?

— Ну, мне не хочется делать из него раба. А денег, чтобы послать его в школу, у меня нет.

— Я отнесу письмо. Но, надеюсь, могу задержаться еще на пару дней? Хочу дождаться, когда мальчик очнется, чтоб попрощаться.

— Да я ж не выталкиваю тебя прямо сегодня ночью. На улице слишком глубокие сугробы, так что и завтра ты никуда не пойдешь.

— Вот уж не подозревал, что за эти дни ты хоть раз выглянул в окно.

— Воду под ногами я замечу всегда.

Он сухо засмеялся, и они покинули комнату.

Элвин-младший лежал на кровати и тщетно пытался разобраться, почему папа хочет отослать его в другую деревню. Разве Элвин плохо себя вел? Разве не старался помогать всем, чем мог? Разве не ходил в школу преподобного Троуэра, пусть

проповедник твердо вознамерился превратить его в сумасшедшего или дурака? И, кроме того, не он ли выточил прекрасный жернов, следил за ним, наставлял, каким быть, а в самом конце разве не он рисковал ногой, лишь бы камень не раскололся? И вот теперь его собираются куда-то отправить.

Подмастерьем! К кузнецу! За десять лет жизни он в глаза кузнеца не видел. До ближайшей кузни три дня пути, и папа никогда не брал его с собой. За всю свою жизнь он ни разу не отходил от дома дальше чем на десять миль.

По сути дела, чем больше он раздумывал над словами отца, тем больше злился. Он ведь столько раз умолял маму и папу позволить ему погулять по лесу одному, но они не отпускали его. Все время рядом с ним должен был кто-то находиться, будто он пленник или раб, норовящий сбежать. Если он опаздывал куда-нибудь хотя бы на пять минут, вся семья дружно бросалась на поиски. Он никогда не уезжал далеко от дома — лишь пару раз добирался с папой до каменоломен. И вот теперь, продержав его десять лет на коротком поводке, как рождественского гуся, они вознамерились отправить его на другой конец земного шара.

От подобной несправедливости на глаза навернулись слезы. Он крепко сжал веки, и капельки побежали по щекам, скатились в уши и защекотали. Он почувствовал себя ужасно глупо и рассмеялся.

— Ты чего смеешься? — спросил Кэлли.

Элвин не слышал, как малыш вошел.

— Тебе лучше? Кровь больше не течет, Эл.

Кэлли дотронулся до его щеки.

— Ты плачешь, потому что тебе больно?

Элвин мог бы поговорить с ним, но не было сил, ведь сначала нужно открыть рот, потом выдавить слова… Поэтому он медленно покачал головой.

— Ты умрешь, Элвин? — спросил Кэлли.

Он снова помотал головой.

— А-а, — протянул Кэлли.

Голос его звучал так разочарованно, что Элвин даже взбесился. Ровно настолько, чтобы все-таки открыть рот.

— Ну, извини, — прокаркал он.

— Это нечестно, — сказал Кэлли. — Я не хотел, чтобы ты умирал, но все только и говорили о твоей смерти. И я представил, а что будет, когда они начнут заботиться обо мне так, как сейчас о тебе. Все время за тобой кто-нибудь приглядывает, а на меня, стоит словечко вымолвить, сразу

орут: «Уматывай, Кэлли!», «Заткнись, Кэлли!» Никто не спросит: «Кэлли, а разве тебе не пора в кроватку?» Им плевать на меня. За исключением тех случаев, когда я начинаю бороться с *тобой.* Тогда мне говорят: «Кэлли, не дерись».

— Для мыши-полевки ты дерешься неплохо. — Так по крайней мере хотел сказал Элвин, правда, он не знал, получилось ли у него что-нибудь.

— Знаешь, что я сделал, когда мне исполнилось шесть лет? Я ушел из дому и заблудился в лесу. Я шел и шел. Иногда закрывал глаза и несколько раз проворачивался на пятках, чтобы наверняка потеряться. Я плутал полдня, не меньше. И хоть одна живая душа побежала искать меня? В конце концов мне пришлось развернуться и самому искать дорогу домой. И никто не спросил: «Кэлли, а где ты был весь день?» Мама только сказала: «Твои руки вымазаны, как задница у страдающей поносом лошади, иди умойся».

Элвин рассмеялся, почти неслышно, его грудь тяжело заходила.

— Тебе смешно. О тебе-то все заботятся.

На этот раз Элвину пришлось собрать все силы, чтобы спросить:

— Ты хочешь, чтоб я ушел?

Кэлли долго не отвечал, но потом произнес:

— Да нет. Кто со мной играть будет? Кузены — дураки все. Из них никто бороться толком не умеет.

— Я уеду скоро, — прошептал Элвин.

— Никуда ты не уедешь. Ты седьмой сын, тебя не отпустят.

— Уеду.

— Я много раз пересчитывал, и каждый раз выходило, что это я седьмой. Дэвид, Кальм, Мера, Нет, Нед, Элвин-младший — это ты, а затем иду я. Получается семь.

— Вигор.

— Он умер. Давным-давно. Почему-то никто не сказал об этом маме и папе.

Те несколько слов, что пришлось произнести, израсходовали все силы. Элвин чувствовал себя вымотанным до крайности. Кэлли больше ничего не говорил. Сидел тихонько, как мог. И крепко сжимал руку Элвина. Вскоре Элвина закачали волны сна, поэтому он так и не понял, приснились ему или нет следующие слова Кэлли. Но вроде бы он точно слышал, как Кэлли произнес: «Я никогда, никогда не хотел, чтобы ты умер, Элвин». А потом он, похоже, добавил: «Вот если б я был тобой…» Элвин провалился в сон, а когда снова проснулся, никого рядом не было. Дом был

погружен в ночную тишину, изредка разрываемую стуками-шорохами — то ветер ставней грохнет, то балки затрещат, сжимаясь от холода, то бревно выстрелит в очаге.

Элвин опять заглянул внутрь себя и пробрался к ране. Этой ночью он не стал возиться с кожей и мускулами. Теперь он должен поработать над костями. Приглядевшись, он удивился: кости словно сотканы из кружев и усеяны крошечными дырочками. В отличие от камня, они были прозрачными и ломкими. Однако он довольно быстро научился управляться с ними и вскоре крепко срастил друг с другом.

Но что-то ему не нравилось. Больная нога чем-то отличалась от здоровой. Разница была незначительной, невидимой глазу. Элвин просто знал, что эта разница, в чем бы она ни заключалась, делает кость больной изнутри. В ней будто какая червоточинка поселилась, но Элвин, как ни старался, так и не смог понять, как ее исправить. Это все равно что снежинки с земли собирать: думаешь, хватаешь что-то твердое, а в руке одна грязь.

Хотя, может, все пройдет. Может быть, когда он вылечится, больное место само зарастет.

* * *

Элеанора задержалась у матери допоздна. Армор ничего не имел против того, что жена поддерживает отношения с родителями, но возвращаться домой в сумерках слишком опасно.

— Говорят, на юге объявились какие-то дикие краснокожие, — начал разговор Армор. — А ты по лесу бродишь по ночам.

— Я старалась идти побыстрее, — ответила Элеанора, — а дорогу домой я найду всегда.

— Вопрос не в том, найдешь ты дорогу или нет, — ядовито произнес он. — Французы стали раздавать ружья в награду за скальпы бледнолицых. Людей Пророка это не соблазнит, но чоктавы будут только рады возможности наведаться в форт Детройт, пожиная по пути урожай скальпов.

— Элвин будет жить, — сказала Элеанора.

Армор терпеть не мог, когда она перескакивала с темы на тему. Но такую новость он не мог не обсудить.

— Значит, решили отнять ногу?

— Я видела рану. Она затягивается. Под вечер Элвин-младший проснулся. Мы даже поговорили с ним немножко.

— Я рад, что он пришел в себя, Элли, искренне рад, но надеюсь, ты не обольщаешься этим. Огромная рана может сначала затянуться, только вскоре гной возьмет свое.

— На этот раз, думаю, все обойдется хорошо, — промолвила она. — Ужинать будешь?

— Я сожрал, наверное, батона два, пока бродил по комнате взад-вперед, гадая, вернешься ли ты вообще домой.

— Живот мужчину не украшает.

— Не всякий. Мой, к примеру, сейчас отчаянно взывает к пище, как и любое другое нормальное брюхо.

— Мама дала мне сыру. — Она развернула сверток на столе.

У Армора имелись определенные сомнения насчет этого сыра. Он считал, сыр у Веры Миллер получается столь вкусным, потому что она проделывает с молоком всякие *штучки.* Но в то же самое время на обоих берегах Воббской реки, да и на Типпи-каноэ не найти сыра вкуснее.

Каждый раз, ловя себя на том, что мирится с колдовством, Армор выходил из себя. А выйдя из себя, он придирался ко всякой мелочи. Вот и сейчас он не мог успокоиться, хотя знал, Элли не хочется говорить об Элвине.

— А почему ты решила, что рана не загноится?

— Она быстро затянулась, — пожала плечами она.

— Что, совсем?

— Почти.

— И насколько почти?

Она обернулась, устало закатила глаза и повернулась обратно к столу. Взяв в руки нож, она принялась нарезать яблоко к сыру.

— Я спросил, насколько, Элли. Насколько она затянулась?

— Вообще затянулась.

— Два дня прошло с тех пор, как жернов содрал все мясо с ноги, и раны уже нет?

— Всего два дня? — переспросила она. — Мне казалось, неделя, не меньше.

— Если календарь не врет, минуло два дня, — подтвердил Армор. — А это означает, что там имело место ведьмовство.

— Насколько я помню Писание, человек, излечивающий раны, не обязательно колдун.

— Кто это сделал? Только не надо мне говорить, что твои папа с мамой открыли вдруг какое-то сильнодействующее снадобье. Они что, дьявола на помощь вызвали?

Она обернулась, сжимая в руках острый нож.

Глаза ее яростно вспыхнули.

— Папа, может, и не любит ходить в церковь, но дьявол никогда не ступал на порог нашего дома.

Преподобный Троуэр имел несколько другое мнение, но Армор счел, что о проповеднике сейчас лучше не упоминать.

— Ага, значит, тот попрошайка…

— Он честно отрабатывает свой стол и кров. И трудится не меньше остальных.

— Поговаривают, он знавался с колдуном Беном Франклином. И ходил в знакомых у этого безбожника с Аппалачей, Тома Джефферсона.

— Он знает много интересных историй. Но мальчика исцелил не он.

— Тогда кто же?

— Может, Элвин сам себя исцелил. По крайней мере, нога еще *сломана.* Так что это не чудо. Просто раны на нем заживают как на кошке.

— Ну да, дьявол обычно заботится о своих выкормышах. Может, потому на нем так быстро все заживает, а?

Она снова повернулась, и, взглянув ей в глаза, Армор тысячу раз пожалел о своих словах. Хотя чего он такого сказал? Преподобный Троуэр сам не раз говорил, что мальчик этот все равно что Зверь Апокалипсиса.

Мальчик не мальчик, зверь не зверь, но Элвин приходился родным братом Элли. Большей частью она была тише воды ниже травы, иного и пожелать нельзя, но если ее разозлить, она превращалась в ходячий ужас.

— А ну-ка, забери слова назад, — приказала она.

— В жизни ничего глупее не слышал. Как я могу забрать обратно слова, которые уже произнес?

— Ты можешь извиниться и сказать, что это не так, ведь ты сам знаешь.

— На самом деле я не знаю, так это или нет. Я сказал «может быть», а если муж перед лицом собственной жены не имеет права выдвигать предположений, то лучше вообще умереть.

— Вот здесь ты прав, — сказала она. — И если ты не откажешься от своих слов, то сильно пожалеешь, что еще жив!

И она, судорожно сжав в обоих руках по дольке яблока, пошла на него.

В большинстве случаев, когда она на него злилась, ей хватало одного раза обежать за ним вокруг дома, чтобы злость бесследно испарилась и она начала хохотать. Только не сегодня. Одну половинку яблока она раздавила ему об голову, вторую швырнула в лицо, после чего убежала в

спальню наверху и разрыдалась.

Слез она не любила и плакала очень редко, отсюда Армор сделал вывод, что ссора разгорелась не на шутку.

— Элли, я забираю свои слова обратно, — примиряюще произнес он. — Я прекрасно знаю, Элвин хороший мальчик.

— А мне плевать, что ты знаешь, — рыдала она. — Ты вообще ничего знать не можешь.

Немногие мужья способны выслушать подобные речи от жены и не съездить ей по уху. Жаль, Элли не понимала, насколько выгодно иметь в мужьях истинного христианина.

— Ну, кое-что мне все-таки известно, — сказал он.

— Его хотят отослать в другую деревню, — плакала она. — С наступлением весны он пойдет в подмастерья. Ему не хочется, я же вижу, но он не спорит, просто лежит в кровати, говорит очень тихо, но смотрит так, будто прощается со всеми.

— А зачем его отсылают?

— Я ж объяснила: чтобы в подмастерья отдать.

— Они так нянчились с этим мальчишкой… Никогда б не поверил, что его куда-то отпустят.

— Он должен будет уехать на восток Гайо, в деревню у форта Дикэйна. Это на полпути к

океану.

— Ну, ты знаешь, если подумать, в этом есть смысл.

— Неужели?

— Здесь краснокожие чего-то колобродят, вот они и решили отправить пацана подальше. Других пусть хоть нашпигуют стрелами, но только не Элвина-младшего.

Она подняла голову и с презрением оглядела его.

— От твоих досужих домыслов, Армор, меня иногда тошнит.

— То, что происходит, вовсе не мои домыслы.

— Да ты человека от брюквы не отличишь.

— Так ты наконец вытащишь из моих волос это яблоко или заставить тебя языком вылизать голову?

— Да уж придется помочь, иначе ты мне все простыни извозишь.

* * *

«Наглый ворюга», — думал о себе Сказитель. Семья Миллеров чуть ли не силой всучила ему кучу подарков на дорогу. Две пары шерстяных носков. Новое одеяло. Накидку из оленьей шкуры. Вяленое мясо и сыр. Хороший точильный камень.

Да он обворовал этих честных людей!

Кроме того, он приобрел много такого, о чем они и не догадывались. Тело, отдохнувшее от дорожной усталости и вечных синяков. Легкую походку. Добрые лица, которые навсегда останутся в памяти. И истории. Истории, скрытые в запечатанной части книги и написанные его собственной рукой. И правдивые рассказы, которые они занесли в книгу сами.

Хотя он честно расплатился с ними — во всяком случае попытался. Залатал крыши на зиму, переделал кучу мелкой работы. И что более важно, они увидели почерк самого Бена Франклина. Прочли фразы, написанные Томом Джефферсоном, Беном Арнольдом, Пэтом Генри, Джоном Адамсом, Алексом Гамильтоном — даже Аароном Бурром, перед дуэлью, и Даниэлем Буном, сразу после оной. До прихода Сказителя Миллеры были обыкновенной семьей, частичкой Воббской долины. Теперь они попали на огромное полотно, состоящее из великих историй. О Войне за Независимость Аппалачей. Об «Американском Соглашении». Они увидели собственный путь через глушь и леса, ниточкой вливающийся в великую картину, и почувствовали силу этого гобелена, сотканного из множества подобных

нитей. Впрочем, нет, не гобелена. Скорее ковра. Доброго, прочного ковра, на котором будут основываться следующие поколения американцев. В этом была поэма, и когда-нибудь он напишет ее.

Он тоже кое-что им оставил. Любимого сына, которого выдернул прямо из-под падающего жернова. Искушаемого убийством отца, который обрел наконец силу отослать сына в другую деревню. Имя для ночного кошмара мальчика, объясняющее, что враг реален и существует на самом деле. Яростный шепот, убедивший раненого юношу исцелить себя.

И рисунок, выжженный на хорошей дубовой доске кончиком раскаленного ножа. Конечно, Сказитель предпочел бы вытравить его воском и кислотой на металле, но такие материалы в здешних краях были редкостью. Поэтому он выжег его, постаравшись, как мог. На картине был изображен юноша, попавший в плен сильной реки, запутавшийся в корнях плавучего дерева. Он задыхался, но глаза его бесстрашно смотрели в лицо смерти. В Академии искусств это незамысловатое творение было бы встречено всеобщим презрением. Но тетушка Вера разрыдалась, увидев картину, и прижала ее к груди, заливая слезами, похожими на последние капли

легкого, завершающего грозу дождика. И отец Элвин, взглянув на нее, кивнул и сказал:

— Тебе явилось видение, Сказитель. Ты изобразил мальчика очень точно, хотя никогда не видел. Это Вигор. Мой сын.

После чего Миллер тоже расплакался.

Картину поставили на камин. «Это, разумеется, не шедевр, — подумал Сказитель. — Но здесь изображена правда, и рисунок значит для этой семьи больше, чем любой портрет — для жирного старого лорда или заседателя парламента в Лондоне, Камелоте, Париже или Вене».

— Вот и утро настало, — сказала тетушка Вера. — До заката путь неблизкий.

— Не вините меня за то, что я с неохотой покидаю ваш дом. Хотя я рад за оказанное доверие и не подведу вас.

Он похлопал по карману, внутри которого лежало письмо кузнецу с реки Хатрак.

— Ты не можешь уйти, не попрощавшись с мальчиком, — напомнил Миллер.

Сказитель оттягивал момент прощания как можно дольше. Но тут он кивнул, с сожалением покинул удобные объятия кресла у камина и зашел в комнату, где провел лучшие ночи в своей жизни. Элвин-младший уже проснулся и

широко распахнутыми глазами смотрел на мир; на лицо его вернулись краски жизни, больше оно не искажалось от нестерпимых страданий и не теряло цвет. Но боль не спешила отступать, она по-прежнему таилась поблизости, и Сказитель догадывался об этом.

— Уходишь? — спросил мальчик.

— Да, попрощаться решил.

Элвин сердито взглянул на него исподлобья:

— Ты даже не дашь мне написать что-нибудь в твоей книге?

— Ну, не всякому это позволяется.

— А папе можно. И маме.

— Да, и Кэлли тоже.

— Да, Кэлли точно украсил книгу, — кивнул Элвин. — У него почерк, как у… как у…

— Как у семилетнего мальчишки, — пошутил Сказитель, но Элвин не улыбнулся.

— Почему тогда мне нельзя? Кэлли можно, а мне, значит, нет?

— Потому что в этой книге люди пишут о своем самом важном деянии или событии, что видели когда-то собственными глазами. Ты бы о чем написал?

— Ну, не знаю. Может, о жернове.

Сказитель скорчил рожу.

— Тогда, наверное, о своем видении. Ты сам утверждал, что оно очень важно.

— Да, и записано где-то еще, Элвин.

— Я хочу написать что-нибудь в твоей книге, — уперся Элвин. — Сам Бен Франклин оставил в ней свое предложение, я тоже хочу.

— Не сейчас, — возразил Сказитель.

— Но когда?!

— Когда ты как следует отчехвостишь этого Разрушителя. Вот тогда можешь писать в книге что захочешь.

— А если я с ним не справлюсь?

— Тогда и в книге никакого проку не будет.

На глаза Элвина навернулись крупные слезы:

— Но вдруг я умру?

Сказитель почувствовал, как легкий холодок пробежал по спине.

— Как твоя нога?

Мальчик пожал плечами. Моргнул, смахивая непрошенные слезы.

— Это не ответ, парень.

— Болит не переставая.

— Так и будет, пока кость не срастется.

— Кость уже срослась, — болезненно улыбнулся Элвин-младший.

— Тогда почему ты не встаешь с постели?

— Нога причиняет мне боль, Сказитель. Болит и болит. Там, в кости, засело что-то плохое, и я еще не понял, как излечить это.

— Ты справишься.

— Пока не получается.

— Один старый траппер как-то сказал мне: «Не думай долго, откуда лучше начать — с головы или с хвоста. Главное — содрать с пантеры шкуру, неважно как».

— Это присловие?

— Близко. Ты сумеешь. Не тем, так другим способом.

— Пока все впустую, — сказал Элвин. — Что бы я ни делал, не получается.

— Парень, тебе всего десять лет. Ты что, успел устать от жизни?

Элвин продолжал мять в руках одеяло:

— Сказитель, я умираю.

Сказитель всмотрелся в его глаза, пытаясь разглядеть в них смерть. Ее там не было.

— Не думаю.

— То плохое место у меня на ноге… Оно растет. Медленно, но растет. Оно невидимо, оно потихоньку вгрызается в твердую кость, а потом все быстрее, быстрее…

— Рассоздает тебя.

На этот раз Элвин расплакался по-настоящему, руки его задрожали.

— Я не хочу умирать. Сказитель, но оно внутри, и его никак не выгнать.

Сказитель взял его пальцы, унимая дрожь.

— Ты найдешь способ. В этом мире тебе предстоит немало потрудиться, так что умирать рано.

Элвин закатил глаза:

— Пожалуй, это самая большая глупость из тех, что я слышал за весь год. Ты хочешь сказать, что, если у человека осталось много дел, он и умереть не может?

— По собственной воле — нет.

— Но я не хочу умирать.

— Поэтому ты найдешь способ выжить.

Несколько секунд Элвин молчал, после чего вновь заговорил:

— Я много думал. О том, что буду делать, если выживу. К примеру, я почти излечил свою ногу, так я ведь смогу и других людей лечить, почти наверняка. Буду дотрагиваться до них, затем распознавать, что за болезнь внутри них, а потом исцелять. Ведь это будет здорово, да?

— Тебя будут любить за это те, кого ты вылечишь.

— Могу поспорить, в первый раз труднее всего,

да и не особо силен я был, когда лечил себе ногу. С другими у меня получится куда быстрее.

— Возможно. Но даже если в день ты станешь исцелять по сотне больных, потом будешь переходить в другую деревню и исцелять еще сотню, за твоей спиной умрут десятки тысяч, а к скольким ты не успеешь! И к тому времени, как ты умрешь, те, кого ты исцелил, наверняка тоже сойдут под землю.

Элвин повернулся лицом к стенке.

— Раз я знаю, как лечить, я должен лечить, Сказитель.

— Да, должен. Тех, кого сможешь, — согласился Сказитель. — Но труд твоей жизни заключается в другом. Кирпичики в стене, Элвин, — вот что представляют собой люди. Починяя рассыпающиеся в пыль камни, ты никуда не успеешь. Исцеляй тех, кто встретится тебе на пути, но цель твоей жизни лежит куда глубже.

— Я умею исцелять людей. И ума не приложу, как победить этого Рас… Рассоздателя. Я даже не знаю, что это такое.

— Ты единственный видишь его. Больше надеяться не на кого.

— Ну да…

Очередная долгая пауза. Сказитель понял: на-

стало время уходить. Он встал, направляясь к двери.

— Подожди.

— Я должен идти.

Элвин поймал его за рукав.

— Задержись немножко.

— Разве что на минутку-другую.

— По крайней мере… по крайней мере позволь мне прочесть, что написали другие.

Сказитель сунул руку в котомку и достал книгу.

— Только не обещаю, что объясню написанное, — предупредил он, снимая с книги влагонепроницаемый чехольчик.

Элвин быстро пролистал страницы и отыскал последние, самые свежие записи.

Маминой рукой было написано: «Вигор он толкнул бревно и не умирал пака мальчик ни родился».

Рукой Дэвида: «Жернов развалился на две палавинки потом срося как небывало».

Рукой Кэлли: «Сидьмой сынн».

— Знаешь, — поднял глаза Элвин, — а ведь это он не обо мне написал.

— Знаю, — кивнул Сказитель.

Элвин снова заглянул в книгу. Увидел почерк

отца: «Он не пагубил мальчика патаму што неснакомец во время пришол».

— О чем это он? — спросил Элвин.

Сказитель взял у него из рук книгу и закрыл ее.

— Найди путь и исцели свою ногу, — сказал он. — Она должна вернуть былую силу — не одному тебе это нужно. Это ты делаешь не ради себя, помни.

Сказитель наклонился и поцеловал мальчика в лоб. Элвин вскинул руки и крепко обнял старика за шею, так что тот не мог выпрямиться, не подняв мальчика с постели. Спустя некоторое время Сказителю пришлось высвободиться из этих объятий. Щека его была мокрой от слез Элвина. Но вытирать их он не стал. Эти слезы высушил ветерок, когда Сказитель зашагал по холодной, сухой тропинке, по раскинувшимся слева и справа полям, покрытым полустаявшим снегом.

На втором мостике он на секунду задержался. Оглянувшись назад, странник подумал: доведется ли ему когда-нибудь вернуться сюда, увидеть этих людей вновь? Напишет ли Элвин-младший в книге то, что хочет? Если б Сказитель был пророком, то знал бы ответ на вопрос. Но он даже на миг не мог проникнуть под покров будущего.

Он двинулся дальше, в сторону разгорающегося дня.

13. Хирургия

Облокотившись на левую руку, Посетитель удобно развалился на алтаре. Точно так же, фривольно раскинувшись, сидел один денди из Камелота, с которым преподобному Троуэру приходилось однажды встречаться. То был страшный распутник и повеса, от души презиравший добродетели, к которым призывали пуританские церкви Англии и Шотландии. Троуэр отвел глаза: такую неловкость внушила ему беспардонная поза Посетителя.

— А что в ней такого? — спросил Посетитель. — Ты способен удерживать под контролем свои плотские страстишки, только если сидишь на стуле, выпрямившись как палка, сжав колени, важно сложив на животе руки и переплетя пальцы, однако это вовсе не значит, что я должен поступать так же.

Троуэр ощутил волну стыда:

— Несправедливо выговаривать человеку за его мысли.

— Справедливо — если его мысли устраивают судилище над моими поступками. Остерегайся

заносчивости, друг мой. Надеюсь, ты не мнишь себя невероятным праведником, способным судить деяния ангелов.

В первый раз Посетитель в открытую признал свое ангельское происхождение.

— Ничего я не признавал, — возразил Посетитель. — Ты должен научиться контролировать мысли, Троуэр. Ты слишком легко приходишь ко всяким умозаключениям.

— Зачем ты явился ко мне?

— Хочу узнать, как поживает создатель вот этого вот алтаря, — ответил Посетитель и постучал пальцем по одному из крестов, выжженных в дереве Элвином-младшим.

— Я делал все возможное, но мальчишку невозможно чему бы то ни было научить. Он ставит под сомнение все и вся, оспаривает каждый пункт теологии, как будто в религии применимы те же самые законы логики и последовательности, что имеют место быть в мире науки.

— Другими словами, он ищет в твоих доктринах здравый смысл.

— Он не желает принимать во внимание, что некоторые загадки подвластны и доступны только разуму Господа. Узрев двусмысленность, он дерзит, а парадокс вызывает у него открытое

неповиновение.

— Несносный ребенок!

— Хуже не бывает, — подтвердил Троуэр.

Глаза Посетителя полыхнули. Троуэр почувствовал, что сердце как-то странно защемило.

— Я старался, — принялся оправдываться Троуэр. — Я пытался обратить его в веру Господню. Но влияние отца…

— Оправдываясь в неудачах, слабак ищет причину в силе остальных, — подчеркнул Посетитель.

— Но еще ничего не кончено! — воскликнул Троуэр. — Ты сказал, мальчик в моем распоряжении до четырнадцати лет, а ему всего…

— Нет. Я сказал, что мальчик в *моем распоряжении* до четырнадцати лет. *Ты можешь* влиять на него, пока он живет в этой деревеньке.

— Разве Миллеры переезжают? Ничего не слышал. Они недавно поставили жернов в мельницу, весной хотят начать молоть муку, они ж не уедут просто…

Посетитель слез с алтаря.

— Позволь я изложу суть дела, которое имею к тебе, преподобный Троуэр. Опишу общими штрихами, чисто гипотетически. Давай представим, ты находишься в одной комнате с самым

страшным врагом тех сил, на чьей стороне я выступаю. Предположим, враг этот болен, лежит, беспомощный, в постели. Выздоровев, он скроется, исчезнет, а стало быть, и дальше будет уничтожать то, что нам с тобой так дорого в этом мире. Но если он умрет, наше великое дело будет спасено. А теперь представь, кто-то вкладывает тебе в руку нож и просит исполнить весьма сложную хирургическую операцию, дабы спасти мальчика. И предположим, что если нож соскользнет чуть в сторону, самую малость, то перерубит основную артерию. Ты вдруг растеряешься при виде крови, а жизнь настолько быстро покинет тело мальчишки, что спустя считанные мгновения он умрет. Итак, преподобный Троуэр, в чем будут состоять твои обязанности и моральный долг?

Троуэр был ошеломлен. Всю жизнь он готовился учить, убеждать, увещевать и призывать. Но сейчас Посетитель предложил ему обагрить руки кровью…

— Я не подхожу для такого, — ответил наконец священник.

— А подходишь ли ты для Царствия Божьего? — поинтересовался Посетитель.

— Но Господь сказал: «Не убий».

— Да неужто? То ли он сказал Иисусу, отправляя его в Земли Обетованные? [42] То ли он напутствовал Саулу [43], посылая его наказать амаликитян? Троуэр вспомнил эти темные места из Ветхого Завета и задрожал, охваченный страхом при мысли, что теперь столь страшные испытания выпали на его долю.

Но Посетитель не отступал:

— Пророк Самуил приказал царю Саулу не давать пощады Амалику, но предать смерти от мужа до жены, от отрока до *грудного* младенца. Но у Саула кишка была тонка. Он пощадил царя Амаликитского и захватил его живым. И что ответил Господь на подобное неповиновение?

— Он поставил Давида на место Саула, — пробормотал Троуэр.

Посетитель подступил к Троуэру, глаза его поедом ели священника.

— А затем Самуил, пророк, *всепрощающий слуга* Бога, — что он сделал?

— Он призвал Агага, царя Амаликитского, к

---

42 notes: Note42

имеется в виду Иисус, сын Навин, поставленный Моисеем во главе израильтян

43 notes: Note43

Саул, первый царь Израильский, получил повеление Божье наказать амаликитян за оскорбления, причиненные ими Израилю во время путешествия его из Египта (Библия, Первая книга Царств, глава 15)

себе.

— И как потом поступил Самуил? — продолжал допытываться Посетитель.

— Убил его, — прошептал Троуэр.

– *Что* говорит об этом святое Писание? — заревел Посетитель. Стены церкви заходили, стекло в окнах задребезжало.

Троуэр расплакался от страха, но все же выдавил слова, которых добивался Посетитель:

— Самуил разрубил Агага на части… пред лицом Господа.

Церковь поглотила глубокая тишина — лишь затрудненное дыхание Троуэра, который пытался сдержать рвущиеся наружу истерические рыдания, нарушало покой. Посетитель улыбнулся священнику, глаза его наполнились любовью и всепрощением. И исчез.

Троуэр упал перед алтарем на колени и принялся неистово молиться. «О Отец, я жизнь отдам за Тебя, но не проси меня убивать. Отними эту чашу от губ моих, ибо слаб я, недостойный, не возлагай сию ношу на мои жалкие плечи».

Слезы его упали на алтарь. Он услышал шипящий звук и, изумленный, отпрыгнул в сторону. Капельки слез танцевали на поверхности алтаря, как вода на раскаленном железе, пока не испа-

рились совсем.

«Господь отверг меня, — подумал священник. — Я принес обет служить Ему, чего бы Он ни испросил, но стоило Ему поставить трудную задачу, стоило приказать мне исполниться силы великих пророков древности, как я превратился в разбитый сосуд в перстах Господа. Я не могу удержать ту судьбу, что Он вливает в меня».

Дверь церкви отворилась, впустив внутрь порыв ледяного ветра. Холод вихрем промчался по полу и пустил дрожь по телу священника. Троуэр поднял глаза, в страхе думая, что явился ангел, ниспосланный наказать его.

Однако это был не ангел. То был просто Армор Уивер.

— О простите, я не хотел прерывать вашу молитву, — извинился Армор.

— Входите, — сказал Троуэр. — Только дверь закройте. Чем я могу помочь?

— Помощь нужна не мне… — начал Армор.

— Идите сюда. Сядьте. Рассказывайте.

Троуэр надеялся, что, посылая сюда Армора, Господь подает какой-то знак. Не успел он помолиться, как к нему за помощью обратился член его паствы — Господь Бог явно давал понять, что Троуэру отвержение пока не грозит.

— Дело в брате моей жены, — сказал Армор. — В мальчике, в Элвине-младшем.

Троуэр ощутил, как ледяной холод впился иглами в его плоть, пронзив до самых костей.

— Я знаком с ним. И что же за дело?

— Вы, наверное, знаете, он ногу покалечил.

— Слышал.

— А вам не случалось навещать его до того, как нога зажила?

— Мне недвусмысленно объяснили, что мое присутствие в том доме не приветствуется.

— Тогда я вам расскажу. Нога была в ужасном состоянии. Огромный лоскут кожи сорван. Кости переломаны пополам. Но два дня спустя рана зажила. Даже шрама не разглядеть. А спустя три дня он стал *ходить.*

— Может, рана оказалась вовсе не так страшна, как вы ее себе рисовали?

— Говорю вам, нога была *переломана,* а страшнее раны я не видел. Вся семья в мыслях уже хоронила мальчишку. Они и ко мне обратились — хотели приобрести гвоздей для гробика. Так они скорбели, так жалели, что я подумал, как бы не пришлось нам хоронить вместе с мальчиком его маму и папу.

— Значит, нога не могла зажить за несколько

дней. Говорите, рана затянулась?

— Ну, не вся, поэтому-то я и обратился к вам. Я знаю, вы не верите во всякие предрассудки, но голову даю на отсечение, они исцелили парня ведьмовством. Элли говорит, он сам себя заколдовал. Даже ходить мог несколько дней, ступая на больную ногу. Но боль не отпускает его, и теперь мальчишка утверждает, где-то в его кости засела какая-то дрянь. Кроме того, у него началась лихорадка.

— Вот прекрасное и естественное объяснение происшедшему, — улыбнулся Троуэр.

— Вы думайте что хотите, но я лично считаю, парень вызвал своим ведьмовством дьявола, и теперь нечистый грызет его изнутри. Однако у нас есть вы, духовный слуга Господа Бога, и я подумал, может, вы изгоните дьявола именем Иисуса Христа.

Упомянутые Армором суеверия и колдовские штучки можно было не принимать во внимание, это все ерунда, но когда Уивер выдвинул гипотезу о поселившемся в мальчике дьяволе, Троуэр задумался. Смысл в этом присутствовал, и история полностью согласовалась с тем, что он узнал от Посетителя. Может быть, Господь хочет, чтобы Троуэр изгнал из ребенка сатану, освободил его от

зла, а вовсе не убивал. Священнику представился шанс оправдать себя в глазах Небес и искупить продемонстрированное несколько минут назад безволие.

— Я схожу туда, — решительно произнес он. Взяв тяжелую накидку, он завернулся в нее.

— Но предупреждаю, никто из ихней семьи не просил, чтобы я приводил вас.

— Я готов встретиться с гневом неверующих, — ответил Троуэр. — Меня волнует мальчик — жертва дьявольских козней, а вовсе не его глупое суеверное семейство.

* * *

Элвин лежал на постели, лихорадка сжигала его огнем. Даже днем ставни были плотно прикрыты, чтобы свет не резал ему глаза. Они открывались только ночью, по настоянию самого Элвина, чтобы впустить в комнату немножко холодного, свежего воздуха, которым он жадно дышал. Поднявшись с постели, он увидел, что луга засыпал снег. Сейчас он рисовал себе, что его с головой покрывает белое одеяло снега. Так он хоть немного отвлекался от того пламени, что жарило его тело.

Частички лихорадки, поселившиеся внутри

него, были слишком малы, недоступны взгляду. То, что он сотворил с костью, мускулами и кожей, было трудно, куда сложнее, чем увидеть трещинки в гранитном камне. Но он нашел путь в лабиринте тела, отыскал большие раны, заживил их. А сейчас он был бессилен — просто не успевал уследить за крошечными частичками, которые стремительно носились внутри. Результат он видел, но не видел его составляющих и, следовательно, не мог определить, как это происходит.

То же самое и с костью. Маленький кусочек ее дал слабинку, сгнил. Он ощущал разницу между больным местом и хорошей, здоровой костью, мог определить границы болезни. Но разглядеть, в чем дело, не мог. Не мог помешать рассозданию. А значит, должен был умереть.

В комнате он был не один. Все время рядом с его постелью кто-нибудь сидел. Он открывал глаза и видел маму, папу или какую-нибудь из сестер. Иногда дежурили братья, а это значило, что они оставили ради него своих жен и детей. Отчасти это утешало Элвина, но одновременно он чувствовал себя виноватым. Он уже стал подумывать, как бы умереть побыстрей, чтобы его близкие могли вернуться к обычной размеренной жизни.

Сегодня у него дежурил Мера. Увидев брата, Элвин поздоровался с ним, но больше разговаривать было не о чем. «Привет, как жизнь?» — «Да нормально, умираю помаленьку, а у тебя как?» Трудновато поддерживать такой разговор. Мера рассказал ему, как они с близнецами попытались вытесать малый жернов. Они выбрали камень помягче, чем тот, с которым работал Элвин, но все равно потратили уйму времени и сил.

— В конце концов мы бросили его, — сказал Мера. — Придется жернову подождать, пока ты встанешь на ноги, поднимешься на гору и сам вырубишь его.

Элвин не ответил, и с тех пор они не обменялись ни словом. Элвин просто лежал, потел и ощущал, как гниение в кости медленно, но верно распространяется. Мера сидел рядом и легонько сжимал его руку.

Вдруг Мера начал что-то насвистывать.

Этот звук поразил Элвина. Он настолько глубоко ушел в себя, что музыка, казалось, доносилась из далекого далека — ему пришлось вернуться назад, чтобы понять, откуда она исходит.

— Мера, — крикнул он, но голос подвел его, обратившись в шепот.

Свист прекратился.

— Прости, — сказал Мера. — Мой свист тебе мешает?

— Нет, — прошептал Элвин.

Мера снова принялся насвистывать. Мелодия была странной, Элвин ее ни разу не слышал — во всяком случае, не помнил ее. По сути дела, это вообще нельзя было назвать мелодией. Она ни разу не повторялась, а длилась и длилась, переливаясь из образа в образ, как будто Мера сочинял ее прямо сейчас. Элвин лежал и слушал, пока музыка не превратилась в карту, уводящую в дикую глушь. И он последовал за ней. Не то чтобы он *увидел что-нибудь*, как если бы ориентировался по настоящей карте. Он очутился в центре вещей, и стоило ему о чем-нибудь подумать, как он в мгновение ока оказывался там, где бродили его мысли. Он словно взглянул на собственный ум со стороны, обозрел свои прошлые мысли, касающиеся исцеления кости. Но теперь он взирал на них с расстояния — с вершины горы, с опушки леса, оттуда, откуда он мог увидеть *нечто* большее.

И он кое-что придумал — раньше эта мысль не приходила ему на ум. Когда его нога была сломана, а кожа сорвана, рана была открыта взгляду, но никто не смог помочь ему, кроме него самого. Ему пришлось исцелить ее самому, изнутри. А

нынешняя рана, которая уносит его жизнь, не видна никому. Он хоть и видит ее, но ничего сделать не может.

Так, может быть, на этот раз кто-нибудь другой поможет ему. Забудем всякие скрытые силы. Прибегнем к старушке хирургии, к самому заурядному кровавому костоправству.

— Мера, — прошептал он.

— Я здесь, — ответил Мера.

— Я знаю, как исцелить ногу, — сказал он.

Мера наклонился ближе. Элвин не стал открывать глаза, но почувствовал дыхание брата на своей щеке.

— Та гниль у меня на кости, она растет, но пока она не распространилась, — начал объяснять Элвин. — Я ничего сделать не могу, но если кто-нибудь вырежет этот кусочек из моей кости и вытащит его из ноги, думаю, остальное я как-нибудь залечу.

— Вырежет?

— Папина пила… Которой он пилит кости, которые нельзя перерубить при рубке мяса. По-моему, она сойдет.

— Но отсюда до ближайшего хирурга миль триста, не меньше.

— Тогда придется кому-нибудь из вас испол-

нить его роль. И побыстрее, иначе я мертвец.

Дыхание Меры участилось.

— Ты уверен, что это спасет тебе жизнь?

— Ничего лучшего я придумать не смог.

— Но ногу тебе покромсают изрядно, — предупредил Мера.

— Мертвому мне будет не до покалеченной ноги. Уж лучше ходить с изрезанной ногой, но живым.

— Пойду отыщу папу.

Мера с грохотом отодвинул стул и, бухая башмаками, выбежал из комнаты.

* * *

Армор привел Троуэра прямиком к крыльцу дома Миллеров и постучал в дверь. Дочкиного мужа они просто так не выставят. Впрочем, беспокойство Троуэра оказалось напрасным. Дверь открыла тетушка Вера, а не ее язычник-муж.

— О, преподобный Троуэр, — воскликнула она. — Как это мило с вашей стороны, что вы решили заглянуть к нам на огонек.

Напускная радушность оказалась заурядной ложью, ибо встревоженное, измученное лицо женщины выдавало правду. В этом доме успели позабыть про сон и покой.

— Это я привел его с собой, мать Вера, — сказал Армор. — Он пришел, потому что я попросил.

— Пастор нашей церкви всегда приветствуется в моем доме, каковы бы ни были причины его прихода, — ответила Вера.

Хлопоча вокруг, она ввела гостей в большую комнату. У очага на стульчиках ткали салфетки несколько девушек; заслышав шаги, они подняли головы. Малыш Кэлли прилежно рисовал углем буквы на чистой доске.

— Рад, что ты упражняешься в чистописании, — похвалил его Троуэр.

Кэлли ничего не ответил, лишь угрюмо посмотрел на священника. В глазах его таилась враждебность. Очевидно, мальчик не хотел, чтобы учитель проверял его работу здесь, в родном доме, который малыш считал неприступной крепостью.

— У тебя прекрасно получается, — заметил Троуэр, решив подбодрить мальчика.

Кэлли опять ничего не сказал. Он вернулся к своей доске и продолжил выписывать слова.

Армор перешел прямо к делу:

— Мама Вера, мы пришли сюда из-за Элвина. Ты прекрасно знаешь, как я отношусь к колдовству, но никогда прежде я слова не сказал против того,

чем вы занимаетесь у себя в доме. Я всегда считал, что это ваше дело, не мое. Но сейчас за те злые дела, что вы практикуете здесь, расплачивается невинный младенец. Он заколдовал свою ногу, и в ней поселился дьявол, который теперь убивает его. Я привел преподобного Троуэра, чтобы он изгнал порождение ада.

Тетушка Вера смерила его непонимающим взглядом:

— Но в этом доме нет никакого дьявола.

«Бедняжка, — промолвил про себя Троуэр. — Если б ты только знала, что дьявол давным-давно свил здесь гнездовище».

— К присутствию дьявола тоже можно привыкнуть, — произнес он вслух, — а привыкнув, перестаешь замечать.

Дверь у лестницы распахнулась, и из нее шагнул мистер Миллер. Он стоял спиной к присутствующим, поэтому не видел гостей.

— Только не я, — помотал головой он, обращаясь к человеку, оставшемуся в комнате. — Я не стану резать мальчика.

Заслышав голос отца, Кэлли подпрыгнул и подбежал к папе.

— Пап, Армор привел сюда старика Троуэра, чтобы убить дьявола.

Мистер Миллер повернулся, лицо его непонятно исказилось. Словно не узнавая, он оглядел вновь прибывших.

— На дом наложены хорошие, надежные обереги, — сказала тетушка Вера.

— Эти обереги и есть дьявольская приманка, — ответил Армор. — Вы считаете, они защищают ваш дом, а на самом деле они отвращают Господа.

— Дьявола здесь никогда не было и нет, — упорствовала она.

— Не было, — подчеркнул Армор. — Но вы призвали его. Свершая колдовство и идолопоклонство, вы вынудили Святого Духа покинуть ваш дом, вы изгнали отсюда добро, так что дьяволы поселились здесь. Они никогда не упустят возможности напакостить и нагадить.

Троуэр слегка забеспокоился. Слишком уж много Армор рассуждал о том, чего не понимал. Лучше бы он просто спросил, нельзя ли Троуэру помолиться о спасении души Элвина у изголовья его кровати. Так нет же, Армору непременно надо начать войну, в которой нет никакой необходимости.

Что бы сейчас ни происходило в голове у мистера Миллера, невооруженным взглядом было

видно, что сейчас этого человека лучше не провоцировать. Миллер медленно двинулся к Армору.

— Ты утверждаешь, только дьявол является в дом к человеку, чтоб напакостить?

— Как человек, любящий Господа нашего Иисуса, могу поклясться в этом…

— начал было Армор, но Миллер не дал ему закончить проповедь.

Одной рукой он схватил его за загривок, другой ухватил за штаны и повернул лицом к двери.

— Эй, кто-нибудь, ну-ка, дверь откройте! — проорал Миллер. — Не то сейчас прям посреди будет красоваться огромная дырища!

— Ты что творишь, Элвин Миллер?! — закричала жена.

— Дьявола изгоняю!

Тут Кэлли распахнул дверь, Миллер вытащил своего зятя на крыльцо и одним движением швырнул его на дорогу. Гневный вопль Армора заглушил снег, набившийся ему в рот, а после этого воплей и вовсе стало не слышно, поскольку Миллер закрыл дверь и задвинул засов.

— Ах, какой сильный, смелый мужчина, — съязвила тетушка Вера, — как славно ты выкинул из дома мужа собственной дочки…

— Я сделал то, чего, по его словам, требовал

Господь, — огрызнулся Миллер. И обратил взгляд на пастора.

— Армор говорил от своего лица, — миролюбиво объяснил Троуэр.

— Если ты посмеешь наложить руку на человека в одеждах Господних, — вмешалась тетушка Вера, — то до конца дней своих будешь спать в холодной постели.

— Даже не думал трогать его, — проворчал Миллер. — Но, насколько помню, у нас существует договоренность: я не лезу к нему в дом, а он держится подальше от моего.

— Вы можете не верить в силу молитвы… — заговорил Троуэр.

— Это зависит от того, кто творит молитву и кто ее слушает, — сказал Миллер.

— Пусть даже так, — согласился Троуэр, — но ваша жена верит в учение Иисуса Христа, сановным служителем которого я являюсь. Это ее вера и моя вера, так что вознесенная молитва у изголовья мальчика может послужить его вящему исцелению.

— Когда в своей молитве вы станете изъясняться точно так же, — заметил Миллер, — я немало удивлюсь, если Господь поймет, о чем вы ведете речь.

— А поскольку вы не верите, что моя молитва подействует, — продолжал Троуэр, — значит, вреда она принести точно не сможет, как думаете?

Миллер перевел взгляд на жену, потом обратно на Троуэра. Троуэр не сомневался, что, если б не Вера, он бы сейчас отплевывался от снега вместе с Армором. Но Вера уже предупредила мужа, произнеся угрозу Лисистраты [44]. У мужчины не было б четырнадцати детей, если бы супружеское ложе не влекло его. Так что Миллер уступил.

— Заходите, — буркнул он. — Только не мучьте парня чересчур долго.

— Это займет пару-другую часов, не больше, — благодарно склонился Троуэр.

— Минут, а не часов! — стоял на своем Миллер.

Но Троуэр бодрым шагом направился к двери у лестницы, и Миллер не спешил воспрепятствовать ему. Значит, он может провести с мальчиком несколько часов, если захочет. Войдя в комнату, Троуэр плотно притворил за собой дверь. Нечего здесь мешаться всяким язычникам.

— Элвин, — позвал он.

---

44 notes: Note44

Лисистрата («уничтожающая походы») — главная героиня комедии Аристофана; по ее инициативе женщины воюющих греческих государств приносят клятву не ложиться в постель с мужьями, пока война не закончится

Мальчик вытянулся под одеялом, лоб его покрывали крупные капли пота. Глаза Элвина были закрыты. Впрочем, спустя секунду губы его едва заметно шевельнулись:

— Преподобный Троуэр, — прошептал он.

— Он самый, — подтвердил Троуэр. — Элвин, я пришел помолиться, чтобы Господь освободил твое тело от дьявола, который насылает на тебя порчу и болезнь.

Снова пауза; как будто требовалось время, чтобы слова Троуэра достигли Элвина и вернулись обратно, обернувшись ответом.

— Дьявола не существует, — сказал Элвин.

— Вряд ли можно требовать от ребенка подкованности в вопросах религии,

— ответил Троуэр. — Но я должен сказать тебе, исцеление приходит только к тем, у кого достаточно веры, чтобы быть исцеленным.

Следующие несколько минут он посвятил рассказу о дочери начальника синагоги [45] и ис-

---

45 notes: Note45

у одного начальника находилась при смерти дочь, и он решил обратиться за помощью к Иисусу; Иисус согласился исцелить девушку и пошел следом за начальником; по пути им сообщили, что дочь умерла, но Иисус сказал начальнику: «Не бойся, только верь»; увидев тело, Христос удивился и промолвил: «Девица не умерла, но спит»; над ним посмеялись, но, прикоснувшись к руке девушки, Иисус повелел: «Встань», — и дочь начальника ожила (Библия, Евангелие от Марка, глава 5)

тории о женщине, страдавшей кровотечением и излечившейся прикосновением к одеждам Спасителя [46].

— Помнишь, что сказал он ей? «Вера твоя спасла тебя», — изрек он. Так вот, Элвин Миллер, вера твоя должна окрепнуть, прежде чем Господь спасет тебя.

Мальчик ничего не ответил. Поскольку Троуэр, рассказывая сии притчи, пустил в ход все свое изысканное красноречие, то, что мальчик заснул, несколько задело его. Указательным пальцем он ткнул в плечо Элвина.

Элвин дернулся.

— Я слышал вас, — пробормотал он.

Судя по всему, мальчишка еще больше помрачнел, услышав несущие свет слова Господа. Плохо, очень плохо…

— Ну? — спросил Троуэр. — Веруешь ли ты?

— Во что? — выдавил мальчик.

— В Святое Писание! В Господа Бога, который исцелит тебя, если ты смягчишь свое сердце!

— Верую, — прошептал Элвин. — В Бога.

По идее, этого признания было достаточно. Но Троуэр изрядно поднаторел в истории религии,

---

46 notes: Note46
Библия, Евангелие от Марка, глава 5

чтобы довериться так легко. Признаться в вере в божественность — мало. Божеств огромное число, но лишь одно из них истинно.

— В *которого Бога* ты веруешь, Эл-младший?

— В Бога, — повторил мальчик.

— Язычник Мур молился черному камню Мекки и тоже называл его Богом! Веруешь ли ты в истинного Господа и веруешь ли в Него правильно? Я понимаю, тебя мучает лихорадка, ты слишком слаб, чтобы толковать свою веру. Я помогу тебе, малыш Элвин. Буду задавать вопросы, а тебе надо будет отвечать «да» или «нет», согласуясь с собственной верой.

Элвин лежал неподвижно и ждал.

— Элвин Миллер, веруешь ли ты в Господа бестелесного, не обладающего членами тела и страстями? В великого Несозданного Создателя, Чей центр везде и Чье местоположение не может быть определено?

Некоторое время мальчик обдумывал слова Троуэра, прежде чем ответить.

— Мне это кажется полной бессмыслицей, — наконец сказал он.

— Смертным разумом Его не осмыслить, — заметил Троуэр. — Я просто спрашиваю, *веруешь ли* ты в Единого, восседающего на вершине Бе-

сконечно Высокого Трона, самосуществующее Бытие, которое столь велико, что наполняет Вселенную, и столь мало, что способно жить в твоем сердце?

— Как он может сидеть на вершине трона, у которого вообще нет вершины?

— удивился мальчик. — И как столь великое может уместиться в моем сердце?

Мальчишке явно не хватало образования, его незамысловатый умишко не в силах был ухватить суть сложного теологического парадокса. И все же сегодня на кону стояла не жизнь и даже не душа — речь шла о множестве верующих душ, которые, по словам Посетителя, мальчишка разрушит, коли не будет обращен в истинную веру.

— В этом-то и заключается красота, — пылко провозгласил Троуэр. — Бог — вне нашего понимания; и вместе с тем в Своей бесконечной любви Он стремится спасти нас, невежественных и глупых людишек.

— Разве любовь — это не страсть? — спросил мальчик.

— Если тебе трудно воспринять идею Бога, — уступил Троуэр, — позволь мне поставить перед тобой несколько иной вопрос, который, может, приведет нас к какому-нибудь выводу. Веруешь

ли ты в бездонное чрево ада, где грешники корчатся в пламени, вечно горя, но не сгорая? Веришь ли ты в существование сатаны, врага Господа, того, кто желает украсть твою душу, заточить ее в царствии своем и пытать тебя неизмеримую вечность?

Мальчик снова задумался, чуть повернув голову к Троуэру, хотя глаза так и не открыл.

— Ну, в нечто подобное я могу поверить, — ответил он.

«Ага, — возликовал про себя Троуэр. — Мальчишка и в самом деле встречался с дьяволом».

— Видел ли ты его лик, дитя?

— А как *твой дьявол* выглядит? — прошептал мальчик.

— Он не *мой,* — поправил Троуэр. — И если ты внимательно слушал на службах, то должен был узнать, ибо описывал я его множество раз. На голове, там, где у человека растут волосы, у дьявола выпирают бычьи рога. Вместо рук у него когти медведя. Ступает он по земле козлиными копытами, а голос его — рев ярящегося льва.

К удивлению Троуэра, мальчик улыбнулся, и грудь его тихонько заходила от смеха.

— И ты обвиняешь *нас в* склонности к предрассудкам, — сказал он.

Троуэр никогда бы не подумал, насколько крепка хватка, которой вцепляется дьявол в душу ребенка, если бы собственными глазами не увидел, как мальчишка радостно смеется при описании монстра Люцифера. Этот смех должен быть остановлен! Какое оскорбление Господу!

Троуэр хлопнул Библией по груди мальчика, заставив Элвина поперхнуться. Затем, надавив что было сил на книгу, Троуэр изрек переполнявшие душу слова, вскричал с пылкой страстью, которой прежде не ощущал:

— Сатана, именем Господним изгоняю тебя! Приказываю оставить этого мальчика, эту комнату, этот дом на веки вечные! И никогда не пытайся завладеть здесь душой, не то гнев Господний будет так велик, что самые глубины ада содрогнутся!

Наступила тишина, прерываемая затрудненным дыханием мальчика. В комнате воцарилось умиротворение, праведность наполнила утомленное речью сердце Троуэра. Священник ни минуты не сомневался, что дьявол в страхе бежал отсюда, забившись обратно в свою преисподнюю.

— Преподобный Троуэр, — проговорил мальчик.

— Да, сын мой?

— Вы не могли бы убрать с моей груди эту Библию? Думаю, если там и были какие дьяволы, то они давным-давно сделали ноги.

И мальчик снова рассмеялся, заставив Библию запрыгать под рукой Троуэра.

Ликование Троуэра мигом обернулось горьким разочарованием. Тот факт, что мальчишка даже с Библией на груди продолжал исторгать дьявольский хохот, доказывал: никакая сила не способна избавить его от зла. Посетитель был прав. Троуэру не следовало отказываться от великого задания, которое возложил на его плечи Посетитель. Сейчас он мог бы расправиться со Зверем Апокалипсиса, а он был слишком слаб, слишком сентиментален, чтобы принять божественное предназначение. «Я мог бы стать Самуилом, расчленившим врага Господа. Вместо этого превратился в Саула, слабого и ничтожного, который оказался не способным убить по повелению Бога. Теперь мои глаза открылись, я вижу, что этого мальчишку взращивает сила сатаны, и знаю, что живет он, поскольку я слаб».

Комната наполнилась удушающей, страшной жарой. Троуэр вдруг ощутил, что одежда его насквозь пропиталась потом. Каждый вдох давался

с огромным трудом. А чего еще он ожидал? В эту комнату опаляюще дышал сам ад. Задыхаясь, Троуэр схватил Библию, поставил ее между собой и сатанистским отродьем, которое возлежало на кровати, лихорадочно хихикая, и бежал.

В большой комнате он остановился и перевел дыхание. Своим появлением он прервал все разговоры, но даже не заметил этого. Что значили беседы этих язычников по сравнению с тем, что ему пришлось пережить?! «Я стоял перед прислужником сатаны, прикинувшимся юным мальчиком, но своим смехом он выдал себя. Мне давно следовало догадаться, что это за мальчик, еще в тот день, когда я прощупал его череп и обнаружил, что он идеальной формы. Только подделка может быть столь совершенна. Этот ребенок не настоящий и никогда не был таковым. О если б я обладал силой великих пророков древности, чтобы разгромить врага и вернуться к Господу своему с трофеями!»

Кто-то упорно тянул его за рукав.

— Преподобный отец, с вами все в порядке?

То была тетушка Вера, но преподобный Троуэр не смог ответить ей. Потянув за рукав, она повернула его лицом к камину, на полке которого он увидел выжженную на дереве картину. Пребывая

в расстроенных чувствах, он не сразу понял, что на ней изображено. Перед его взором предстала душа, захваченная бурным потоком и окруженная извивающимися щупальцами. «Да это ж языки пламени, — догадался он, — а душа тонет в сере, сгорая в аду». Он ужаснулся картине, но одновременно несколько успокоился, ибо она в очередной раз подтверждала, насколько тесными узами связана эта семья с преисподней. Он стоял посреди толпы врагов человеческих. На ум ему пришла фраза из Псалтири: «Множество тельцов обступили меня; тучные Васанские окружили меня. Боже мой! Боже мой! для чего Ты оставил меня?» [47]

— Вот, — произнесла тетушка Вера. — Присядьте.

— С мальчиком все нормально? — угрожающе поинтересовался Миллер.

— С мальчиком? — переспросил Троуэр. Слова давались ему с огромным трудом. «Этот мальчишка — адово отродье, и вы спрашиваете, как он себя чувствует?» — Все хорошо, насколько возможно.

Они сразу отвернулись от него, снова приняв-

---

47 notes: Note47
Библия, Псалтирь, псалом 21

шись что-то там обсуждать. Постепенно до него начал доходить смысл их спора. Похоже, Элвин попросил, чтобы кто-нибудь вырезал загнивший кусочек кости из его ноги. Мера уже принес заточенную пилу для костей из кладовой. В основном спорили Вера, которая не хотела, чтобы кто-то из братьев дотрагивался до ее сына, и Миллер, наотрез отказывающийся проделать операцию. Вера же настаивала на том, что только отцу Элвина она позволит выполнить эту сложную задачу.

— Ты считаешь, что это действительно необходимо, — сказала Вера. — Тогда я не понимаю, почему сам отказываешься резать, продолжая настаивать на том, что это должен сделать кто угодно, но не ты.

— Не я, — кивнул Миллер.

Троуэр вдруг понял, что Миллер боится. Боится резать ножом плоть своего сына.

— Он попросил, чтобы резал именно ты, — вступил в спор Мера. — Сказал, что нарисует на коже, где надо резать. Ты просто аккуратно снимешь кожу, поднимешь ее и под ней увидишь кость, из которой надо будет выпилить маленький клинышек, чтобы помешать гниению.

— Я не часто падаю в обморок, — поведала Вера, — но от ваших разговоров у меня голова

кругом идет.

— Раз Эл-младший говорит, что это необходимо, значит, сделайте это! — сказал Миллер. — Кто угодно, только не я!

Словно яркий свет озарил темную комнату — Троуэр узрел возможность искупить вину пред Господом. Бог давал ему возможность, которую предрекал Посетитель. Он возьмет в руку нож, начнет вспарывать ногу мальчишки и *случайно перерубит* артерию. А вместе с кровью утечет жизнь. В церкви, считая Элвина обыкновенным мальчиком, он испугался этой задачи, но сейчас он исполнит ее с радостью, поскольку воочию узрел зло, прикрывшееся обличьем невинного ребенка.

— Послушайте, — сказал он.

Все присутствующие оглянулись на него.

— Я не хирург, — объяснил он, — но кое-какими знаниями по анатомии обладаю. Я ученый.

— Ага, шишки на голове изучаешь, — хмыкнул Миллер.

— Вы когда-нибудь резали скот или свиней? — поинтересовался Мера.

— Мера! — в ужасе воскликнула мать. — Твой брат не какое-то там животное.

— Я всего-то хотел узнать, не вывернется ли его

желудок наизнанку при виде крови.

— Я видел кровь, — ответил Троуэр. — И страх меня не терзает, когда дело касается спасения души человеческой.

— О, преподобный Троуэр, по-моему, просить от вас о подобном — это уж слишком, — всплеснула руками тетушка Вера.

— Теперь я понимаю: наверное, провидение привело меня сюда, в этот дом, в котором я не часто был гостем.

— И совсем не провидение, а мой тупоголовый зять, — поправил Миллер.

— Я предложил оказать посильную помощь, — смиренно склонил голову Троуэр. — Но, вижу, вы не желаете, чтобы это делал я, и не могу винить вас ни в чем. Хоть речь идет о спасении жизни вашего сына, все ж опасно доверять чужому человеку резать тело родного ребенка.

— Вы нам вовсе не чужой, — возразила Вера.

— А что если случится что-нибудь непоправимое? Я могу и ошибиться. Вполне возможно, рана изменила местоположение важных кровяных сосудов. Я могу перерезать артерию, тогда он истечет кровью и умрет через считанные секунды. На моих руках будет кровь вашего сына.

— Преподобный Троуэр, — сказала Вера, —

человек не совершенен. Нам остается лишь попробовать.

— Если мы ничего не предпримем, он точно умрет, — кивнул Мера. — Он говорит, мы должны поскорей вырезать больное место, пока зараза не распространилась дальше.

— Может, кто-нибудь из ваших сыновей осуществит это? — предложил Троуэр.

— У нас нет времени бегать за ними! — закричала Вера. — Элвин, ты нарек его своим именем. Неужели ты дашь ему умереть только потому, что не выносишь пастора Троуэра?!

Миллер понурился.

— Режьте, что ж с вами делать, — пробурчал он.

— Он бы предпочел, чтобы это сделал *ты*, папа, — напомнил Мера.

— Нет! — яростно воскликнул Миллер. — Кто угодно, но не я! Пусть он, но только не я.

Троуэр заметил, что на лице Меры отразилось разочарование, перешедшее в презрение. Священник встал и подошел к молодому человеку, крутившему в руках нож и костяную пилу.

— Юноша, — произнес он, — не спеши судить человека, обзывая его трусом. Откуда знать, что за причины кроются в его сердце?

Троуэр повернулся к Миллеру и увидел, что тот смотрит на него с удивлением и благодарностью.

— Дай ему инструмент, — приказал Миллер.

Мера протянул нож и пилу. Троуэр достал платок, и Мера аккуратно положил операционные инструменты на чистую ткань.

Все оказалось проще простого. И пяти минут не прошло, как они дружно стали упрашивать его принять нож, заранее прощая всякую несчастную случайность, которая может произойти. Он даже заработал признательный взгляд от Элвина Миллера — намек на будущую дружбу. «Я провел вас всех, — ликовал Троуэр. — Я истинный соперник вашему хозяину, дьяволу. Я обманул великого обманщика и вскоре пошлю его поганое творение обратно в ад».

— Кто будет держать мальчика? — спросил Троуэр. — Мы, конечно, дадим ему вина, но этого недостаточно. Он будет прыгать от боли, если его не прижать к кровати.

— Я подержу его, — сказал Мера.

— И вино он пить не станет, — добавила Вера. — Говорит, что голова его должна оставаться ясной.

— Ему десять лет, — удивился Троуэр. — Если вы

прикажете ему выпить, он должен послушаться.

Вера покачала головой.

— Он сам знает, как лучше. А боль терпеть он умеет. Ничего подобного вы не видели.

«Не сомневаюсь, — хмыкнул Троуэр. — Дьявол внутри мальчишки наслаждается болью, а потому не желает, чтобы вино притупило экстаз».

— Что ж, тогда давайте приступим, — решительно произнес он. — Откладывать больше не имеет смысла.

Он первым вошел в комнату мальчика и недрогнувшей рукой сбросил с Элвина одеяло. Мальчик задрожал, ощутив внезапный холод, хотя лихорадка по-прежнему выжимала пот из его тела.

— Вы говорили, он должен пометить место, где следует резать.

— Эл, — позвал Мера. — Операцию сделает преподобный Троуэр.

— Папа, — прошептал Элвин.

— Его упрашивать бесполезно, — ответил Мера. — Он ни за что не согласится.

— Ты уверен, что не хочешь глотнуть чуточку вина? — встревоженно спросила Вера.

Элвин вдруг расплакался:

— Нет. Я хочу, чтобы папа хотя бы подержал

меня.

— Ладно, — с угрозой промолвила Вера. — Он может отказываться резать, но он будет присутствовать при этом, или я его задницу в камин запихну. Либо то, либо другое.

Она вихрем вылетела из комнаты.

— Вы сказали, что мальчик пометит место, — повторил Троуэр.

— Давай, Эл, давай я тебя приподниму. Я принес кусочек угля, и сейчас ты должен нарисовать на ноге, где именно нужно сделать разрез.

Элвин еле слышно застонал, когда Мера усадил его и прислонил спиной к подушке, но собрался с силами и твердой рукой начертил на ноге большой прямоугольник.

— Подрежьте кожу снизу, а верх оставьте, — глухо сказал он. Слова тянулись как резина, каждый слог давался с видимым усилием. — Мера, пока он будет резать, ты будешь отгибать лоскут.

— С этим справится мама, — ответил Мера. — Мне нужно держать тебя, чтоб ты не вертелся.

— Не буду, — пообещал Элвин. — Если рядом со мной сядет папа.

В комнату медленно вошел Миллер, за ним по пятам с грозным видом следовала жена.

— Я подержу тебя, — сказал он.

Заняв место Меры, он обвил обеими руками мальчика, прижав его к себе.

— Я подержу тебя, — еще раз повторил он.

— Что ж, вот и прекрасно, — улыбнулся Троуэр. И встал, ожидая дальнейших шагов.

Ждать пришлось долго.

— Преподобный отец, вы ничего не забыли? — в конце концов не выдержал Мера.

— Что именно? — спросил Троуэр.

— Нож и пилу, — пожал плечами Мера.

Троуэр посмотрел на платок, свисающий с левой руки. Пусто.

— Они ж только что были здесь.

— Вы положили их на стол, когда направились сюда, — напомнил Мера.

— Пойду принесу, — сказала тетушка Вера и поспешила из комнаты.

Они ждали, ждали, потом снова ждали. Наконец Мера встал.

— Ума не приложу, где она задержалась.

Троуэр последовал за ним. Они нашли Веру в большой комнате — она сидела вместе с девочками и кроила салфетки.

— Ма, — окликнул Мера. — А как же пила и нож?

— Господи Боже, — воскликнула Вера. — И что это на меня нашло?! Я начисто позабыла, зачем пришла сюда.

Она взяла нож и пилу и пошла обратно в комнату к Элвину. Мера кинул взгляд на Троуэра, недоуменно пожал плечами и двинулся следом. «Ну вот, — подумал Троуэр. — Сейчас я исполню то, что наказал мне Господь. Посетитель увидит, что я истинный друг Спасителя, и место на небесах мне будет обеспечено. Тогда как этот бедный, несчастный грешник будет вечно жариться в адовом пламени».

— Преподобный, — позвал Мера. — Что вы делаете?

— Этот рисунок, — показал Троуэр.

— Рисунок, и что с того?

Троуэр вгляделся в картину, стоящую на каминной полке. На ней изображалась вовсе не попавшая в ад душа. Это было изображение старшего сына Веры и Элвина, Вигора, который тонул в реке. Священник выслушивал эту историю раз десять, не меньше. Но почему он застрял здесь и рассматривает картинку, когда в соседней комнате его ожидает великая и ужасная миссия?

— Вы хорошо себя чувствуете?

— Прекрасно, чувствую себя просто замеча-

тельно, — сказал Троуэр. — Мне нужно было вознести молитву небесам, прежде чем я примусь за операцию.

Твердым шагом он направился в комнату и сел на стул рядом с кроватью, в которой дрожало дитя сатаны, ожидая прикосновения праведного ножа. Троуэр огляделся, ища взглядом орудия священного заклания. Пилы и ножа нигде не было видно.

— А где же нож? — спросил он.

Вера посмотрела на сына.

— Мера, разве ты не принес их? — удивилась она.

— Ты должна была принести их, — ответил Мера.

— Но когда ты пошел за пастором, ты унес инструменты с собой, — объяснила она.

— Неужели? — смутился Мера. — Наверное, оставил их где-то в большой комнате.

Он встал и вышел за дверь.

Троуэр начал понимать, что происходит нечто очень странное, хотя никак не мог определить, что именно. Он подошел к двери и стал ждать возвращения Меры.

Рядом возник Кэлли, по-прежнему сжимая в руках доску с буквами. Задрав голову, он посмотрел

на священника.

— Ты собираешься убить моего брата? — спросил он.

— Это очень недостойные помыслы, нельзя о таком думать, — нахмурился Троуэр.

Появился Мера и смущенно вручил инструменты Троуэру.

— Поверить не могу, я оставил их на каминной полке.

Юноша протиснулся мимо Троуэра в комнату.

Мгновением спустя Троуэр последовал за ним и занял свое место у вытянутой ноги Элвина, прямо напротив черного, выведенного углем квадрата.

— Куда на этот раз вы их задевали? — поинтересовалась Вера.

Троуэр вдруг понял, что его руки пусты, нет ни ножа, ни пилы. Вот теперь он полностью растерялся. Мера передал их ему из рук в руки. Где он мог потерять их?

В комнату сунулся Кэлли.

— Зачем вы сунули мне эти штуки? — спросил он. И в руках он сжимал инструменты.

— Хороший вопрос, — взглянул на священника Мера. — Зачем вы отдали инструменты Кэлли?

— Я не отдавал, — принялся оправдываться Троуэр. — Наверное, ты отдал их ему.

— Я вручил их вам, — сказал Мера.

— Мне их дал пастор, — подтвердил Кэлли.

— Ладно, неси-ка это сюда, — прервала спор мать.

Кэлли послушно вошел в комнату, держа пилу и нож наперевес, словно военные трофеи. Словно возглавляя огромное войско. Да, огромное, великое войско, подобное армии израильтян, которую привел Иешуа, сын Навин, в Землю Обетованную. Так они несли свое оружие, потрясая им над головами, маршируя вокруг града Иерихона [48]. Они шагали и шагали. Шагали и шагали. А на седьмой день остановились, подули в трубы, издали победный крик — и пали стены, и войско, сжимая в руках мечи и кинжалы, ворвалось в город, разрубая пополам мужчин, женщин, детей, всех врагов Господних, дабы очистить Землю Обетованную от грязи, подготовить ее к приходу людей Господа. Под конец дня они по колено утопали в крови, и посреди войска возвышался Иешуа, величайший пророк. Вскинув окровавленный клинок над головой, он закричал. Что он там закричал?

«Никак не вспомнить, что ж он там кричал.

---

48 notes: Note48

речь идет о взятии Иерихона Иисусом Навином (Библия, Книга Иисуса Навина, глава 6)

Если б я вспомнил, что именно он кричал, то понял бы, почему стою посреди леса, на дороге, окруженной покрытыми снегом деревьями».

Преподобный Троуэр посмотрел на руки, посмотрел на деревья. Каким-то образом он убрел на полмили от дома Миллеров. Совершенно позабыв захватить накидку.

Но затем правда открылась ему. Дьявола обмануть не удалось. Сатана перенес его сюда в мгновение ока, не позволив уничтожить Зверя. Троуэр прозевал возможность обрести величие. Он прислонился к ледяному черному стволу и горько разрыдался.

* * *

Кэлли вошел в комнату, держа нож и пилу наперевес. Мера собрался было покрепче ухватить ногу Элвина, как Троуэр неожиданно поднялся и стрелой вылетел из комнаты, будто ему вдруг страшно приспичило по нужде.

— Преподобный Троуэр, — крикнула вслед мама. — Куда это вы?

Но Мера все понял.

— Пускай идет, ма, — сказал он.

Они услышали, как передняя дверь открылась и по крыльцу простучали тяжелые шаги свя-

щенника.

— Кэлли, иди закрой дверь, — приказал Мера.

Впервые Кэлли без малейшего возражения повиновался. Мама взглянула на Меру, затем на папу, потом снова на Меру.

— Никак не пойму, чего это он убежал, — произнесла она.

Мера улыбнулся ей и повернулся к папе.

— Но ты-то понял, да, па?

— Может быть, — нахмурился тот.

— Видишь ли, — объяснил маме Мера, — ножи и этот священник не могли находиться в одной комнате одновременно с Элом-младшим.

— Но почему? — воскликнула она. — Пастор же хотел делать операцию!

— Ну, сейчас он этого точно не хочет, — пожал плечами Мера.

Нож и пила лежали на одеяле.

— Па, — позвал Мера.

— Только не я, — ответил он.

— Ма, — обернулся Мера.

— Не могу, — сказала она.

— Что ж, — сдался Мера. — Придется тогда мне освоить ремесло хирурга.

Он поглядел на Элвина.

Лицо мальчика приняло смертельно бледный

оттенок, сменивший лихорадочный румянец на щеках. Положение с каждой минутой ухудшалось. Однако Элвину удалось-таки выдавить из себя подобие улыбки и прошептать:

— Видимо, так.

— Ма, будешь оттягивать кожу.

Она кивнула.

Мера взял нож и прижал лезвие к нижней черте.

— Мера, — шепнул Эл-младший.

— Да, Элвин?

— Я выдержу боль и ни разу не дернусь, если ты будешь свистеть.

— Я не могу одновременно резать и придумывать мелодию, — возразил Мера.

— А и не нужно никакой мелодии, — сказал Элвин.

Мера всмотрелся в глаза мальчика. У него не было выбора, и он поступил, как его просили. Ведь нога принадлежала Элу, а если ему хочется, чтобы его оперировал хирург-музыкант, так тому и быть. Мера глубоко вздохнул и принялся насвистывать — не мелодию, отдельные ноты. Он снова приложил лезвие к черной черте и начал резать. Сделав легкий надрез, он остановился, поскольку услышал судорожный вздох Элвина.

— Продолжай насвистывать, — выдавил Элвин. — И режь прямо до кости.

Мера засвистел. На этот раз он рубанул сильно и глубоко. Прямо до кости. Глубокий разрез разошелся по сторонам. Мера подрезал ножом углы и поднял кожу вместе с мускулами. Сначала кровь хлестала фонтаном, но очень быстро остановилась. Элвин, наверное, сотворил внутри себя что-то такое, что остановило кровотечение, решил Мера.

— Мать, — окликнул папа.

Мама наклонилась и отогнула кровавый лоскут плоти. Дрожащими пальцами Эл провел две линии на покрытой красными потеками кости ноги. Мера положил нож и взял пилу. Впившись в кость, она издала противный скрипучий хруст. Но Мера насвистывал и пилил, пилил и насвистывал. Вскоре зараженный кусочек оказался у него в руках. Он ничем не отличался от обычной кости.

— Ты уверен, что я правильно отрезал? — спросил он.

Эл медленно кивнул.

— Я все вырезал, ничего не осталось? — уточнил Мера.

Несколько мгновений Эл сидел молча, а потом

опять кивнул.

— Может быть, мама пришьет кожу обратно?

Эл ничего не сказал.

— Он потерял сознание.

Снова заструилась кровь, понемножку заполняя рану. Из подушечки, которую мама специально носила на шее, торчала иголка с ниткой. Не теряя времени, Вера приложила кожу обратно и ровными, глубокими стежками стала пришивать ее.

— Продолжай свистеть, Мера, — приказала она.

Он свистел, а она шила. Вскоре рану перебинтовали, и Элвина уложили на спину — мальчик спал сном младенца. Поднявшись, они склонились над кроватью. Папа положил руку на лоб мальчика, нежно, чтобы не побеспокоить сон.

— По-моему, лихорадка ушла, — сказал он.

Выйдя за дверь, Мера засвистел какой-то веселый, бойкий мотивчик.

14. Наказание

Завидев мужа, Элли бросилась навстречу. Заботливо отряхнула с плеч снег, помогла раздеться, даже не спросив, что произошло.

Впрочем, это не имело значения — какую бы доброту она ни выказывала. Его пристыдили в глазах его же жены, потому что рано или поздно она услышит о случившемся от кого-нибудь из детей. Скоро рассказ о его позоре распространится по всей Воббской долине. Все будут знать, как Армор Уивер, владелец лавки, что на западе, будущий губернатор, был выброшен из дома прямо в снег своим тестем. И в спину ему будут лететь смешки. Его высмеют. В лицо, конечно, смеяться не осмелятся, потому что нет человека меж озером Канада и рекой Нойс, который не был бы должен ему денег или не нуждался в его картах, чтобы доказать свои притязания на землю. Но когда Воббской долине придет время становиться штатом, об этом случае будут трепаться у каждой избирательной будки. Можно симпатизировать человеку, над которым смеешься, но уважать — никогда. Следовательно, никто за него не про-

голосует.

Далеко идущим планам пришел конец, а жена его происходила из той самой семьи Миллеров. Она была весьма красива для переселенки, но сейчас эта красота его не трогала. Ему плевать было на сладкие ночи и томные часы. Плевать на ее работу, которую она исполняла наравне с ним в лавке. В нем бушевали стыд и гнев.

— Кончай.

— Ты должен снять рубашку, она насквозь промокла. Откуда у тебя снег за воротником?

— Я сказал, убери руки!

Она удивленно отступила:

— Я просто…

— Знаю, что ты «просто». Бедняжка Армор, надо погладить его, как младенца, и он сразу почувствует себя лучше.

— Ты можешь заболеть…

— Папе своему это скажи! Когда у меня кишки от кашля полезут, объяснишь ему, что значит выкидывать человека в сугроб!

— О нет! — воскликнула она. — Не может быть! Чтобы папа…

— Вот видишь! Ты собственному мужу не веришь.

— Я верю тебе, но это не похоже на папу…

— Конечно, нет, то был сам дьявол, вот на что это было похоже! Вот кто поселился нынче в доме твоей семейки! Дух зла! И когда человек пытается произнести под их крышей слово Господне, его вышвыривают на улицу, в снег!

— Что тебя туда понесло?

— Хотел спасти жизнь твоему ненаглядному братцу. Но сейчас он, наверное, уже мертв.

– *Ты-то* как мог спасти его?

Может, она вовсе не хотела вкладывать в свои слова столько презрения. Без разницы. Он понял, что она хотела сказать. Он скрытыми силами не обладает, стало быть, помочь никому не может. Спустя столько лет семейной жизни она все еще верила в колдовство, как и ее родственники. Она ни капли не изменилась.

— Ты все та же, — сказал он. — Зло глубоко угнездилось в тебе, и молитвами его из тебя не выгонишь, никакими проповедями не прогонишь. Даже любовь здесь бессильна, и криком ничего не добьешься!

Упомянув молитвы, он пихнул ее легонько, чтобы она прислушалась к его словам. Сказав о проповедях, он толкнул ее сильнее, и ей пришлось сделать шаг назад. Произнеся «любовь», он схватил ее за плечи и встряхнул — длинные

волосы, уложенные в узел, рассыпались и взлетели, создав ореол вокруг ее головы. Вымолвив «криками», он швырнул ее с такой силой, что она покатилась по полу.

Увидев, что она упала, — она и пола коснуться не успела, как он вдруг ощутил неимоверный стыд. Он так не стыдился, когда ее отец выкинул его в сугроб. «Будучи униженным силой, я пошел домой и стал унижать свою жену, какой же из меня мужчина! Совсем недавно я был праведным христианином, который пальцем не трогал ни мужчину, ни женщину, а сейчас я избиваю собственную жену, плоть от плоти моей, швыряю ее на пол».

Он хотел было броситься на колени, расплакаться, как младенец, испросить прощения. Он бы не преминул это сделать, если б она не истолковала выражение его лица ошибочно. Оно было перекошено от стыда и ярости, правда, Элли не знала, что он сердится на себя, она знала, что он ей причинил боль, поэтому она поступила так, как поступила бы каждая женщина на ее месте, воспитанная в колониях. Она шевельнула пальцами, создавая оберег, и прошептала слово, которое должно было удержать мужа.

Он не смог упасть перед ней на колени. Он шагу

к ней не мог ступить. Даже *подумать об* этом не мог. Оберег получился настолько сильным, что Армор попятился назад, нащупал ручку входной двери, потянул за нее и выбежал на мороз в одной рубашке. Сегодня сбылись все его страхи. Он лишился будущего как политик, но ничто не могло сравниться с происшедшим секунду назад: его жена сотворила колдовство прямо в стенах дома и направила его против *собственного* мужа, тогда как он ничего не мог поделать. Ведьма. Ведьма. И в его доме поселился нечистый.

На улице было холодно. Куртка осталась дома, а свитера на нем не было. Промокшая рубашка прилипла к телу, словно корка льда. Он мог бы зайти в какой-нибудь дом, но не вынес бы позора проситься к чужим людям. Оставалось одно. Идти на холм, в церковь. У Троуэра есть хворост, там он сможет согреться. В церкви он помолится и попытается понять, почему Господь не помог ему? «Господи, разве я не служил тебе верой и правдой?»

* * *

Преподобный Троуэр открыл дверь церкви и медленно, терзаемый страхом, вошел внутрь. Он подвел Посетителя и теперь не мог вынести по-

зора взглянуть ему в глаза. Ибо подвел он его по собственной вине, виноват в этом был он один. Сатана не должен был овладеть им, не должен был так легко изгнать его из дома. Он священник и действует в качестве посланника Бога, следуя инструкциям, данным ему ангелом; а тем временем он и понять ничего не успел, как сатана вышвырнул его в лес.

Он содрал куртку, снял шляпу. Церковь была жарко протоплена. Наверное, огонь в камине горел дольше, чем он думал. А может, Троуэра сжигал стыд.

Быть того не может, чтобы сатана возобладал над Богом. Единственное возможное объяснение заключается в том, что Троуэр слишком слаб. Его подвела собственная вера.

Троуэр упал на колени перед алтарем и выкрикнул имя Господне, призывая его.

— Прости мое неверие! — зарыдал он. — Я держал нож в руках, но против меня выступил сатана, и силы моей оказалось недостаточно.

Он прочитал молитву самобичевания и перебирал в уме неудачи дня, пока окончательно не лишился сил.

Лишь когда глаза его опухли от рыданий, голос сорвался и захрипел, он увидел минуту, когда

вера его подверглась испытанию. Это случилось, когда он стоял в комнате Элвина, умоляя мальчишку исповедоваться, а тот насмехался над таинствами Божьими. «Как он может сидеть на вершине трона, у которого вообще нет вершины?» Хотя Троуэр и отверг сей вопрос, посчитав его плодом невежества и зла, фраза глубоко въелась в его сердце, проникнув под кору веры. Непреложные факты, которые питали его большую часть жизни, рухнули перед вопросом необразованного мальчишки.

— Он украл мою веру, — промолвил Троуэр. — Я вошел в его комнату верующим в Господа, а покинул ее сомневающимся ничтожеством.

— Разумеется, — произнес голос позади него. Голос, который он моментально узнал.

Этого голоса сейчас, в момент поражения, он и страшился, и жаждал. «Прости меня, успокой, мой Посетитель, мой друг! Не угрожай мне наказанием Небес, ужасным проклятием злопамятного Бога».

— Наказанием Небес? — переспросил Посетитель. — Как я могу наказывать тебя, столь великолепного представителя человечества?

— Я вовсе не великолепен, — прохныкал Троуэр.

— Ты человек, вот и все, — ответствовал Посетитель. — По чьему образу и подобию ты сотворен? Я послал тебя нести мое слово в тот дом, а вместо этого *тебя чуть* не обратили. Как мне теперь тебя называть? Еретиком? Или, может, скептиком?

— Христианином! — вскричал Троуэр. — Прости меня и снова назови христианином!

— У тебя был нож в руке, но ты отложил его в сторону.

— Я не хотел!

— Ты слаб, слаб, слаб, слаб, слаб…

Все чаще повторяя это слово, Посетитель растягивал его дольше и дольше, пока каждый повтор сам по себе не превратился в песню. Ведя свою песнь, Посетитель принялся ходить кругами по церкви. Он не бегал, но ноги его двигались необычайно быстро, намного быстрее ног обычного человека.

— Слаб, слаб…

Он двигался стремительно, и Троуэру приходилось вертеться на месте, чтобы не упустить его из виду. Ноги Посетителя уже не касались пола. Он скользил по стенам, плавно и легко, как таракан, сливаясь в движении. Потом он принялся мелькать еще быстрее, пока не превратился в одну сплошную полосу, и Троуэр уже не мог уследить

за ним. Священник облокотился на алтарь, обратившись лицом к пустым церковным скамьям, и стал смотреть за мельканием Посетителя. Раз, еще раз, еще.

Постепенно Троуэр понял, что Посетитель изменил форму, вытянулся, превратившись в длинного ловкого зверя, ящера, аллигатора, блестящего сияющей чешуей. Он рос, пока тело его не вытянулось, полностью окольцевав комнату, — вокруг священника метался громадный червь, зажавший в зубах собственный хвост.

И Троуэр осознал, насколько ничтожен, никчемен он по сравнению с этим прекрасным созданием, которое переливалось тысячами цветов и оттенков, сияло внутренним огнем, вдыхало тьму и выдыхало свет. «Я поклоняюсь тебе! — закричал Троуэр про себя. — Ты олицетворяешь то, чего я всегда жаждал! Поцелуй меня, изъяви свою любовь, дабы и я мог вкусить твоей славы!»

Внезапно Посетитель остановился, и к священнику протянулись громадные челюсти. Вовсе не затем, чтобы поглотить целиком, ибо Троуэр знал, он не стоит даже этого. Теперь он осмыслил ужасное положение человека: он висел над адской пропастью, как паучок на тоненькой ниточке. И Бог поддерживал его только потому, что

даже разрушения он не стоил. Бог не испытывал к нему ненависти. Троуэр был отвратителен, и Бог презирал его.

Троуэр заглянул в глаза Посетителя и отчаялся. Ибо ни любви в них не было, ни прощения, ни гнева, ни презрения. Глаза зияли абсолютной пустотой. Чешуйки слепили, рассыпая искры внутреннего огня. Но глаза огня не испускали. Даже черноты в них было не видно. Их просто не было, ужасающая пустота дрожала вместо них, ни секунды не стоя на месте. Это было отражение Троуэра, он представлял собой ничто, и если он останется жить на этой земле, то будет бесполезно занимать драгоценное пространство. Оставался единственный выход — самоуничтожиться, рассоздаться и вернуть миру былую славу, которую бы он обрел в случае, если б Филадельфия Троуэр никогда не появлялся на свет.

* * *

Армора разбудила истовая молитва Троуэра. Свернувшись в комочек, он спал у плиты Франклина. Может быть, растопив ее так жарко, он чуть-чуть перестарался, но тогда он ничего не ощущал — холод сжигал его. К тому времени, как он добрался до церкви, рубашка покрылась кор-

кой льда. За сожженный уголь он расплатится, привезя пастору вдвое больше угля.

Армор хотел заговорить, дать Троуэру знать о своем присутствии в церкви, но, услышав молитву, мигом позабыл все слова. Священник говорил о ножах и артериях, о том, что ему следовало разрезать на части врагов Господа. Спустя минуту-другую до Армора дошел смысл молитвы: Троуэр пошел с ним не затем, чтобы спасти мальчика, он хотел убить его! «Да что ж такое происходит? — подумал Армор. — Христианин избивает жену, верующая жена заколдовывает мужа, а священник задумывает убийство и просит прощения, что не смог совершить это ужасное преступление!»

Молитва Троуэра неожиданно оборвалась. Голос его охрип, а лицо покраснело — такое впечатление, что его вот-вот должен хватить удар. Но нет. Троуэр поднял голову, как будто к кому-то прислушиваясь. Армор тоже напряг слух и действительно что-то расслышал: далекий разговор, словно люди кричат друг другу в бурю, а ветер тут же уносит их слова, и не можешь расслышать, о чем именно идет речь.

«А, знаю, в чем дело, — догадался Армор. — Преподобному Троуэру явилось видение».

И в самом деле, Троуэр говорил, а далекий, призрачный голос отвечал. Внезапно священник завертелся на одном месте, быстрее и быстрее, будто разглядывая что-то на стенах. Армор попытался рассмотреть, что он там увидел, но ничего не понял. Словно тень внезапно набежала на солнце — ее приближения не видно, и уходит она незаметно, только на секунду вдруг становится темнее и холоднее. Вот что увидел Армор.

Затем тень пропала. Армор увидел дрожь в воздухе, отдельные лучики ослепительного сияния, которое испускает солнце, попавшее в стакан. Неужели Троуэру явился в своем сияющем обличье Господь, как явился когда-то к Моисею? Судя по лицу пастора, вряд ли. Армор никогда в жизни не видал подобного лица. Так выглядит человек, на глазах у которого секунду назад убили сына.

Дрожь и сияние бесследно растворились. Церковь поглотила тишина. Армор хотел подбежать к Троуэру, спросить его: «Что ты видел? Какое видение тебе явилось? Было ли это пророчество?»

Но, похоже, Троуэру не хотелось выслушивать какие-либо вопросы. На его лице по-прежнему стояло желание смерти. Проповедник очень медленно, шаркая ногами, отошел от алтаря. Он побродил среди церковных скамеек, периодиче-

ски натыкаясь то на одну, то на другую, очевидно, ему было все равно, куда идет его тело. В конце концов он остановился у окна, глядя в стекло. Но Армор понимал, что сейчас священник не видит ничего и никого, просто стоит с широко открытыми глазами, побледнев, как сама смерть.

Преподобный Троуэр поднял правую руку, разжал пальцы и положил ладонь на стекло. Надавил. Он нажал на него так сильно, что стекло прямо на глазах у Армора выгнулось, готовое вот-вот треснуть.

— Остановитесь! — закричал Армор. — Вы порежетесь!

Троуэр не подал и виду, что слышал окрик. Он продолжал давить. Армор направился к нему. Надо остановить этого человека, прежде чем он разобьет стекло и перережет себе все вены на руке.

С громким звоном стекло разбилось. Рука Троуэра по плечо исчезла в ночной темноте. Проповедник улыбнулся. Подавшись немного назад, он приложил запястье к торчавшим из рамы зубьям острых осколков и с видимым наслаждением принялся водить рукой по битому стеклу.

Армор попробовал оттащить Троуэра от окна, но священник проявил силу, которой Армор

раньше в нем никогда не замечал. Армору ничего не оставалось делать, кроме как разбежаться и в прыжке сбить пастора с ног. Капли крови расплескались по полу. Армор схватил руку Троуэра, из которой хлестала кровь. Троуэр попытался откатиться от него. Выбора у Армора не было. Впервые с тех пор, как он стал христианином, Армор сжал кулак, коим и врезал Троуэру прямо в челюсть. Голова священника откинулась назад, с громким стуком врезалась в пол, и Троуэр на время потерял сознание.

«Надо как-то кровь остановить», — подумал Армор. Но сначала следовало вытащить из раны стекло. Некоторые осколки едва вонзились в кожу, поэтому их удалось просто стряхнуть. Но другие, особенно мелкие, вошли глубоко, торчали самые кончики, а скользкая и густая кровь мешала как следует их ухватить. Наконец Армор вытащил все осколки, которые смог найти. К счастью, кровь не лилась сплошным потоком, значит, основные вены не пострадали. Армор стащил через голову рубашку, оставшись голым по пояс. Из разбитого окна дул морозный воздух, но он не замечал холода. Разодрав рубаху на полосы, Армор сделал бинты. После чего перевязал раны и остановил кровь. Бессильно опустившись

на пол, он стал ждать, когда к Троуэру вернется сознание.

* * *

Очнувшись, Троуэр изрядно удивился, обнаружив себя живым. Он лежал на спине на твердом полу, укрытый каким-то одеялом. Голова раскалывалась от боли. Рука саднила. Он помнил, что пытался перерезать вены, и знал, что должен попробовать покончить с собой еще раз, но настойчивое желание смерти, которое он ощущал прежде, исчезло. Он вызвал в памяти образ Посетителя, обернувшегося громадным ящером, его пустые глаза — не помогло. Троуэр не мог вспомнить, что он тогда ощутил. Хотя знал: ничего ужаснее он не видел.

Рука была туго перевязана. Кто наложил бинты?

Он услышал звук падающих капель. Затем хлопки мокрой тряпки по дереву. В тусклом зимнем свете он разглядел, что кто-то моет стены. Одна из оконных рам была наспех заделана деревянной панелью.

— Кто здесь? — спросил Троуэр. — Кто ты?

— Это всего лишь я.

— Армор.

— Стены мою. Это церковь, а не скотобойня.

Ну конечно, кровь, наверное, забрызгала все вокруг.

— Извини, — произнес Троуэр.

— Да ничего, я справлюсь, — ответил Армор. — Надеюсь, я вытащил все осколки из вашей руки.

— На тебе ничего нет, — заметил Троуэр.

— Моя рубашка на вашей руке.

— Тебе, должно быть, холодно.

— Было. Но я кое-как прикрыл окно и пожарче растопил печку. Ну и лицо у вас было, доложу я вам, словно вы были мертвы по крайней мере неделю.

Троуэр попытался сесть, но не смог. Он слишком ослаб, да и рука ныла нестерпимо.

Армор осторожно снова уложил его на пол.

— Лежите, лежите, преподобный Троуэр. Просто лежите. Вам пришлось многое пережить.

— Да.

— Надеюсь, вы не против того, что я зашел в церковь, когда вас не было. Я заснул за печкой — жена выгнала меня из дома. За сегодняшний день на улицу меня вышвыривали целых два раза. — Он рассмеялся, но веселья в его смехе было мало. — А потом я проснулся и увидел вас.

— Увидел?

— Вам явилось видение, да?

— Ты узрел его?

— Плохо. *Вас было* видно хорошо, но кое-что я уловил, блики какие-то. Они кружились по стенам.

— Ты видел, — сказал Троуэр. — О Армор, это было ужасно и одновременно так чудесно.

— К вам снизошел Господь?

– *Господь?* Бог бестелесен, его нельзя увидеть, Армор. Нет, я свидетельствовал ангела, ангела наказания. Наверное, именно его лицезрел фараон, когда ангел смерти прошел по городам Египта, забрав царского первенца [49].

— Ого, — задумчиво промолвил Армор. — Значит, мне следовало позволить вам умереть?

— Если б мне надо было умереть, ты бы не смог спасти меня, — улыбнулся Троуэр. — А поскольку ты спас меня, поскольку очутился в церкви в момент моего крайнего отчаяния, это можно счесть знаком, что мне суждено остаться в живых. Я подвергся наказанию, но не был уничтожен. Армор, мне дан второй шанс.

Армор кивнул, но Троуэр заметил, что он чем-то

---

49 notes: Note49

здесь говорится о фараоне, при котором случились десять казней египетских; десятой, последней, была смерть всех первенцев, в том числе и первенца фараона (Библия, Исход, глава 11)

очень обеспокоен.

— В чем дело? — спросил Троуэр. — Что за вопрос ты хочешь задать?

Глаза Армора расширились:

— Вы читаете мои мысли?

— Если б читал, то не спрашивал бы, что тебя так волнует.

— Ну да, верно, — улыбнулся Армор.

— Обещаю, если смогу, я отвечу тебе.

— Я слышал вашу молитву, — произнес Армор. И замолк, подразумевая тем самым вопрос.

Но поскольку Троуэр не понял, что хотел спросить Армор, поэтому ответил наугад:

— Я был в отчаянии, потому что подвел доверие Господа. На меня была возложена миссия, но в самый ответственный момент в мое сердце закрались сомнения.

Протянув здоровую руку, он схватил Армора. Пальцы впились в колено стоящего рядом мужчины, ощутив грубую ткань штанов.

— Армор Уивер, — взмолился Троуэр, — не позволяй сомнениям вторгаться в твое сердце. Никогда не задавайся вопросом, правда ли то, что известно тебе. Именно через эту дверь проникает сатана, чтобы завладеть тобой.

Но не это хотел услышать Армор.

— Спроси меня, что ты хочешь спросить, — сказал Троуэр. — И я отвечу тебе правдой, если смогу.

— В своей молитве вы говорили об убийстве, — промолвил Армор.

Троуэру не хотелось, чтобы кто-нибудь узнал о ноше, которую возложил Господь на его плечи. Но если бы Бог желал сохранить все в тайне. Он бы не позволил Армору оказаться в церкви и подслушать молитву.

— Я верую, — произнес Троуэр, — что тебя ко мне привел сам Господь Бог. Я слаб, Армор, и я потерпел поражение, не исполнив волю небес. Но теперь я вижу, именно Он направил ко мне тебя, человека верующего, в качестве друга и помощника.

— Что потребовал Господь? — спросил Армор.

— Не убийства, брат мой. Господь никогда не просил меня убивать человека. То был дьявол, которого меня послали убить. Дьявол в человеческом обличье. Поселившийся в том доме.

Армор надул щеки, погрузившись в собственные мысли.

— Значит, мальчик не просто одержим, — это вы хотите сказать? Стало быть, то, что находится в нем, не изгонишь?

— Я пытался, но он хохотал над Священным Писанием и насмехался, когда я читал молитву, изгоняющую дьявола. Он не одержим, Армор. Это сын самого дьявола.

Армор потряс головой:

— Моя жена не дьяволица, а она ему приходится родной сестрой.

— Она бросила ведьмовство и очистилась, — объяснил Троуэр.

— Я тоже так думал, — горько хмыкнул Армор.

Тогда Троуэр наконец догадался, почему Армор нашел прибежище в церкви, в доме Господа Бога: в его собственном жилище поселился нечистый.

— Армор, поможешь ли ты мне очистить эту страну, этот город, этот дом, эту *семью от* злого влияния, что захватило здесь власть?

— А спасет ли это мою жену? — спросил Армор. — Поможет ли ей избавиться от страсти к колдовству?

— Скорее всего, — кивнул Троуэр. — Возможно, Господь свел нас, чтобы мы совместными усилиями очистили наши дома.

— Чем бы ни закончилась эта битва, — ответил Армор, — я вместе с тобой буду сражаться с дьяволом.

15. Обещания

Сказитель открыл письмо и прочел его вслух от начала до конца внимательно слушающему кузнецу.

— Ты помнишь эту семью? — спросил Сказитель.

— Помню, — кивнул Миротворец Смит. — Их старший сын был одним из первых, кто нашел приют на нашем кладбище. Я собственными руками вытащил его тело из реки.

— Ну, так что ты решил? Возьмешь его к себе в подмастерья?

Юноша лет, наверное, шестнадцати вошел в кузню, волоча набитую снегом корзину. Бросив взгляд на гостя, он склонил голову и направился к бочонку с холодной водой, стоящему рядом с горном.

— Как видишь, у меня уже имеется ученик, — ткнул пальцем кузнец.

— Он почти взрослый, — заметил Сказитель.

— Да, растет, — согласился кузнец. — Правильно, Бози? Готов отправиться на поиски собственной работы?

Бози улыбнулся краешком рта, но быстро подавил улыбку и кивнул.

— Да, сэр, — ответил он.

— Характер у меня тяжелый, — предупредил кузнец.

— У Элвина доброе сердце. Он будет трудиться изо всех сил.

— Но будет ли он повиноваться мне? Мне нравится, когда меня слушаются.

Сказитель снова взглянул на Бози. Тот усердно перекидывал снег в бочонок.

— Я же сказал, у него доброе сердце, — проговорил Сказитель. — Если ты станешь поступать с ним по справедливости, то и он будет слушаться тебя.

Кузнец, не дрогнув, снес пристальный взгляд странника.

— Я всегда поступаю честно. Привычки избивать учеников не имею. Я когда-нибудь тебя хоть пальцем тронул, Бози?

— Никогда, сэр.

— Вот видишь, Сказитель, подмастерье может повиноваться из страха, а может слушаться из жадности. Но коли я хороший мастер, он будет исполнять мои повеления, поскольку знает, что таким образом он учится.

Сказитель широко улыбнулся.

— Платы за него не дают, — предупредил Сказитель. — Мальчик сам отработает содержание. Кроме того, он должен получить некоторое образование.

— Насколько мне известно, кузнецу всякие там буквы без надобности.

— Очень скоро Гайо войдет в Соединенные Штаты, — возразил Сказитель. — Мальчик должен будет голосовать и читать газеты. Человек, который не умеет читать, знает жизнь только по рассказам других людей.

Миротворец Смит посмотрел на Сказителя с плохо скрываемой усмешкой:

— Правда? И это ты мне рассказываешь? Разве я плохо узнал жизнь по рассказам других людей, к примеру, по тем историям, которыми вечно полон ты?

Сказитель расхохотался и кивнул. Этим выстрелом кузнец попал прямо в яблочко.

— Я разношу по миру всевозможные истории, — согласился Сказитель, — и сам убедился, что один звук человеческого голоса несет в себе массу знаний. Элвин уже читает не по годам, и, если он пропустит пару лет занятий, это ему не повредит. Но его мама решительно настроена

на то, чтобы он научился обращаться с буквами и цифрами, как настоящий ученый. Пообещай мне, что не встанешь между ним и образованием, если он захочет вдруг продолжить его. И на этом мы договоримся.

— Даю слово, — пообещал Миротворец Смит. — И можешь это не записывать. Человеку, который держит свое слово, не обязательно уметь читать и писать. Но вот человек, который обязательно должен записать свои клятвы, — с такого типа глаз не своди. Знаю точно. Недавно в Хатраке поселился законник.

— Вот оно, проклятие цивилизации, — покачал головой Сказитель. — Когда человек не может заставить окружающих верить своей лжи, он нанимает профессионала, который будет лгать за него.

И они дружно расхохотались. Они сидели на двух небольших чурбанчиках рядом с дверью кузни, в сложенном из кирпича камине полыхало веселое пламя, на полустаявший снег снаружи падали теплые лучики солнца. Над покрытой жухлой травой, перепаханной землей порхнул красногрудый зяблик. Его яркое оперение на секунду ослепило Сказителя — так удивительно смотрелась птичка на фоне бело-серо-коричне-

вых цветов отступающей зимы.

Неожиданно, в момент изумления полетом зяблика, Сказитель осознал — хотя сам не понял, с чего он это взял, — что пройдет немало времени, прежде чем Рассоздатель позволит юному Элвину стать учеником кузнеца. Появившись в этом городке, мальчик будет похож на зяблика, порхающего над зимними снегами. Он ослепит и озарит окрестности, а люди примут его как само собой разумеющееся, как летящую птичку, не догадываясь, какое чудо происходит каждый раз, когда птица взлетает в воздух.

Сказитель встряхнулся, и видение, посетившее его, рассеялось.

— Значит, договорились. Я напишу, чтобы Элвин выезжал.

— Буду ждать его к первому апреля. Не позднее!

— Ты что, думаешь, мальчишка умеет управлять погодой? Пожалуй, точную дату назначать не стоит.

Кузнец что-то буркнул и махнул рукой, выпроваживая Сказителя из кузни. В целом разговор прошел удачно. Сказитель ощутил небывалую легкость — он исполнил свои обязанности. А письмо можно отослать с какой-нибудь повозкой,

следующей на запад, — каждую неделю через Хатрак проезжали семьи переселенцев.

Он давненько не бывал в этом городе, но не забыл, как добраться от кузни до постоялого двора. Дорога была накатанной и недлинной. Гостиница разрослась, увеличившись в размерах, чуть дальше, как грибы, выросли несколько лавок. Галантерейщик, шорник, сапожник. Их услуги всегда придутся кстати путнику.

Не успел он ступить на крыльцо, как дверь отворилась, и из гостиницы, распахнув объятия, выбежала старушка Пэг Гестер.

— А, Сказитель, давно тебя не видали, ну, заходи, заходи!

— Рад снова видеть тебя, Пэг, — сказал он.

Из-за стойки, построенной в большой комнате, приветственно помахал ему Гораций Гестер, обслуживающий нескольких терзаемых жаждой посетителей.

— Явился не запылился! Только еще одного трезвенника мне здесь не хватало!

— Тогда у меня к тебе хорошие новости, — добродушно крикнул Сказитель.

— Я и чай бросил пить.

— Чем же ты теперь утоляешь жажду? *Водой?*

— Водой и кровью жирных стариков, — пове-

дал Сказитель.

— Эй, Пэг, ты лучше держи его от меня подальше, слышишь? — предупредил жену Гораций.

Старушка Пэг помогла Сказителю освободиться от зимних одежек.

— Ты посмотри, — всплеснула руками она, меряя его взглядом. — Да твоего мяса даже на похлебку не хватит.

— Зато медведи и пантеры обходят меня стороной, ищут добычу пожирнее, — мудро объяснил Сказитель.

— Давай устраивайся и расскажи мне парочку новых историй, пока я готовлю ужин для честной компании.

Начались болтовня и переругивание, которые усилились, когда на кухню притащился помочь деда. Он изрядно сдал, но все еще не оставлял жарку-парку, чему столующиеся здесь были неимоверно рады; старушка Пэг старалась изо всех сил и работала не покладая рук, но у некоторых есть дар, а у некоторых его нет, и ничего тут не попишешь. Но Сказителя привел сюда не голод, да и не нужда в доброй беседе. Спустя некоторое время он наконец задал вопрос, который его терзал:

— А где ж ваша дочь?

К его удивлению, старушка Пэг сразу как-то напряглась и нахмурилась, а в голосе прорезались ледяные, жесткие нотки.

— Она уже не маленькая. У нее свой ум есть, отвечать научилась.

«А тебе это не особо и нравится», — подумал Сказитель. Но дело, которое он имел к дочке хозяев гостиницы, было куда важнее местных сплетен.

— Она по-прежнему…

— Светлячок? Да, обязанности свои она прилежно исполняет, да вот народ теперь неохотно обращается к ней. Стала какая-то напыщенная, холодная. И язык взяла привычку распускать. — На мгновение лицо Пэг смягчилось. — А когда-то была такой доброй девочкой…

— Никогда не видел, чтобы доброе сердце превращалось в камень, — удивился Сказитель. — По крайней мере, просто так, без причины.

— Ну, не знаю, причина, там, не причина, но сейчас сердце ее напоминает ведро с водой, выставленное на улицу в морозную зимнюю ночь.

Сказитель прикусил язык, решив обойтись без нравоучений. Он не стал говорить, что, если разбить лед, он снова замерзнет, а если занести его внутрь, он тут же оттает. Не дело встревать

в семейные ссоры. Сказитель достаточно близко был знаком с местной жизнью, поэтому воспринял этот раздор как нечто естественное, как холодные ветры и короткие дни осенью, как следующий за молнией гром. Большинство родителей мало пользы находят в детях, которые начали взрослеть.

— Мне надо обсудить с ней кое-что, — заявил Сказитель. — Так что, пожалуй, я рискну, пускай она мне откусывает голову.

* * *

Он отыскал ее в кабинете доктора Уитли Лекаринга: перебирая счета, она подсчитывала и раскладывала их по порядку.

— Вот уж не знал, что ты счетовод, — заметил он.

— А я никогда не думала, что ты увлекаешься лекарствами, — парировала она. — Или ты пришел поглазеть на чудо-девочку, которая умеет складывать и вычитать?

О да, язычок у нее был подвешен дай Боже. Многие люди чувствуют себя неудобно при виде остроумной девицы: они-то ожидают, что девушка опустит глаза, заговорит еле слышно, послушно, бросая робкие взгляды из-под густых

ресниц. В Пэгги не было ничего от юной леди. Она открыто смотрела на Сказителя.

— Я явился не затем, чтобы меня исцелили, — объяснил Сказитель. — И не за предсказанием будущего. И даже не затем, чтобы ты проверила мои счета.

Ну вот. Получив прямой, незамысловатый ответ, увидев, что стоящий перед ней человек не смутился, она сразу улыбнулась — подобной улыбкой снимаются чары с заколдованных принцев.

— Да, вряд ли тебе требуется что-то посчитать, — сказала она. — Ноль плюс ноль равно ноль, если я не ошибаюсь.

— Ошибаешься, Пэгги, — возразил Сказитель. — Я владею всем этим миром, правда, люди постоянно задерживают с оплатой по счетам.

Она опять улыбнулась и отложила бухгалтерию доктора в сторону.

— Я проверяю его счета раз в месяц, а он возит мне книги из Дикэйна.

Она принялась рассказывать о том, что недавно прочитала, и Сказитель увидел, как сердце ее тоскует по далеким краям, раскинувшимся за рекой Хатрак. Подметил он и кое-что другое: она, будучи светлячком, успела узнать живущих

в округе людей, а потому решила, что в дальних краях живут только те, у кого сердце как бриллиант, кто не разочарует девочку, которая умеет заглядывать в самую глубь души.

Она молода — этим все сказано. Со временем она научится любить то добро, что рядом с ней, и прощать остальное.

Вскоре появился доктор, и Сказитель немного поболтал с ним. День клонился к вечеру, когда Сказитель наконец вновь остался наедине с Пэгги и смог задать вопрос, ответ на который так хотел узнать.

— Насколько далеко ты видишь, Пэгги?

Усталость, словно толстый бархатный занавес, упала на ее лицо.

— Надеюсь, ты не посоветуешь мне приобрести очки, — сказала она.

— Я просто вспомнил одну девочку, которая когда-то написала в моей книге: «Творец на свет появился». Я вот думаю, следит ли она еще за тем Творцом, оберегая каждый его шаг.

Она отвернулась, уставившись на высокое окно, закрытое огромной занавеской. Солнце почти село, а небо посерело, но лицо Пэгги было исполнено светом — Сказитель видел, как она источает его. Порой не обязательно быть

светлячком, чтобы распознать, что творится в человеческом сердце.

— Кроме того, я засомневался, видел ли тот светлячок кровельную балку, которая однажды упала на мальчика, — продолжал Сказитель.

— Может, и видел, — ответила она.

— И случай с жерновом…

— Все возможно.

— А не та ли девочка каким-то образом расщепила балку на две половинки, и не она ли проделала в жернове трещину, так что некий старый сказитель увидел свет лампы сквозь толщу камня?

На глазах ее заблестели слезы. Не то чтобы она готовилась вот-вот разрыдаться, нет — она словно смотрела на яркое солнце, и резкий свет заставил капельки влаги навернуться на глаза.

— Берешь сорочку младенца, растираешь ее кусочек, и сила мальчика переходит тебе. На пару-другую творений хватит, — тихо объяснила она.

— Но теперь ему самому кое-что известно о собственном даре, и он способен помешать твоим действиям.

Она кивнула.

— Наверное, чувствуешь страшное одиноче-

ство, когда смотришь на него отсюда, из этой дали, — промолвил Сказитель.

Она помотала головой.

— Я вовсе не одинока. Вокруг меня постоянно толкутся люди. — Она подняла глаза на Сказителя и криво улыбнулась. — Проводить время с мальчиком, который ничего от меня не требует, — настоящее облегчение, потому что он даже не ведает, что я существую.

— Зато ведаю я, — напомнил Сказитель. — Но мне от тебя тоже ничего не нужно.

— Старый врунишка, — улыбнулась она.

— Ну ладно. Я и в самом деле хотел попросить тебя кое о чем, но не для себя. Я сошелся с этим мальчиком и, пусть я не умею заглядывать в сердца, как это делаешь ты, близко узнал его. Мне кажется, я догадываюсь, кем он может стать, что он может сделать. Поэтому хочу сказать: как только тебе потребуется моя помощь, любая помощь, пошли за мной. Просто напиши, что я должен сделать, и, если это будет в моих силах, я помогу.

Она не ответила, даже не посмотрела на него.

— Пока что ты обходилась без посторонней помощи, — произнес Сказитель,

— но он научился выносить самостоятельные

решения, и ты не всегда можешь поступать так, как ему нужно. Опасности, которые угрожают ему, не ограничиваются тем, что что-то может свалиться ему на голову или поранить его. Теперь он сам решает, что ему нужно, а что нет — вот где таится настоящая опасность. Я пытаюсь сказать тебе, если ты увидишь подобную угрозу и тебе понадобится моя помощь, — я приду, ничто меня не остановит.

— Это утешает, — проговорила она.

Ее слова были достаточно честны — Сказитель видел это. Но вместе с тем чувствовала она куда больше, чем хотела показать, — это он тоже знал.

— Прежде всего должен тебе сообщить, что он едет сюда, первого апреля он поступит в ученики к кузнецу.

— Я знаю, что он едет, — кивнула она, — только к первому апреля он сюда не доберется.

— Да?

— В этом году ему не суждено стать подмастерьем.

Тревога за судьбу мальчика защемила сердце Сказителя.

— Похоже, я действительно пришел сюда, чтоб узнать будущее. Что его ждет? Какая у него будет

судьба?

— Произойти может что угодно, — ответила она. — Гадать здесь бесполезно. Я вижу, как жизнь разделяется перед ним на тысячи дорог. Лишь некоторые ведут мальчика сюда к апрелю, но большинство могут закончиться его смертью от томагавка краснокожего.

Сказитель наклонился над письменным столом доктора и накрыл ладонями ее руки.

— Он будет жить?

— Пока мое тело дышит, — сказала она.

— И мое, — кивнул он.

Секунду они сидели в тишине, ощущая касание рук, глядя друг другу в глаза. Потом она вдруг звонко рассмеялась и отвернулась.

— Обычно, когда люди смеются, до меня доходит соль шутки, — намекнул Сказитель.

— Я просто подумала, насколько жалко мы с тобой выглядим по сравнению с полчищами врагов, с которыми суждено столкнуться мальчику.

— Верно, — согласился Сказитель. — Но ведь мы стоим на стороне добра, и вся природа действует с нами заодно.

— В том числе и Господь Бог, — твердым голосом добавила она.

— Я бы этого не сказал, — пожал плечами Ска-

зитель. — Всякие проповедники и священники возвели вокруг него столь плотный забор доктрины, что бедняге Господу и повернуться трудно. Теперь, когда Библия истолкована согласно их желаниям, они не дадут ему слова сказать, не говоря о том, чтобы продемонстрировать свою силу миру.

— Много лет назад в рождении седьмого сына седьмого сына я узрела его руку, — ответила Пэгги. — Если хочешь, назови это силами природы, ты ведь всевозможных знаний набрался от философов и магов. Я знаю одно: мы с этим мальчиком связаны так крепко, будто появились на свет из одной и той же утробы.

Сказитель вовсе не планировал следующего вопроса, он сорвался с губ сам собой:

— И ты радуешься этому?

В глазах ее проступила неизмеримая печаль.

— Редко, — произнесла она.

Она выглядела такой усталой — Сказитель ничего не мог с собой поделать. Он обошел вокруг стола, встал рядом и крепко прижал ее к себе, как отец прижимает дочь. Он держал ее в объятиях довольно долго. Плакала ли она или о чем-то думала, он не мог сказать. Ни слова не было произнесено. Наконец она отстранилась и вернулась

к своим счетам. А он, так и не промолвив ни слова, вышел из дома.

Покинув Пэгги, Сказитель направился прямиком в гостиницу, чтобы поужинать. Ему предстояло рассказать пару-другую историй и исполнить кое-какую работу по дому, чтобы оплатить стол и кров. Однако все его рассказы блекли по сравнению с той историей, которую он не мог поведать, по сравнению с историей, конца которой он не знал.

* * *

На лугу напротив мельницы собралось с полдюжины повозок, на которых фермеры проделали далекий путь, чтобы получить хорошую, добрую муку. Не придется больше их женам потеть со ступкой и пестиком, грубо толча зерно, из которого потом выйдет жесткий, кислый хлеб. Жернова мельницы закрутились, и вскоре весь народ, живущий в окрестностях Церкви Вигора, начнет свозить сюда зерно.

Вода весело струилась по желобу, и огромное колесо вращалось. Внутри мельницы силой шестеренок приводился в движение малый жернов, скользящий по поверхности большого жернова с четвертной нарезкой.

Мельник высыпал пшеницу на камень. Жернов прошелся по зерну, давя и превращая его в муку. Мельник разровнял ее и снова пустил жернова, а затем ссыпал муку в корзину, которую держал его сын, десятилетний мальчик. Сын просеял ее сквозь сито и стряхнул получившуюся муку в холстяной мешок. Всякая шелуха, что осталась в сите, последовала в силосный бочонок. Затем мальчик вернулся к отцу за новой корзиной еще не просеянной муки.

Трудясь бок о бок друг с другом, они думали об одном и том же. Мысли их удивительным образом сходились. «Вот чем я всегда хотел заниматься, — думал каждый из них. — Я бы поднимался рано утром, приходил на мельницу и работал весь день рядом с ним». И неважно, что желанию их не суждено исполниться. Может быть, они больше никогда не увидят друг друга, ибо вскоре мальчик уезжал, чтобы поступить в подмастерья к кузнецу в городе, где он десять лет назад родился. Это только добавляло сладости мгновению, которое вскоре должно превратиться в воспоминание, а потом — в сон…

Глоссарий имён собственных

Некоторые имена, используемые Орсоном Скоттом Кардом, двусмысленны и не подлежат переводу на русский язык. Чтобы лучше уловить характеры персонажей, был составлен данный краткий глоссарий.

Армор (Armor-of-God) — в переводе на русский язык это имя должно звучать как «броня Господня».

Вера (Faith) — это имя дословно переведено на русский язык, и понимать его следует буквально.

Вигор (Vigor) — в переводе с английского имя Вигор означает «сила», «мужество», что полностью соответствует характеру персонажа, пожертвовавшего жизнью ради своей матери и брата Элвина.

Гестер (Guester) — образованное от англ. «guest», что означает «гость», по-русски фамилия будет звучать как «принимающий гостей», «хозяин».

Кальм (Calm) — как и многие другие имена, это имя отражает характер персонажа. «Calm» — «спокойный».

Лекаринг (Physicker) — фамилия деревенского доктора происходит от английского слова «physic», которое переводится как «медицина», «лекарство». «Лекаринг» — это образование от русского «лекарь» и чисто английского суффикса «ing».

Мера (Measure) — данное имя также несет в себе черты характера, присущие герою. «Мера», «мерило» — юноша обладает верным глазом и никогда не ошибается.

Миллер (Miller) — многие английские фамилии, как, впрочем, и русские, произошли от названия известных профессий. «Миллер» означает «мельник», поэтому в тексте книги фамилии Миллер и Мельник чередуются.

Нед (Wantnot), Нет (Waistnot) — перевод имен братьев-близнецов весьма волен. В дословном переложении на русский их имена будут звучать как «Не-захоти» и «Не-трать-даром». «Нед» и «Нет» — это сокращения: Нед — от «не-дозволь» (по словам одного из персонажей книги, этот брат всегда оказывается там, где должна произойти беда, и предотвращает ее), а Нет — от «не-трать».

Смит (Smith) — самая распространенная английская фамилия произошла от слова «кузнец».

Троуэр (Thrower) — эта фамилия несет в себе

множество оттенков, образованная от английского глагола «throw», некоторыми значениями которого являются «менять» (кожу — говорится о змее), «набрасывать» (например, сети), «проигрывать».

Уивер (Weaver) — на первый взгляд, данная фамилия, переводящаяся как «ткач», не имеет отношения к герою. Впрочем, можно вспомнить, что Армор Уивер мечтал стать губернатором штата. Давая людям в долг, он обязывал их и ткал сети, оплетая Воббскую долину.